
ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Библиотека и музей имени А. П. Чехова в Таганроге.

Фото Б. Кузьмина.

На первой странице обложки: Антон Павлович Чехов.

Рисунок В. Климашина.

На последней странице обложки: Экскурсия московских школьниц по чеховским местам. Привал в Мелихове.

Фото С. Фридлянда.

ОГОНЁК № 28 (1413) 11 ИЮЛЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕХОВ

Чехов занимает в русской литературе особое место. Его любят все, в этом сходятся люди самых разнообразных вкусов. Он признан народом полностью и навсегда. Я никогда еще не видел человека, который бы сказал: «Я не люблю Чехова».

В чем же сила этого удивительнейшего художника слова? Прежде всего, конечно, в огромном самобытном и независимом уме, который в соединении с врожденным чувством правды позволил Чехову-художнику так глубоко проникать в самую суть явлений окружающей его жизни, без чего писатель не может создать ни достоверных человеческих характеров, ни картины общества.

Затем — талант, то есть та высшая скромность и простота художественных средств, которые в руках настоящего мастера слова всегда и при всяких обстоятельствах стóят неизмеримо дороже различных словесных фокусов и изысков, того, что иные критики-дилетанты самодовольно называют «сочностью», «красочностью» и что всегда так ненавистно было Чехову. В смысле простоты языка, точности, краткости Чехов является прямым продолжателем тех удивительных традиций русской прозы, которые нам подарили Пушкин и Лермонтов.

Чехов был настоящим новатором в области формы. Но его новаторство заключалось не в усложнении синтаксиса и не в привнесении в художественную ткань прозы различных словесных красот и излишеств, а, наоборот, в строжайшем очищении языка от всего лишнего, чем и объясняется та легкость, с которой каждая его мысль и каждый образ доходят до читателя. Можно пожалеть, что мы, советские писатели, еще очень плохо осваиваем эти замечательные традиции.

Известно, как нежно любил Чехова Лев Толстой. Он часто в семейном кругу читал вслух его рассказы. По свидетельству современников, он называл Чехова Пушкиным русской прозы.

Дотоле образцом словесного изящества считался Тургенев. Чехов в области формы продвинул русскую прозу еще дальше, он достиг величайшего совершенства в умении двумя—тремя штрихами, как бы между прочим, нарисовать портрет или создать картину природы. Его диалог предельно сжат и экономен. Речевые характеристики персонажей так же разнообразны, как разнообразны сами персонажи. Здесь Чехов никогда не повторяется. Его же собственная, авторская интонация при всей ее удивительной музыкальности и мелодичности никогда не выпирает наружу и не заглушает общий музыкальный строй вещи.

Таковы основные особенности чеховского литературного стиля, позволяющие художнику вместить в форму небольшого рассказа или маленькой повести такое количество материала, которого для другого писателя могло бы с излишком хватить на целый роман.

Уже это одно делает Чехова совершенно новым и оригинальным явлением не только в русской, но и в мировой литературе. Но его сила заключается не в этом или, точнее, не только в этом. Великим писателем Чехова сделало чувство правды, органически заложенное в самой основе его человеческой личности.

В сущности говоря, Чехов вышел из самой гущи народной. Его отец был крепостной. С детства будущего писателя окружал страшный мир уездного мещанства. Нелегко было Чехову вырваться из этого мира. Правда, он был человек необыкновенный, самородок, но сколько в то время погибало на Руси самородков!

Чехов не погиб. Подобно Ломоносову, он не только «выбился в люди», но стал великим писателем, гордостью своего народа.

Он вступил в литературу в те темные, глухие годы реакции, когда, по словам Александра Блока, «Победоносцев над Россией простер совиные крыла».

Это была эпоха, когда на смену народничеству уже шел марксизм, но значительная часть русского общества еще находилась в состоянии идейной спячки. Еще всюду, даже в столицах, царствовала уездная Россия. Чехов стал зеркалом этой России. Ни один русский писатель, ни до Чехова, ни после него, не создал такую громадную галерею типов и характеров решительно всех классов современного ему общества и всех его прослоек. Поистине поразительна художественная энциклопедичность Чехова. Графы, князья, генералы, министры, крестьяне, ремесленники, купцы, банкиры, промышленники, врачи, педагоги, парикмахеры, священники, семинаристы, офицеры, гимназисты, помещики, лакеи, дворники, урядники, земские начальники, судейские — кого только не изображал Чехов в своих произведениях! Причем каждый человек, им изображенный, непременно представляет собой законченный характер, тип, явление.

Чехов по преимуществу художник-разоблачитель, хотя его разоблачение и носит на первый взгляд характер мягкий, добродушный, но это лишь на первый взгляд. Вчитайтесь в Чехова, и вы почувствуете в нем беспощадного сатирика, силой своей ничуть не уступающего Салтыкову-Щедрину и Гоголю.

При внешне спокойной, даже как бы равнодушно-холодноватой манере Чехов с такой глубиной и внутренней страстью вскрывает пороки общества, что иначе, как великим сатириком, его назвать нельзя. Он, так сказать, рубит ненавистный ему мир российского мещанства и обывательщины под самый корень. И хотя Чехова никак нельзя рассматривать как революционера, но дело, которое он делал,— та беспощадная критика, которой он подвергал все общество, всю проржавевшую государственную машину царской России,— сыграло колоссальную прогрессивную роль.

Чехов был также тонким лириком и провозвестником новой, светлой жизни, которую угадывал в будущем. Чехов горячо любил свою родину. Но любовь его была не пассивная, сентиментальная. Это была любовь деятельная, любовь, требующая вмешательства в жизнь, освещающая все пороки общества для того, чтобы их познать, а познавши — уничтожить.

Популярность Чехова растет из года в год. В нашей стране победившего социализма творения великого писателя расходятся в миллионах экземпляров.

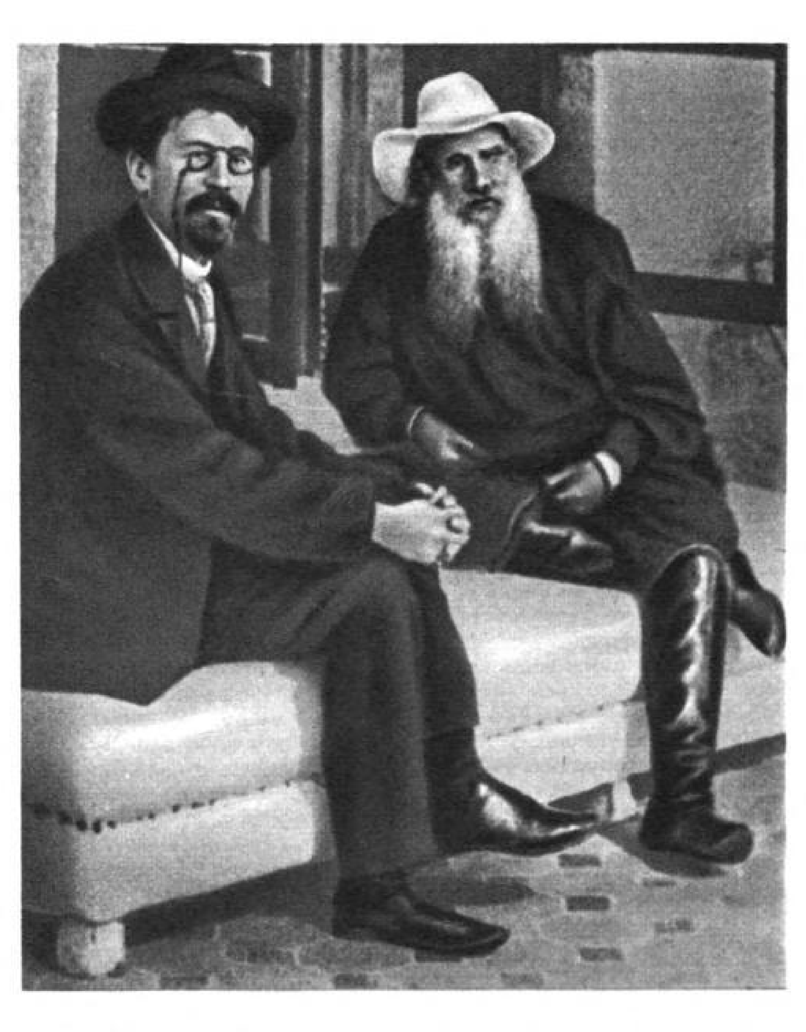
Чехов попрежнему учит свой народ ненавидеть мещанство, бичует пороки, оставшиеся в наследство от старого мира: стяжательство, грубость, ложь, лицемерие, лень и многие, многие другие. Этих пороков становится в нашем советском обществе все меньше и меньше. Но они еще все-таки существуют, и богатейшая галерея их носителей — человеческих типов,— созданная великим писателем, ежедневно помогает нам распознавать все гнилое и чуждое и вести с ним беспощадную борьбу.

Чехов умер пятьдесят лет назад, но его потрясающий талант светит для нас все с той же силой, с той же правдой. Русский народ по праву гордится своим сыном — Антоном Чеховым.

Вместе с нами память великого писателя глубоко чтут народы всего земного шара. Всемирный Совет Мира принял решение широко отметить 15 июля 50-летие со дня смерти Антона Павловича Чехова.

Есть нечто глубоко знаменательное в том, что это решение вынесли представители сотен миллионов людей, которые хотят, чтобы наша земля была не атомным полигоном, а прекрасным садом, как об этом мечтали и чеховские герои и он сам.

Валентин КАТАЕВ

А. П. Чехов и Л. Н. Толстой. Гаспра (Крым). 1901—1902 год.

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

И. ВАСИЛЕНКО

Фото Б. Кузьмина.

В музее истории школы имени А. П. Чехова.

Если по городу проходит группа людей с рюкзаками за плечами и кто-нибудь из них спросит: «Скажите, пожалуйста, как пройти...», то таганрожец даже не дослушает вопроса и охотно, с горделивыми нотками в голосе, объяснит, где находится улица Чехова.

Улица Чехова! В музее можно увидеть ее в том виде, когда она еще называлась Полицейской: убогие домишки, грязная дорога, а на ней в блаженной истоме две свиньи с поросятами. А. П. Чехов, посетивший Таганрог в 1887 году, писал сестре Марии Павловне: «Впечатления Геркуланума и Помпеи: людей нет, а вместо мумий — сонные дришпаки и головы дынькой. Все дома приплюснуты, давно не штукатурены, крыши не крашены, ставни затворены... С Полицейской улицы начинается засыхающая, а потому вязкая и бугристая, грязь, по которой можно ехать шагом, да и то с опаской». Где же теперь эта улица? По ту и другую сторону — в два ряда высокие, курчавые, в белом цветении акации. Зелени столько, что порой кажется, будто это не улица, а аллея, между деревьями которой виднеются дома. И не «приплюснутые», а гордо поднимающиеся над акациями и тополями, сверкающие на солнце множеством окон. Вот здание радиотехнического института с высокими колоннами, с окружающими его четырехэтажными студенческими общежитиями. Этот институт растет не по дням, а по часам: пройдите квартал или два — и вы увидите новые этажи с высоко вытянувшимся в небо подъемным краном. А еще один — два квартала дальше — и перед вами встанет белый жилой дом с множеством балконов, с продовольственным и промтоварным магазинами внизу. Улица расширяется в обширное полукольцо, где в чеховские времена была площадь, загроможденная битым кирпичом и строительными отходами. Теперь здесь раскинулся сквер с тенистыми аллеями, с цветниками, со скульптурным портретом Антона Павловича.

Но, конечно, не это привлекает на Чеховскую улицу бесконечных экскурсантов, не поэтому каждый, кто посетит Таганрог, хотя бы на один день, хотя бы по очень срочному делу, спрашивает, как пройти на улицу Чехова.

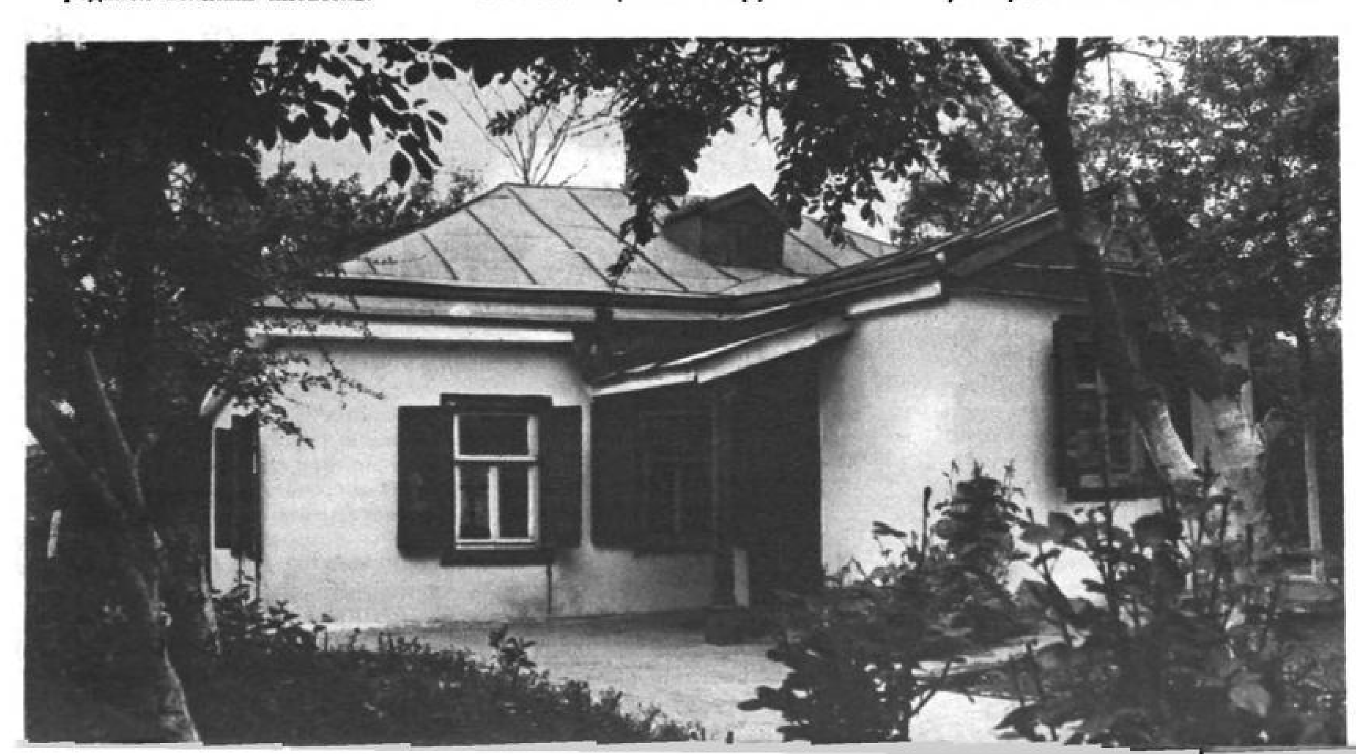
Вот решетка, сменившая глухой забор, который здесь некогда стоял. Через решетку виден дворик. Сюда каждую весну приходят учащиеся городских школ и любовно высаживают цветы. В глубине двора — вишневый сад. Со всех сторон он окружает маленький беленький домик. Здесь-то и родился будущий писатель. По существу, этот домик стал домиком-музеем лишь со времени Октябрьской революции, хотя передовые люди Таганрога во главе с Е. М. Гаршиным, братом известного писателя, и раньше прилагали усилия к тому, чтобы превратить его в музей. Нескончаем список людей, оставивших свои прочувствованные записи в книге для посетителей, в том числе и людей, известных всей стране, всему миру. Мы приведем лишь одну типичную запись:

«Нельзя не любить Чехова-писателя, Чехова-гражданина. Побывав в его домике, еще сильнее чувствуешь обаяние этого великого человека, так горячо любившего свою Родину, свой народ. Лев Толстой говорил, что нет величия там, где нет простоты, любви и правды. У Чехова все это есть...»

Пройдите по Гоголевскому переулку. Вот угловой двухэтажный дом самой обыкновенной постройки, но с мемориальной доской. Здесь когда-то висела черная вывеска: «Чай, сахар, кофе, мыло, колбаса и другие колониальные товары». Лавка Павла Егоровича, отца писателя, занимала нижний этаж, семья же Чеховых размещалась в верхнем этаже. Может быть, годы, проведенные Антоном Чеховым в этом доме, и были самыми тяжелыми годами его детства. «Едва ли многим из читателей и почитателей покойного Ант. П. Чехова известно, что судьба в ранние годы его жизни заставила его играть за прилавком роль мальчика-лавочника в бакалейной лавке среднего разряда...— писал брат Антона Павловича Александр.— Покойный Антон Павлович прошел из-под палки эту беспощадную подневольную школу целиком и вспоминал о ней с горечью всю свою жизнь. Ребенком он был несчастный человек».

Недалеко от этого дома расположено другое здание, тоже с мемориальной доской. Надпись гласит, что с 23 августа 1868 года по 15 июня 1879 года здесь обучался Антон Павлович Чехов.

Та атмосфера, которая царила в гимназии, те люди, которые «вос-

Домик-музей А. П. Чехова. Здесь родился великий писатель.

питывали» гимназистов, даже много лет спустя вспоминались Чехову. Он писал Д. В. Григоровичу о своих снах:

«Все до бесконечности сурово, уныло и сыро. Когда же я бегу от реки, то встречаю на пути обвалившиеся ворота кладбища, похороны, своих гимназических учителей...»

Теперь в этом же здании одна из лучших школ города — средняя школа имени А. П. Чехова. В мрачные дни немецкой оккупации фашисты превратили школу в гестаповский застенок, а при отступлении разграбили и разрушили ее. Но таганрогские трудящиеся свято чтут память своего великого земляка. В короткий срок восстановили они школу, и теперь в ней звучат опять голоса 1 200 девочек и мальчиков.

Ученики гордятся своей школой и любят ее. Во втором этаже, в той комнате, где учился А. П. Чехов, общественностью города создан школьный музей. В нем около двух тысяч экспонатов, рисующих детство и гимназические годы Чехова и отражающих жизнь школы почти за 150 лет.

Не раз отмечалось, что у Чехова было к своему городу отношение сложное. «Не люблю таганрогских вкусов, не выношу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель». А с другой стороны: «Я счастлив, что могу хотя чем-нибудь быть полезен родному городу, которому я многим обязан и к которому продолжаю питать теплое чувство». Конечно, никакого противоречия в этом нет. Чехов любил свой родной город, но не любил его буржуазно-мещанский уклад. Как писал А. М. Горький, «пошлость всегда находила в нем жестокого и строгого судью». Именно любовью к родному городу объясняется, что Чехов особенно придирчиво отмечал все его недостатки, отмечал для того, чтобы вытравить их. До последнего года своей жизни Чехов неустанно заботится о благоустройстве Таганрога, об организации там культурно-просветительных учреждений. Одним из замечательных свидетельств этой заботы является общегородская библиотека, носящая имя Антона Павловича. Собственно, она существовала тут еще в юношеские годы Чехова, но что это была за библиотека! Тесная комнатушка и сложенные в ней 2 150 книг и журналов. Где бы ни был Чехов — в Москве или Мелихове, в Ницце или Париже, — он отовсюду посылал в Таганрог книги. Чтобы положить начало иностранному отделению библиотеки, Антон Павлович купил произведения большинства французских классических писателей и отправил книги в Таганрог. Чехов передал также в таганрогскую библиотеку свыше 700 экземпляров книг из личной библиотеки, с автографами своих современников и с собственными автографами.

Он с радостью поддержал мысль П. Ф. Иорданова о постройке особого здания для библиотеки, обещая в этом деле свое самое горячее участие. К сожалению, Чехов не увидел этого здания, одного из красивейших в городе: оно было построено уже после смерти писателя по проекту его друга архитектора Ф. О. Шехтеля.

В библиотеке теперь свыше 130 тысяч книг. За один только 1953 год она получила книг больше, чем за все 40 лет своего дореволюционного существования. Надо ли говорить, что теперь это не единственная библиотека в городе: здесь около 200 библиотек с книжным фондом в миллион восемьдесят тысяч экземпляров. Только детская библиотека имени А. М. Горького имеет 55 тысяч книг и свыше 10 тысяч читателей.

В 1896 году Антон Павлович начал свои хлопоты по созданию в Таганроге музея. Хлопотал он неустанно. Из Ниццы писатель сообщал в Таганрог: «...в Париже я виделся с Павловским и с уроженцем Таганрога проф. Белелюбским, инженером; был разговор о библиотеке, о будущем музее — и оба обещали много хорошего». В другом письме, из Парижа, Чехов спешит уведомить Иорданова: «...получил от Антокольского для нашего будущего музея «Последний вздох», овал из гипса, верх совершенства в художественном отношении». Обращался Чехов и к И. Е. Репину и ко многим другим. Чехову принадлежит разработка первого тематического плана музея, плана, имевшего явно краеведческий характер.

Из Парижа Чехов писал: «Бываю здесь у Антокольского и оба толкуем насчет памятника Петра Великого в Таганроге. Фотография с его великолепной статуи уже послана Иорданову». После долгих хлопот статуя была закончена и отлита. Чехов советовал поставить ее на берегу моря. «Около моря, — писал он, — это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уже о том, что статуя изображает настоящего Петра, и при том Великого, гениального, полного великих дум, сильного». Тогда этому совету Чехова не вняли: монумент был установлен на главной улице города. И только в советское время он был по решению горсовета перенесен на морской бульвар, где ему и надлежало стоять.

Благодарный своему великому земляку, Таганрог создал ему прекрасный памятник — Литературный музей А. П. Чехова. Музей был открыт в 1935 году в «шехтелевском» здании, и с тех пор не прекращается паломничество в него со всех концов страны. Он дает богатый материал и для библиографа и для исследователя жизни и творчества писателя. А рядовой посетитель свои чувства выразил в книге записей в таких словах: «Уходишь из музея, и в душе возникает желание отбросить все наносное, ненужное, что и сейчас встречается в жизни». Число экспонатов растет с каждым днем. Много поступает книг Чехова, изданных за границей: из Китая, Кореи, Ирана, Турции, Франции и других стран.

Устами одного из персонажей «Трех сестер» Чехов высказывал твердую уверенность, что «через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек». То, что ожидал Чехов, сбылось и в Таганроге, как сбылось оно после Октябрьской революции во всей нашей необъятной стране. Давно уже нет «ленивого» Таганрога с его тунеядцами и сонными обы-

Средняя школа имени А. П. Чехова. В этом здании помещалась классическая гимназия, где Антон Павлович учился с 1868 по 1879 год.

Улица А. П. Чехова в нынешнем Таганроге.

Так выглядела Полицейская улица — ныне улица А. П. Чехова.

Артисты Таганрогского государственного театра имени А. П. Чехова готовят спектакль «Чайка». На снимке: читка пьесы.

Лауреаты Сталинской премии мастер Николай Жуков (слева) и машинист Василий Ванжа.

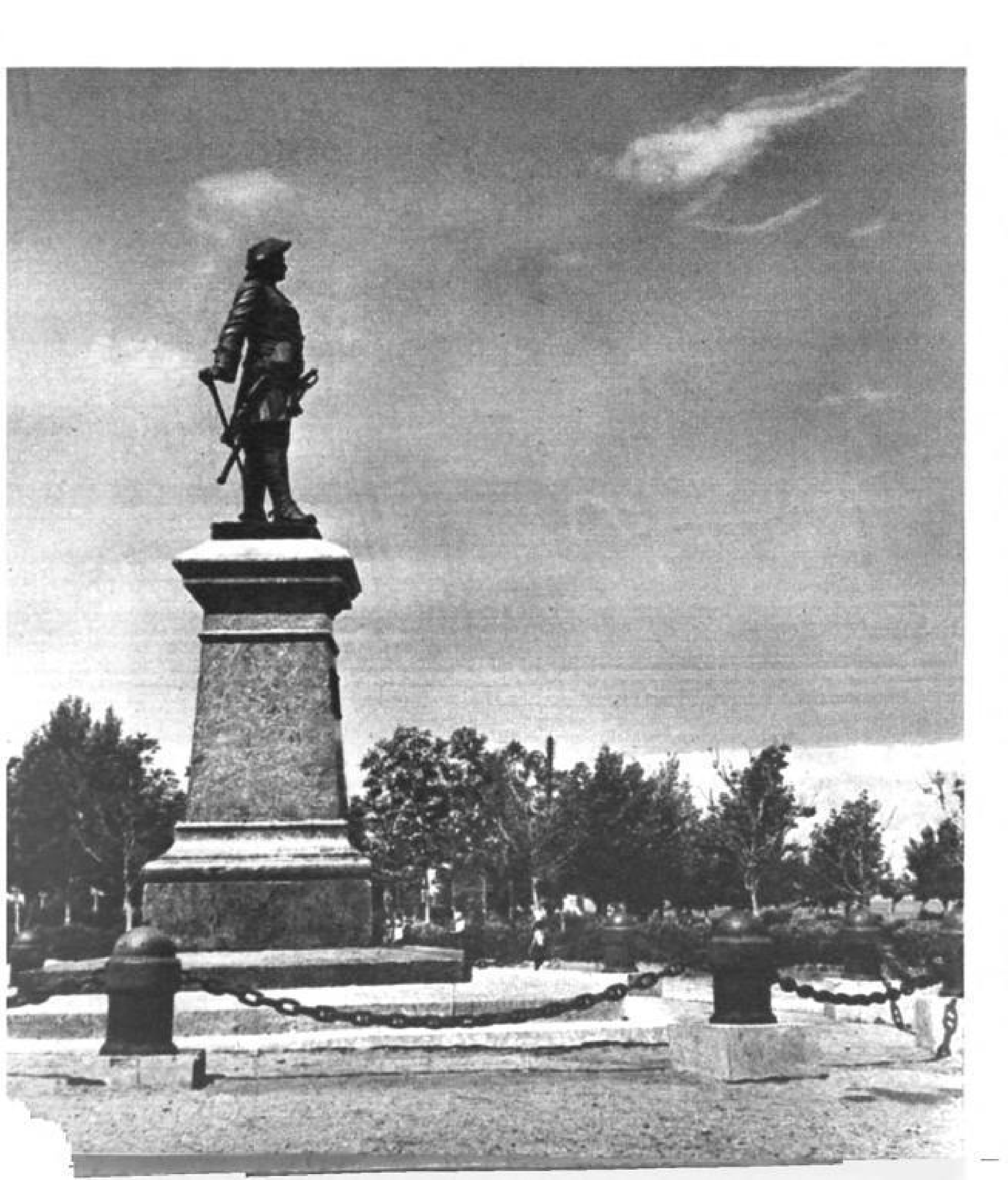
вателями. Ныне он стал городом передовой промышленности.

Вот завод имени Андреева: только один его трубный цех тянется в длину почти на километр. Вдохновенный труд металлургов дает поразительные результаты. Однофамилец чеховского Ваньки, Николай Жуков, бывший ученик ремесленного училища, в числе других рабочих и инженеров завода удостоен звания лауреата Сталинской премии за коренное усовершенствование производства! Творчески работает и коллектив завода «Красный котельщик», снабжающий энергетическое хозяйство страны котлами высокого и сверхвысокого давления.

Все больший вклад в развитие сельского хозяйства страны вносит коллектив комбайнового завода имени Сталина. Самоходные комбайны этого завода производят уборку зерновых культур на полях Украины, Северного Кавказа, Поволжья, Сибири. Создаются все новые и новые виды комбайнов, которые пройдут испытание в горячие дни уборки урожая, может быть, тут же, в этой самой степи, где проезжал чеховский Егорушка.

Сядьте в Таганроге в автобус и поезжайте по таганрогскому сельскому району в любом направлении. Вдаль уходят, раскинув руки в стороны, столбы высоковольтной линии; вдоль и поперек тянутся густозеленые лесные полосы; волнуются под ветром яровые и озимые хлеба; под безоблачным небом в ярких лучах солнца льется «дождь», щедро питающий огороды из металлических установок... Только в одном Таганрогском районе работают 265 тракторов и до сотни комбайнов. Ведь здесь электрифицированы и радиофицированы почти все дома колхозников. По дорогам не редкость встретить колхозников, мчащихся на своих собственных «Победах».

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку» («Три сестры»). Эта буря, пройдя по всей стране, до неузнаваемости изменила и родные Чехову места, которые он так любил и о которых заботился до последнего дня своей жизни.

Памятник Петру I работы М. М. Антокольского.

Большая Серпуховская

ЗА КАЧЕСТВО И ТЕМПЫ

Не та теперь улица, не тот теперь дом!

По следам одной заметки А. П. Чехова из журнала „Осколки"

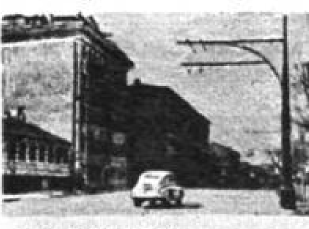
СУДЬБА УЧИТЕЛЯ

ЧЕЛОВЕКУ ТРУДА—ВОТ КОМУ У НАС ПОЧЕТ И УВАЖЕНИЕ

СПРАВКА

НА СТРАНЕ ПРАВ НАРОДА

ПИСЬМА О СЧАСТЬЕ

СЛОВО ПРОСТОГО РАБОЧЕГО

Для одного из номеров журнала «Осколки» за 1885 год в обозрении «Осколки московской жизни» Антон Павлович Чехов писал:

«Многие люди должны пожалеть, что они не собаки... Москвич, завидующий псу, уже протестует. Он требует, чтобы ради справедливости закрыли бы хоть собачий приют, что при серпуховском частном доме. Этот приют устроен нашей старой девой — московской думой. В него приглашаются все бродячие, беспаспортные собаки жить, спать, обедать и беседовать о политике. Чтобы собаки не сердились, дума ассигновала на их клуб 5000 р. За все время существования собачьего приюта в нем жило только 22 собаки. Кто знаком с арифметикой и может разделить 5000 на 22, тот получит 227 рублей с копейками, т. е., каждая собака получает столовых и жалованья (квартира, прислуга и освещение — казенные) гораздо больше, чем народные учителя, начинающие адвокаты и почтальоны». Однако напечатать это обозрение не удалось — запретила цензура.

Собачий приют находился на территории Серпуховского полицейского участка. Входила в этот участок и Большая Серпуховская улица, на которой сейчас живет много рабочих Московского шинного завода. Редакция заводской многотиражной газеты «За качество и темпы» обратилась к ряду работников завода, а также к представителям трех профессий, упоминаемых в заметке Чехова: юристу, учителю и письмоносцу — жителям Серпуховки, — с просьбой рассказать о своей жизни.

В газете появилась интересная полоса под заголовком: «Не та теперь улица, не тот теперь дом!»

Бригадир цеха вулканизации В. Яковлев рассказывает о жизни рабочих, инженеров и служащих своего завода, населяющих ныне дом № 38 по Большой Серпуховской улице, который принадлежал «почетной гражданке» В. М. Лысенковой.

«Свыше 50 процентов шинников, живущих в доме,— говорит он,— награждены орденами и медалями Советского Союза».

«Уровень жизни учителя прежде и теперь, — рассказал педагог Е. Борнецкий, — нельзя даже сравнить. Один характерный штришок. Мои домашние очень удивились бы, если бы к завтраку, скажем, не оказалось сливочного масла. А для меня и для моих товарищей в молодости сливочное масло было роскошью».

Рассказывает старый учитель о своих питомцах. Братья Толстовы росли сиротами. Но Советская власть позаботилась о них. Теперь старший — член-корреспондент Академии наук СССР, средний — художник, младший — доктор математики.

Нотариус Москворецкого района Е. Афанасьева 15 лет проработала ткачихой. Коммунистическая партия помогла ей получить высшее образование, и вот почти 20 лет она юрист.

Четыре года носит письма в дома Большой Серпуховки почтальон Е. Глазман.

«Я воспитываю троих детей,— говорит она.— Все они учатся, будут инженерами или техниками. Дети почтальона получат образование,— разве это было возможно в то время, когда Чехов писал о собачьем приюте и когда на собак тратилось больше, чем на людей.»

Много интересных цифр и фактов приводит газета из прошлого и настоящего Большой Серпуховской. До революции 154 дома здесь принадлежали дворянам, 133— купцам, 98— духовенству и разночинцам, 391 дом был деревянный, и только 53 — каменные. На улице разместилось 20 постоялых дворов, 10 харчевен, 12 питейных заведений. Самый высокий дом был трехэтажный.

Теперь на Большой Серпуховской много новых 5—7-этажных домов со всеми удобствами. На улице находится несколько школ, 3 научно-исследовательских института, клуб, поликлиника, детские ясли. На площади — станция метро.

ЧЕХОВ И ЩЕДРИН

И. И. Левитан. ПОРТРЕТ А. ЧЕХОВА. 1885—1886 год.

В 1889 году умер Салтыков-Щедрин. Последние годы его жизни были мучительно тяжелы. Он называл себя «оброшенным» писателем, болезненно переживал почти полное свое идейное одиночество, горько жаловался на безмолвие и бездейственность редкого «читателя-друга».

Реакционная печать с благочестивым видом клеветала над свежей могилой. Либеральная славословила Щедрина за неустанную борьбу против крепостничества, помпадуров, Угрюм-Бурчеевых, но, разумеется, обходила молчанием его борьбу против либерализма.

В этом разноголосом хоре резко выделяется отзыв молодого Чехова. «...Мне жаль Салтыкова,— писал он А. Н. Плещееву.— Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измошенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения».

Слова замечательные, поражающие своей глубиной.

Известно, что Чехов любил Щедрина. Иван Павлович Чехов, брат писателя, вспоминал о том времени, когда Антон Павлович, только что окончивший университет (1884 год), работал в Воскресенске: «...велись либеральные разговоры, увлекались Щедриным».

Увлечение Щедриным у Чехова неотделимо от его глубокого увлечения идеями великой эпохи 60-х годов: материализмом школы Чернышевского, реализмом передовой литературы. Политические взгляды Чехова не отличались определенностью. Но к либералам и к народникам он относился с одинаковой отчужденностью, а материализму и реализму оставался верен всю жизнь.

В 1889 году Чехов в письме полемизировал с Сувориным по поводу романа Бурже «Ученик»: «Если говорить о его недостатках, то главный из них — это претенциозный поход против материалистического направления». Чехов решительно становится на сторону материализма. «Все, что живет на земле,— пишет он,— материалистично по необходимости... Существа высшего порядка, мыслящие люди — материалисты тоже по необходимости. Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде... Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет истины».

Материализм Чехова — это естественно-научный материализм домарксистского периода в русской философии. Он имел большое прогрессивное значение — в особенности в те годы, когда либеральная литература начала поход против материализма Чернышевского и Добролюбова, когда подвергались поруганию все реалистические традиции.

Чехов верил в близкое торжество материализма. В 1894 году он писал Суворину: «Очень возможно и очень похоже на то, что русские люди опять переживут увлечение естественными науками и опять материалистическое движение будет модным. Естественные науки делают теперь чудеса, и они могут двинуться, как Мамай, на публику и покорить ее своей массою, грандиозностью...»

Как раз в те годы, когда подросток Антоша Чехов складывался в юношу-студента, а потом становился молодым врачом и начинающим писателем, в 1875—1889 годы, выходили такие сатирические циклы Щедрина, как «Благонамеренные речи», «В среде умеренности и аккуратности», «Современная идиллия», «За рубежом», «Мелочи жизни», «Письма к тетеньке», «Сказки».

Во всех этих сатирических произведениях зло и страстно изобличались либерализм буржуазной интеллигенции, измена революционно-демократическим заветам 60-х годов. Щедрин клеймил ренегатство бывших передовых людей, измельчавшее народничество, приспособление литературы к самодержавно-бюрократическому режиму, развращение печати, адвокатуры, технической интеллигенции на службе у капитализма... Все это и было преследованием «сволочного духа», и именно это отмечал и превыше всего ценил молодой Чехов в старом писателе. Он не мог бы так сделать, если бы и сам не испытывал презрения к опустившейся, измельчавшей, «измошенничавшейся» либеральной интеллигенции. Откуда же это презрение у молодого, только вступавшего в жизнь писателя, которого почти все тогда считали веселым, беспечным юмористом?

Однажды А. Н. Плещеев упрекнул Чехова за сатирический образ либерального деятеля в рассказе «Именины». Этот деятель из демократа-шестидесятника превратился в болтливого либерала. Чехов отвечал: «...он во имя 60-х годов, которых не понимает, брюзжит на настоящее, которого не видит; он клевещет на студентов, на гимназисток, на женщин, на писателей и на все современное, и в этом видит главную суть человека 60-х годов. Он скучен, как яма, и вреден для тех, кто ему верит, как суслик. Шестидесятые годы — это святое время, и позволять глупым сусликам узурпировать его значит опошлять его. Нет, не вычеркну я ни украйнофила, ни этого гуся, который мне надоел! Он надоел мне еще в гимназии, надоедает и теперь».

Приподнимается краешек завесы над мало нам известной жизнью Чехова — гимназиста и студента. Уже на школьной скамье складывались общественные взгляды и литературные интересы будущего писателя. В эти годы Щедрин был самым ярким представителем «святого времени». Называя так 60-е годы, Чехов, по сути, говорил о Чернышевском и Добролюбове, о Некрасове и Щедрине, как об учителях своей юности.

Талантливым, веселым, неистощимым в юмористических выдумках писателем предстал впервые Чехов перед читателями и критиками своего времени. И никто тогда не заметил, что через многие смешные рассказы проходит сильная сатирическая струя. Миниатюра «Дочь Альбиона» очень смешна. А ведь изображенные в ней помещики как будто сошли прямо с щедринских страниц. Самодур Грябов — это уже знакомый нам по Щедрину Прокоп. В 1885 году появляется «Унтер Пришибеев», близкий щедринскому Угрюм-Бурчееву, живой сатирический образ, символизирующий царское самодержавие, весь жандармский режим.

В смешной сказке о карасе, который влюбился в дачницу, поцеловал ее в ножку, на крючке потерял губу и впал в глубокий пессимизм, читатель узнает знакомый персонаж. Чеховский карась-пессимист сродни щедринскому карасю-идеалисту.

В рассказе о двух газетчиках названия газет «Начихать вам на головы!», «Иуда предатель» как будто взяты из богатейшей коллекции щедринских газетных названий. Напомним, что официальным редактором газеты «Помои» у Щедрина является Иуда-Искариот.

Можно назвать еще много юмористических рассказов раннего Чехова, в которых мы находим щедринские по характеру типы («Маска», «На чужбине», «Скука жизни», «В ландо»). Вряд ли можно считать только случайным совпадением и то, что своим первым сборникам рассказов Чехов дает названия «Пестрые рассказы», «Невинные речи». Ведь незадолго до появления этих сборников вышли «Пестрые письма» и — третьим изданием — «Невинные рассказы» Щедрина.

Однако это не значит, что Чехов подражал Щедрину. Нисколько! Он шел вслед Щедрину как сатирик, продолжая его дело и прокладывая в литературе свой собственный, чеховский путь.

Сатира присутствует почти во всех произведениях Чехова. Иногда она подспудна и окрашивает лишь отдельные персонажи чеховских повестей и пьес. Иногда выходит наружу. Учитель греческого языка Беликов — живое, реальное лицо, со всеми чертами современного быта. И вместе с тем это сатирический символ угнетающего мракобесия, общественного и политического тупоумия. «Человек в футляре» — художественно-сатирический образ того же порядка, что и «ретивый начальник» Щедрина, что его градоправитель с органчиком в голове.

Вопреки давно устаревшим и отвергнутым советской критикой представлениям о Чехове как о «мягком» писателе, проникнутом жалостью к отрицательным типам русской дореволюционной действительности, сатира Чехова раскрывает в нем черты боевой направленности и непримиримости.

Своими художественными приемами, отличными от щедринских, Чехов, уже зрелый писатель, разрабатывает ту же, щедринскую тему об отступничестве, падении, ренегатстве буржуазной интеллигенции.

В 1889 году, в том же году, когда Чехов писал Плещееву о «сволочном духе» интеллигенции, изменившей прошлому, создавалась «Скучная история». Это повесть о представителях образованного общества, потерявших «общие идеи», то есть основы демократического мировоззрения. Московский профессор и актриса брюзжат, злословят, клевещут на молодежь, на прогрессивную литературу. Старый ученый, от имени которого ведется рассказ, не выдерживает, гневно вспыхивает и кричит:

— Замолчите, наконец! Что вы сидите тут, как две жабы, и отравляете воздух своими дыханиями? Довольно!

Трагизм повести в том, что теряет «общие идеи» и сам старый ученый. Он не видит смысла в жизни. Он, бывший шестидесятник, ничего не может сказать молодежи, на душе у него пусто. Он больше не протестует, когда при нем цинически оплевывают прогрессивные взгляды, передовое движение в литературе, в искусстве. «Достается и университету, и студентам, и литературе, и театру; воздух от злословия становится гуще, душнее, и отравляют его своими дыханиями уже не две жабы, как зимою, а целых три».

В ту же пору складывался у Чехова план большой повести, которая была напечатана позже, в 1893 году, под заглавием «Рассказ неизвестного человека». Герой повести — народник-террорист, разуверившийся в революции, духовно обанкротившийся, измельчавший и жалкий... Та же по сути тема и в основе пьесы «Иванов».

Имя Щедрина нередко встречается в произведениях Чехова. Так, герой повести «Три года» Лаптев думает о своем брате Федоре: «И язык какой-то новый у него: брат, милый брат, бог милости прислал, богу помолимся,— точно щедринский Иудушка».

Щедрин читал и знал Чехова. А. А. Плещеев, сын поэта А. Н. Плещеева, писал Чехову 8 апреля 1888 года: «Был отец у Салтыкова, который в восторге от «Степи».— «Это прекрасно»,— говорит он отцу и вообще возлагает на вас великие надежды. Отец говорит, что он редко кого хвалит из новых писателей, но от вас в восторге».

Щедрин действительно был скуп на положительные отзывы о произведениях молодых писателей 80-х годов. Но в «Отечественных записках» печаталось все лучшее, написанное молодыми писателями. Великий сатирик обладал исключительным редакторским даром открывать, поддерживать, воспитывать новые литературные таланты. И кто знает, не закрой правительство в 1884 году «Отечественных записок», быть может, первое крупное произведение Чехова появилось бы там, а не в либеральном «Северном вестнике», к которому Антон Павлович относился весьма критически.

Бывая в Петербурге, Чехов встречался с литераторами, близкими к Щедрину. В декабре 1887 года он писал брату, что был у «Михайловского (критиковавшего меня в «Северном Вестнике») в компании Глеба Успенского и Короленко: ели, пили и дружески болтали...»

Можно пожалеть о том, что не состоялась личная встреча Чехова с Щедриным. Она могла быть знаменательной. Старый писатель, патриарх русской литературы, узнал бы в молодом писателе своего наследника.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

На китайском языке

Впервые переводы произведений А. П. Чехова появились в Китае более тридцати лет тому назад. В 1921 году была напечатана пьеса «Чайка» в переводе Чжэн Чжень-до. К 1927 году были опубликованы вся драматургия и значительная часть рассказов великого русского писателя, но эти издания выходили весьма небольшими тиражами.

Выдающуюся роль в популяризации произведений А. П. Чехова сыграл известный писатель Лу Синь. Он говорил: «Чехов — мой любимый писатель». Лу Синь был не только переводчиком чеховских рассказов, но и блестящим пропагандистом его творческого метода.

В годы войны за освобождение Китая от интервентов большим успехом, по словам Го Мо-жо, пользовался «Вишневый сад». Но лишь с образованием Китайской Народной Республики творчество А. П. Чехова становится подлинным культурным достоянием народов освобожденной страны.

За последние годы в Китайской Народной Республике вышло тщательно и любовно изданное собрание сочинений А. П. Чехова в двадцати томах. На обложке каждого тома — иллюстрация, а на титульном листе — портрет писателя с автографом.

Кроме того, после 1949 года пятым изданием вышли из печати трехтомник избранных произведений писателя и вторым изданием — его «Записные книжки». Издан сборник рассказов в переводе Лу Синя. Трижды выходили в свет горьковские «Воспоминания о Чехове».

П. ЧУМАК

В колхозной степи.

СТЕПЬ

Иван **НОВИКОВ**

Все мы хорошо помним, какое огромное значение имело для молодого Чехова взволнованное обращение к нему Д. В. Григоровича, писателя, бывшего почти на сорок лет старше Антона Павловича. Письмо это, в котором Григорович горячо приветствовал новый «настоящий талант», сильно содействовало назревавшему в Чехове перелому. Он был уже признанным мастером короткого рассказа. Из просто занимательных они внутренно крепли и становились все более значительными, сочетая порою в себе юмористическую трактовку с подлинно трагическим содержанием.

К этому же времени выявилось с полною силой и то отношение автора к своим героям, которое впоследствии стало именоваться «чеховскою манерой» письма. За конкретным героем повествования чувствовалось авторское раздумье о судьбе человека вообще. Это необычайно расширяло круг читателей Чехова, ощущавших, как их «лично» задевает рассказ о человеческой судьбе едва ли не каждого конкретного персонажа: Чехов о нем говорил и рисовал его, нося в себе порою еще и не вполне осознанные думы о любой человеческой судьбе. Этим объясняется самая «тональность» рассказа.

Герои говорят о многом, о различном, а подо всем этим, или надо всем этим, с читателем ведет беседу автор, и притом почти всегда о том, чего, по собственному его выражению, «не увидишь простым глазом». Любопытно, что выражение это, взятое нами из письма молодого писателя своему брату Николаю Павловичу, Чехов применил даже не к художественному творчеству, а для характеристики воспитанных людей: «Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом».

Кстати, здесь же мы видим, как артистически тонко и в то же время совершенно естественно и непринужденно Чехов умел сочетать с шуткой серьезную, своеобразно-глубокую мысль, возбуждая у читателя невольное желание постигнуть ее и следовать ей. Мне вспоминается, как один из моих знакомых обмолвился о Чехове такою фразой: «Удивительно, как он каждый раз берет меня мягкою своею лапой».

И, однако, взыскательный к себе молодой писатель не успокаивался на том, чего он уже достиг: «Я имею способность — в этом году не любить того, что написано в прошлом, мне кажется, что в будущем году я буду сильнее, чем теперь».

И еще: «Растягивать неважные сюжеты на большое полотно — скучно, хотя и выгодно. Трогать же большие сюжеты и тратить дорогие мне образы на срочную поденную работу — жалко».

Но приходила пора, и эти образы и сюжеты ложились под его перо. Вскоре Чехов создает свою «Степь», где сливаются воедино и неподкупный реализм жизни и тончайший лиризм и где, более того, автор впускает в свою душу весь мир, ответно окутывая его теплым дыханием человеческих чувств.

* * *

Чехов не раз в детстве, да и подростком ездил в гости к дедушке этою самой необъятною степью. Так и теперь, чтобы оживить давние воспоминания, Чехов с повторным наслаждением окунулся в родные его сердцу степные просторы. С дороги домой он писал: «Пахнет степью и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей — коршунов, летающих над степью». И еще другой отрывочек из письма: «Вышел ночью из вагона... а на дворе сущие чудеса: луна, необозримая степь с курганами и пустыня; тишина гробовая, а вагоны и рельсы резко выделяются из сумерек — кажется, мир вымер. Картина такая, что во веки веков не забудешь».

Мы привели эти отдельные строки из писем Чехова, так как они подтверждают одну очень своеобразную особенность «Степи». Скажем сразу: в этой повести, имеющей подзаголовок «История одной поездки», мы читаем описание не только поездки маленького Егорушки (маленького Антоши), но и описание путешествия взрослого писателя Антона Павловича. Правда, он не едет, как действительно ехал, по железной дороге, но зато он весь в этом давнем путешествии на лошадях. И в самом деле, когда вы читаете «Степь», вы чувствуете полное, невзирая на протекшее время, слияние этих двух существ в знакомых им степных беспредельных просторах.

Указанную особенность можно было бы, пожалуй, счесть и «недостатком» произведения, если подойти к ней придирчиво формалистически, на деле же, конечно, совсем наоборот.

* * *

Пожалуй, по своеобразию «Степи» не найти ей равной и во всей нашей литературе. Ведь это, казалось бы,— всего лишь путешествие мальчика, которого взял с собой дядя, ехавший продавать шерсть; а мальчика Егорушку он вез определить в гимназию.

Иной фабулы в этой очень большой для Чехова вещи нет. И, однакоже, очарование ее огромно. От неспешного этого передвижения по июльской выжженной степи нельзя оторваться. Перед Егорушкой медленно развертывается целый мир новых для него ощущений, пейзажей, людей. И вместе с маленьким путешественником столь же свежо и непосредственно воспринимаем все это и мы, читатели; мир как бы заново открывается нам.

И какой это полный, богатый мир: природа, ее дыхание, несколько как бы однотонное, но переливно-изменчивое; сам мальчик Егорушка, сразу же ставший для нас непостижимым образом близким, своим; спутники мальчика, дядя и отец Христофор; неуловимый Варламов, который «кружит» по степи; множество встречных людей, и среди них какие фигуры! Еврей Соломон, гордый и нищий, презирающий деньги и самого миллионера Варламова; Константин, молодой крестьянин лет тридцати, который подошел ночью на огонь и у которого все «увидели прежде всего не лицо, не одежду, а улыбку»: ему не терпелось, он был как хмельной, и его рассказ о любви своей и о женитьбе, рассказ взволнованный, переполненный счастьем, так же, пожалуй, чист и горяч, как и этот костер среди ночи, у которого его слушали возчики...

А молодая графиня Драницкая, поцеловавшая полусонного Егорушку и оставшаяся таким же полусонным, волшебным видением? «Зачем люди женятся? К чему на этом свете женщины? Егорушка задавал себе неясные вопросы и думал, что мужчине, наверное, хорошо, если возле него постоянно живет ласковая, веселая и красивая женщина. Пришла ему почему-то на память графиня Драницкая, и он подумал, что с такой женщиной, вероятно, очень приятно жить; он, пожалуй, с удовольствием женился бы на ней, если бы это не было так совестно».

И еще многие другие люди, из которых каждый открывает мальчику что-то новое, и среди них особливая фигура угрюмого озорника и скандалиста Дымова, с которым даже у кроткого Егорушки вышло самое резкое столкновение. Замечательна сцена, когда этот человек, носящий в себе непрестанное томление жизни, пришел к племяннику своего хозяина повиниться:

«Дымов стал одной ногой на колесо, взялся за веревку, которой был перевязан тюк, и поднялся. Егорушка увидел его лицо и кудрявую голову. Лицо было бледно, утомленно и серьезно, но уже не выражало злобы.

— Ера! — сказал он тихо.— На, бей!

Егорушка с удивлением посмотрел на него; в это время сверкнула молния.

— Ничего, бей! — повторил Дымов.

И, не дожидаясь, когда Егорушка будет бить его или говорить с ним, он спрыгнул вниз и сказал:

— Скушно мне!»

* * *

Говоря о «Степи», интересно отметить одну ее особенность: в ней несомненно ощутимо веяние манеры Гоголя. Это большая редкость

для Чехова, писателя исключительно своеобразного.

«В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, словом, все те, которых называют господами средней руки» («Мертвые души»).

«Из N., уездного города Z-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная ошарпанная бричка, одна из тех допотопных бричек, на которых ездят теперь на Руси только купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники» («Степь»).

Две эти цитаты говорят сами за себя, и их можно не комментировать.

Но разве удивились бы мы, прочтя не в «Степи», а в «Мертвых душах» и такие, например, строки: «Черная собака с высунутым языком бежит от косарей навстречу к бричке, вероятно, с намерением залаять, но останавливается на полдороге и равнодушно глядит на Дениску, грозящего ей кнутом: жарко лаять! Одна баба поднимается и, взявшись обеими руками за измученную спину, провожает глазами кумачевую рубаху Егорушки. Красный ли цвет ей понравился или вспомнила она про своих детей, только долго стоит она неподвижно и смотрит вслед...»

Или еще такое описание: «По обе стороны этих серых, очень старых ворот тянулся серый забор с широкими щелями; правая часть забора сильно накренилась вперед и грозила падением, левая покосилась назад во двор, ворота же стояли прямо и, казалось, еще выбирали, куда им удобнее свалиться, вперед или назад».

Особенно следует обратить внимание на те места, которые посвящены восприятию самой степи. Замечательны они тем поистине богатырским дыханием, с каким оба наши классика говорят о России. Видимо, эта русская ширь и именно передвижение по необъятным нашим просторам — повелительно-необходимое условие для того художника, который дерзает охватить свою родину во всем ее многообразии и могучем единстве. (Вспомним, кстати, какое огромное значение имели для Пушкина его путешествия по России.)

Полная самостоятельность Чехова как художника разумеется сама собой. Кроме начала повести, явно параллельного началу «Мертвых душ» и безусловно преднамеренного, вряд ли где и сам Чехов с полной ясностью осознавал наличие некоторых отзвуков Гоголя.

Тут важно другое. Вся наша большая русская литература, невзирая на резко очерченные индивидуальности ее творцов, имела всегда какие-то внутренние соединительные нити, а порою мы видим и открытое «рукопожатие» между художниками, друг от друга совершенно отличными, хотя, впрочем, порою это же приводило и к резкому столкновению: вспомним таковое между Гончаровым и Тургеневым. Недостаток ли это литературы в целом? Нимало: это, напротив, делает всю ее еще весомее, монолитнее, меняя в ряде случаев простой знак плюс на сложный знак умножения. Ибо как бы ни были сами по себе своеобразны отдельные художники, все они неизбежно являются также и выразителями определенной эпохи, и именно это качество и дает столь долгую жизнь их творениям. Литература живет вместе с народом и от него неотрывна.

Что эта новая для Чехова манера письма была органически собственной, можно видеть по тому, что мы вдруг ощущаем здесь, пожалуй, впервые с полною силой такого Чехова, который говорит нам о себе как раз именно то, что так трудно переложить на слова прозаические. Вот два коротеньких, но характерных места.

В повести это как бы вовсе не о себе: о коршуне, о тополе, но в том-то и магия искусства, что в этих как бы простых описаниях мы чувствуем нечто глубоко личное, скрытый авторский вздох:

«Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелою несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно».

«А вот на холме показывается одинокий тополь; кто его посадил и зачем он здесь — бог его знает. От его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастлив ли этот красавец? Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беспутного, сердито воющего ветра, а главное — всю жизнь один, один...»

Правда, несколько позже Чехов относит образ тополя, в восприятии Егорушки, к облику графини Драницкой, но, конечно, образ этот воспринимается одновременно и значительно шире. Стройность и красота тополя — да, это графиня, а все остальное — более родственно образу коршуна: это личная дума автора о судьбе одинокого человека (да и о себе самом).

Но не всегда эта дума так безысходно тосклива: «Едва зайдет солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, все прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью».

Пессимист ли был Чехов или оптимист — об этом спорили много, но, пожалуй, напрасно, ибо Чехов был и такой и иной, но все это равно покрывается тем, что он был художник. А для подлинного художника даже и тоска — не та подавляющая тоска о житейской безысходности, которая берет человека в свои жестокие клещи: нет, эта тоска, можно сказать, музыкальна, крылата и потому не властвует над художником, а, напротив того, благодаря этому своему изменению ему подчинена. Но послушаем опять-таки самого Чехова:

«...И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в голубом небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца!»

И вот вопреки этой безнадежности сам Чехов и стал этим подлинным певцом торжества красоты и страстной жажды жизни.

Антон Павлович Чехов и Алексей Максимович Горький с племянником Антона Павловича — Володей. Ялта. 1902 год. Редкая фотография.

Неопубликованная фотография

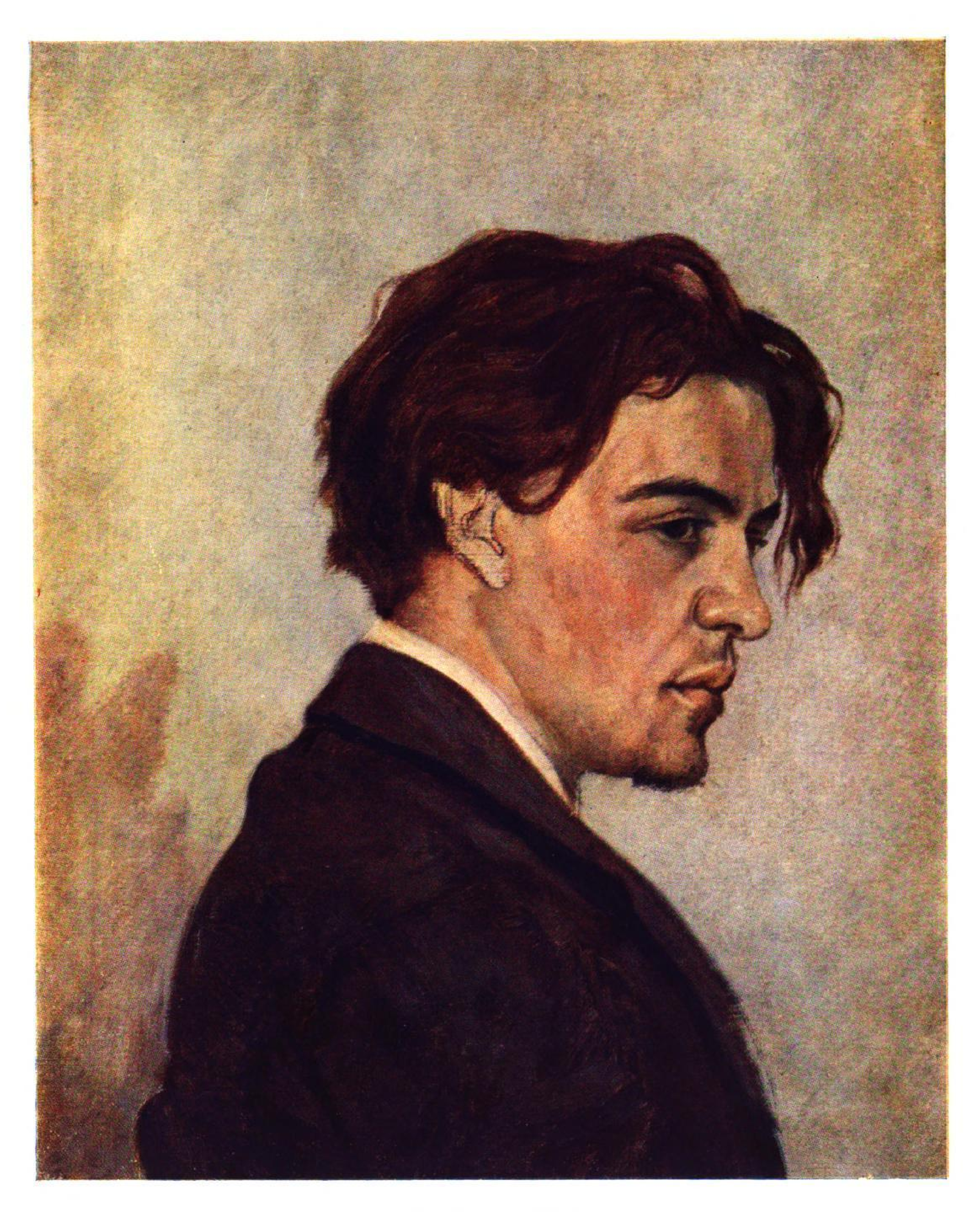

Мой отец, писатель Петр Алексеевич Сергеенко, был товарищем А. П. Чехова по гимназии. Они поддерживали дружеские отношения всю жизнь.

29 сентября (12 октября) 1900 года отец и я, тогда четырнадцатилетний мальчик, навестили Антона Павловича в Ялте на его даче.

У меня был с собою маленький аппарат «Кодак». Мне очень хотелось снять Антона Павловича. Он согласился, спросил, где лучше сниматься: в комнате или на воздухе, — и вообще предложил распоряжаться им по своему усмотрению. Я попросил Антона Павловича стать на балконе у перил и уже хотел его снять, когда он сказал моему отцу, что желал бы сняться вместе с ним, потому что одному сниматься как-то неловко. Отец встал с ним рядом, и я наконец сделал снимок, который здесь публикуется впервые.

А. СЕРГЕЕНКО

Антон Павлович ЧЕХОВ.

Незаконченный портрет работы **Н. П. Чехова.** Москва, начало 80-х годов.

Государственный Литературный музей.

Д. А. Дубинский. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова НЕВЕСТА.

А. П. ЧЕХОВ

Невеста

Рассказ

Рисунки Д. Дубинского.

I.

Было уже часов десять вечера, и над садом светила полная луна. В доме Шуминых только что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде — она вышла в сад на минутку — видно было, как в зале накрывали на стол для закуски, как в своем пышном шелковом платье суетилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой; возле стоял сын отца Андрея, Андрей Андреич, и внимательно слушал.

В саду было тихо, прохладно, и темные, покойные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то далеко, очень далеко, должно быть, за городом, кричали лягушки. Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека. И хотелось почему-то плакать.

Ей, Наде, было уже 23 года; с 16 лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь, наконец, она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном; он ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как стучали ножами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями. И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца!

Вот кто-то вышел из дома и остановился на крыльце; это Александр Тимофеич, или, попросту, Саша, гость, приехавший из Москвы дней десять назад. Когда-то давно к бабушке хаживала за подаяньем ее дальняя родственница, Марья Петровна, обедневшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая, больная. У нее был сын Саша. Почему-то про него говорили, что он прекрасный художник, и, когда у него умерла мать, бабушка, ради спасения души, отправила его в Москву в Комиссаровское училище; года через два перешел он в училище живописи, пробыл здесь чуть ли не пятнадцать лет и кончил по архитектурному отделению, с грехом пополам, но архитектурой все-таки не занимался, а служил в одной из московских литографий. Почти каждое лето приезжал он, обыкновенно очень больной, к бабушке, чтобы отдохнуть и поправиться.

На нем был теперь застегнутый сюртук и поношенные парусинковые брюки, стоптанные внизу. И сорочка была неглаженая, и весь он имел какой-то несвежий вид. Очень худой, с большими глазами, с длинными, худыми пальцами, бородатый, темный и все-таки красивый. К Шуминым он привык, как к родным, и у них чувствовал себя, как дома. И комната, в которой он жил здесь, называлась уже давно Сашиной комнатой.

Стоя на крыльце, он увидел Надю и пошел к ней.

— Хорошо у вас здесь,— сказал он.

— Конечно, хорошо. Вам бы здесь до осени пожить.

— Да, должно, так придется. Пожалуй, до сентября у вас тут проживу.

Он засмеялся без причины и сел рядом.

— А я вот сижу и смотрю отсюда на маму,— сказала Надя.— Она кажется отсюда такой молодой! У моей мамы, конечно, есть слабости,— добавила она, помолчав,— но все же она необыкновенная женщина.

— Да, хорошая...— согласился Саша.— Ваша мама по-своему, конечно, и очень добрая, и милая женщина, но... как вам сказать? Сегодня утром рано зашел я к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы... То же самое, что было двадцать лет назад, никакой перемены. Ну, бабушка, бог с ней, на то она и бабушка; а ведь мама, небось, по-французски говорит, в спектаклях участвует. Можно бы, кажется, понимать.

Когда Саша говорил, то вытягивал перед слушателем два длинных, тощих пальца.

— Мне все здесь как-то дико с непривычки,— продолжал он.— Чорт знает, никто ничего не делает. Мамаша целый день только гуляет, как герцогиня какая-нибудь, бабушка тоже ничего не делает, вы — тоже. И жених, Андрей Андреич, тоже ничего не делает.

Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом, и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешило ее, теперь же почему-то ей стало досадно.

— Все это старо и давно надоело,— сказала она и встала.— Вы бы придумали что-нибудь поновее.

Он засмеялся и тоже встал, и оба пошли к дому. Она, высокая, красивая, стройная, казалась теперь рядом с ним очень здоровой и нарядной; она чувствовала это, и ей было жаль его и почему-то неловко.

— И говорите вы много лишнего,— сказала она.— Вот вы только что говорили про моего Андрея, но ведь вы его не знаете.

— Моего Андрея... Бог с ним, с вашим Андреем! Мне вот молодости вашей жалко.

Когда вошли в залу, там уже садились ужинать. Бабушка, или, как ее называли в доме, бабуля, очень полная, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, говорила громко, и уже по ее голосу и манере говорить было заметно, что она здесь старшая в доме. Ей принадлежали торговые ряды на ярмарке и старинный дом с колоннами и садом, но она каждое утро молилась, чтобы бог спас ее от разорения, и при этом плакала. И ее невестка, мать Нади, Нина Ивановна, белокурая, сильно затянута, в pince-nez и с брильянтами на каждом пальце; и отец Андрей, старик, худощавый, беззубый и с таким выражением, будто собирался рассказать что-то очень смешное; и его сын Андрей Андреич, жених Нади, полный и красивый, с вьющимися волосами, похожий на артиста или художника,— все трое говорили о гипнотизме.

— Ты у меня в неделю поправишься,— сказала бабуля, обращаясь к Саше,— только вот кушай побольше. И на что ты похож! — вздохнула она.— Страшный ты стал! Вот уж подлинно, как есть, блудный сын.

— Отеческого дара расточив богатство,— проговорил отец Андрей медленно, со смеющимися глазами,— с бессмысленными скоты пасохся окаянный...

— Люблю я своего батьку,— сказал Андрей Андреич и потрогал отца за плечо.— Славный старик. Добрый старик.

Все помолчали. Саша вдруг засмеялся и прижал ко рту салфетку.

— Стало быть, вы верите в гипнотизм? — спросил отец Андрей у Нины Ивановны.

— Я не могу, конечно, утверждать, что я верю,— ответила Нина Ивановна, придавая своему лицу очень серьезное, даже строгое выражение,— но должна сознаться, что в природе есть много таинственного и непонятного.

— Совершенно с вами согласен, хотя должен прибавить от себя, что вера значительно сокращает нам область таинственного.

Подали большую, очень жирную индейку. Отец Андрей и Нина Ивановна продолжали свой разговор. У Нины Ивановны блестели брильянты на пальцах, потом на глазах заблестели слезы, она заволновалась.

— Хотя я и не смею спорить с вами,— сказала она,— но, согласитесь, в жизни так много неразрешимых загадок!

— Ни одной, смею вас уверить.

После ужина Андрей Андреич играл на скрипке, а Нина Ивановна аккомпанировала на рояле. Он десять лет назад кончил в университете по филологическому факультету, но нигде не служил, определенного дела не имел и лишь изредка принимал участие в концертах с благотворительной целью; и в городе называли его артистом.

Андрей Андреич играл; все слушали молча. На столе тихо кипел самовар, и только один Саша пил чай. Потом, когда пробило двенадцать, лопнула вдруг струна на скрипке; все засмеялись, засуетились и стали прощаться.

Проводив жениха, Надя пошла к себе наверх, где жила с матерью (нижний этаж занимала бабушка). Внизу, в зале, стали тушить огни, а Саша все еще сидел и пил чай. Пил он чай всегда подолгу, по-московски, стаканов по семи в один раз. Наде, когда она разделась и легла в постель, долго еще было слышно, как внизу убирала прислуга, как сердилась бабуля. Наконец, все затихло, и только слышалось изредка, как в своей комнате, внизу покашливал басом Саша.

II.

Когда Надя проснулась, было, должно быть, часа два, начинался рассвет. Где-то далеко стучал сторож. Спать не хотелось, лежать было очень мягко, неловко. Надя, как и во все прошлые майские ночи, села в постели и стала думать. А мысли были все те же, что в прошлую ночь, однообразные, ненужные, неотвязчивые мысли о том, как Андрей Андреич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение, как она согласилась и потом мало-помалу оценила этого доброго, умного человека. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх, беспокойство, как будто ожидало ее что-то неопределенное, тяжелое.

«Тик-ток, тик-ток...—лениво стучал сторож.— Тик-ток...»

В большое старое окно виден сад, дальше кусты густо цветущей сирени, сонной и вялой от холода; и туман, белый, густой, тихо подплывает к сирени, хочет закрыть ее. На далеких деревьях кричат сонные грачи.

— Боже мой, отчего мне так тяжело!

Быть может, то же самое испытывает перед свадьбой каждая невеста. Кто знает! Или тут влияние Саши? Но ведь Саша уже несколько лет подряд говорит все одно и то же, как по писаному, и когда говорит, то кажется наивным и странным. Но отчего же все-таки Саша не выходит из головы? отчего?

Сторож уже давно не стучит. Под окном и в саду зашумели птицы, туман ушел из сада,

все кругом озарилось весенним светом, точно улыбкой. Скоро весь сад, согретый солнцем, обласканный, ожил, и капли росы, как алмазы, засверкали на листьях; и старый, давно запущенный сад в это утро казался таким молодым, нарядным.

Уже проснулась бабуля. Закашлял грубым басом Саша. Слышно было, как внизу подали самовар, как двигали стульями.

Часы идут медленно. Надя давно уже встала и давно уже гуляла в саду, а все еще тянется утро.

Вот Нина Ивановна, заплаканная, со стаканом минеральной воды. Она занималась спиритизмом, гомеопатией, много читала, любила поговорить о сомнениях, которым была подвержена, и все это, казалось Наде, заключало в себе глубокий, таинственный смысл. Теперь Надя поцеловала мать и пошла с ней рядом.

— О чем ты плакала, мама? — спросила она.

— Вчера на ночь стала я читать повесть, в которой описывается один старик и его дочь. Старик служит где-то, ну, и в дочь его влюбился начальник. Я не дочитала, но там есть такое одно место, что трудно было удержаться от слез,— сказала Нина Ивановна и отхлебнула из стакана.— Сегодня утром вспомнила и тоже всплакнула.

— А мне все эти дни так невесело,— сказала Надя, помолчав.— Отчего я не сплю по ночам?

— Не знаю, милая. А когда я не сплю по ночам, то закрываю глаза крепко-крепко, вот этак, и рисую себе Анну Каренину, как она ходит и как говорит, или рисую что-нибудь историческое, из древнего мира...

Надя почувствовала, что мать не понимает ее и не может понять. Почувствовала это первый раз в жизни, и ей даже страшно стало, захотелось спрятаться; и она ушла к себе в комнату.

А в два часа сели обедать. Была среда, день постный, и потому бабушке подали постный борщ и леща с кашей.

Чтобы подразнить бабушку, Саша ел и свой скоромный суп, и постный борщ. Он шутил все время, пока обедали, но шутки у него выходили громоздкие, непременно с расчетом на мораль, и выходило совсем не смешно, когда он перед тем, как сострить, поднимал вверх свои очень длинные, исхудалые, точно мертвые пальцы, и когда приходило на мысль, что он очень болен и, пожалуй, недолго еще протянет на этом свете; тогда становилось жаль его до слез.

После обеда бабушка ушла к себе в комнату отдыхать. Нина Ивановна недолго поиграла на рояле и потом тоже ушла.

— Ах, милая Надя,— начал Саша свой обычный послеобеденный разговор,— если бы вы послушались меня! если бы!

Она сидела глубоко в старинном кресле, закрыв глаза, а он тихо ходил по комнате, из угла в угол.

— Если бы вы поехали учиться! — говорил он.— Только просвещенные и святые люди интересны, только они и нужны. Ведь чем больше будет таких людей, тем скорее настанет царствие божие на земле. От вашего города тогда мало-помалу не останется камня на камне,— все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди... Но главное не это. Главное то, что толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, этого зла тогда не будет, потому что каждый человек будет веровать и каждый будет знать, для чего он живет, и ни один не будет искать опоры в толпе. Милая, голубушка, поезжайте! Покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь надоела вам. Покажите это хоть себе самой!

— Нельзя, Саша. Я выхожу замуж.

— Э, полно! Кому это нужно?

Вышли в сад, прошлись немного.

— И как бы там ни было, милая моя, надо вдуматься, надо понять, как нечиста, как безнравственна эта ваша праздная жизнь,— продолжал Саша.— Поймите же, ведь если, например, вы и ваша мать, и ваша бабулька ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь, а разве это чисто, не грязно?

Надя хотела сказать: «да, это правда»; хотела сказать, что она понимает; но слезы показались у нее на глазах, она вдруг притихла, сжалась вся и ушла к себе.

Перед вечером приходил Андрей Андреич и по обыкновению долго играл на скрипке. Вообще он был неразговорчив и любил скрипку, быть может, потому, что во время игры можно было молчать. В одиннадцатом часу, уходя домой, уже в пальто, он обнял Надю и стал жадно целовать ее лицо, плечи, руки.

— Дорогая, милая моя, прекрасная! — бормотал он.— О, как я счастлив! Я безумствую от восторга!

И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то... в романе, в старом, оборванном, давно уже заброшенном.

В зале Саша сидел у стола и пил чай, поставив блюдечко на свои длинные пять пальцев; бабуля раскладывала пасьянс, Нина Ивановна читала. Трещал огонек в лампадке, и все, казалось, было тихо, благополучно. Надя простилась и пошла к себе наверх, легла и тотчас же уснула. Но, как и в прошлую ночь, едва забрезжил свет, она уже проснулась. Спать не хотелось, на душе было непокойно, тяжело. Она сидела, положив голову на колени, и думала о женихе, о свадьбе... Вспомнила она почему-то, что ее мать не любила своего покойного мужа и теперь ничего не имела, жила в полной зависимости от своей свекрови, бабули. И Надя, как ни думала, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в своей матери что-то особенное, необыкновенное, почему не замечала простой, обыкновенной, несчастной женщины.

И Саша не спал внизу,— слышно было, как он кашлял. Это странный, наивный человек, думала Надя, и в его мечтах, во всех этих чудесных садах, фонтанах необыкновенных чувствуется что-то нелепое; но почему-то в его наивности, даже в этой нелепости столько прекрасного, что едва она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как все сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, восторга.

— Но лучше не думать, лучше не думать...— шептала она.— Не надо думать об этом.

«Тик-ток...— стучал сторож где-то далеко.— Тик-ток... тик-ток...»

III.

Саша в середине июня стал вдруг скучать и засобирался в Москву.

— Не могу я жить в этом городе,— говорил он мрачно.— Ни водопровода, ни канализации! Я есть за обедом брезгаю: в кухне грязь невозможнейшая...

— Да погоди, блудный сын! — убеждала бабушка почему-то шопотом: — седьмого числа свадьба!

— Не желаю.

— Хотел ведь у нас до сентября прожить!

— А теперь вот не желаю. Мне работать нужно!

Лето выдалось сырое и холодное, деревья были мокрые, все в саду глядело неприветливо, уныло, хотелось в самом деле работать. В комнатах, внизу и наверху, слышались незнакомые женские голоса, стучала у бабушки швейная машина: это спешили с приданым. Одних шуб за Надей давали шесть, и самая дешевая из них, по словам бабушки, стоила триста рублей! Суета раздражала Сашу; он сидел у себя в комнате и сердился; но все же его уговорили остаться, и он дал слово, что уедет первого июля, не раньше.

Время шло быстро. На Петров день после обеда Андрей Андреич пошел с Надей на Московскую улицу, чтобы еще раз осмотреть дом, который наняли и давно уже приготовили для молодых. Дом двухэтажный, но убран был пока только верхний этаж. В зале блестящий пол, выкрашенный под паркет, венские стулья, рояль, пюпитр для скрипки. Пахло краской. На стене в золотой раме висела большая картина, написанная красками: нагая дама и около нее лиловая ваза с отбитой ручкой.

— Чудесная картина,— проговорил Андрей Андреич и из уважения вздохнул.— Это художника Шишмачевского.

Дальше была гостиная с круглым столом, диваном и креслами, обитыми яркоголубой материей. Над диваном большой фотографический портрет отца Андрея в камилавке и в орденах. Потом вошли в столовую с буфетом, потом в спальню; здесь в полумраке стояли рядом две кровати, и похоже было, что когда обставляли спальню, то имели в виду, что всегда тут будет очень хорошо и иначе быть не может. Андрей Андреич водил Надю по комнатам и все время держал ее за талию; а она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидела все эти комнаты, кровати, кресла, ее мутило от нагой дамы. Для нее уже ясно было, что она разлюбила Андрея Андреича или, быть может, не любила его никогда; но как это сказать, кому сказать и для чего, она не понимала и не могла понять, хотя думала об этом все дни, все ночи... Он держал ее за талию, говорил так ласково, скромно, так был счастлив, расхаживая по этой своей квартире; а она видела во всем одну только пошлость, глупую, наивную, невыносимую пошлость, и его рука, обнимавшая ее талию, казалась ей жесткой и холодной, как обруч. И каждую минуту она готова была убежать, зарыдать, броситься в окно. Андрей Андреич привел ее в ванную и здесь дотронулся до крана, вделанного в стену, и вдруг потекла вода.

— Каково? — сказал он и рассмеялся.— Я велел сделать на чердаке бак на сто ведер, и вот мы с тобой теперь будем иметь воду.

Прошлись по двору, потом вышли на улицу, взяли извозчика. Пыль носилась густыми тучами, и казалось, вот-вот пойдет дождь.

— Тебе не холодно? — спросил Андрей Андреич, щурясь от пыли.

Она промолчала.

— Вчера Саша, ты помнишь, упрекнул меня в том, что я ничего не делаю,— сказал он, помолчав немного.— Что же, он прав! Бесконечно прав! Я ничего не делаю и не могу делать. Дорогая моя, отчего это? Отчего мне так противна даже мысль о том, что я когда-нибудь нацеплю на лоб кокарду и пойду служить? Отчего мне так не по себе, когда я вижу адвоката, или учителя латинского языка, или члена управы? О, матушка Русь! О, матушка Русь, как еще много ты носишь на себе праздных и бесполезных! Как много на тебе таких, как я, многострадальная!

И то, что он ничего не делал, он обобщал, видел в этом знамение времени.

— Когда женимся,— продолжал он,— то пойдем вместе в деревню, дорогая моя, будем там работать! Мы купим себе небольшой клочок земли с садом, рекой, будем трудиться, наблюдать жизнь... О, как это будет хорошо!

Он снял шляпу, и волосы развевались у него от ветра, а она слушала его и думала: «Боже, домой хочу! Боже!» Почти около самого дома они обогнали отца Андрея.

— А вот и отец идет! — обрадовался Андрей Андреич и замахал шляпой.— Люблю я своего батьку, право,— сказал он, расплачиваясь с извозчиком.— Славный старик. Добрый старик.

Вошла Надя в дом сердитая, нездоровая, думая о том, что весь вечер будут гости, что надо занимать их, улыбаться, слушать скрипку, слушать всякий вздор и говорить только о свадьбе. Бабушка, важная, пышная в своем шелковом платье, надменная, какою она всегда казалась при гостях,— сидела у самовара. Вошел отец Андрей со своей хитрой улыбкой.

— Имею удовольствие и благодатное утешение видеть вас в добром здоровье,— сказал он бабушке, и трудно было понять, шутит это он или говорит серьезно.

IV.

Ветер стучал в окна, в крышу; слышался свист, и в печи домовой жалобно и угрюмо напевал свою песенку. Был первый час ночи. В доме все уже легли, но никто не спал, и Наде все чуялось, что внизу играют на скрипке. Послышался резкий стук, должно быть, сорвалась ставня. Через минуту вошла Нина Ивановна в одной сорочке, со свечой.

— Что это застучало, Надя? — спросила она.

Мать, с волосами, заплетенными в одну косу, с робкой улыбкой, в эту бурную ночь казалась старше, некрасивее, меньше ростом. Наде вспомнилось, как еще недавно она считала свою мать необыкновенной и с гордостью слушала слова, какие она говорила; а теперь никак не могла вспомнить этих слов; все, что приходило на память, было так слабо, ненужно.

В печке раздалось пение нескольких басов и даже послышалось: «А-ах, бо-о-же мой!»

Надя села в постели и вдруг схватила себя крепко за волосы и зарыдала.

— Мама, мама,— проговорила она,— родная моя, если б ты знала, что со мной делается! Прошу тебя, умоляю, позволь мне уехать! Умоляю!

— Куда? — спросила Нина Ивановна, не понимая, и села на кровать.— Куда уехать?

Надя долго плакала и не могла выговорить ни слова.

— Позволь мне уехать из города! — сказала она, наконец.— Свадьбы не должно быть и не будет,— пойми! Я не люблю этого человека... И говорить о нем не могу.

— Нет, родная моя, нет,— заговорила Нина Ивановна быстро, страшно испугавшись.— Ты успокойся,— это у тебя от нерасположения духа. Это пройдет. Это бывает. Вероятно, ты повздорила с Андреем; но милые бранятся — только тешатся.

— Ну, уйди, мама, уйди! — зарыдала Надя.

— Да,—сказала Нина Ивановна, помолчав.— Давно ли ты была ребенком, девочкой, а теперь уже невеста. В природе постоянный обмен веществ. И не заметишь, как сама станешь матерью и старухой, и будет у тебя такая же строптивая дочка, как у меня.

— Милая, добрая моя, ты ведь умна, ты несчастна,— сказала Надя,— ты очень несчастна,— зачем же ты говоришь пошлости? Бога ради, зачем?

Нина Ивановна хотела что-то сказать, но не могла выговорить ни слова, всхлипнула и ушла к себе. Басы опять загудели в печке, стало вдруг страшно. Надя вскочила с постели и быстро пошла к матери. Нина Ивановна, заплаканная, лежала в постели, укрывшись голубым одеялом, и держала в руках книгу.

— Мама, выслушай меня! — проговорила Надя.— Умоляю тебя, вдумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мелка и унизительна наша жизнь. У меня открылись глаза, я теперь все вижу. И что такое твой Андрей Андреич? Ведь он же не умен, мама! Господи боже мой! Пойми, мама, он глуп!

Нина Ивановна порывисто села.

— Ты и твоя бабка мучаете меня! — сказала она, всхлипнув.— Я жить хочу! Жить! — повторила она и раза два ударила кулачком по груди.— Дайте же мне свободу! Я еще молода, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!..

Она горько заплакала, легла и свернулась под одеялом калачиком, и показалась такой маленькой, жалкой, глупенькой. Надя пошла к себе, оделась и, севши у окна, стала поджидать утра. Она всю ночь сидела и думала, а кто-то со двора все стучал в ставню и насвистывал.

Утром бабушка жаловалась, что в саду ночью ветром посбивало все яблоки и сломало одну старую сливу. Было серо, тускло, безотрадно, хоть огонь зажигай; все жаловались на холод, и дождь стучал в окна. После чаю Надя вошла к Саше и, не сказав ни слова, стала на колени в углу у кресла и закрыла лицо руками.

— Что? — спросил Саша.

— Не могу...— проговорила она.— Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь...

— Ну, ну...— проговорил Саша, не понимая еще, в чем дело.— Это ничего... Это хорошо.

— Эта жизнь опостылела мне,— продолжала Надя,— я не вынесу здесь и одного дня. Завтра же я уеду отсюда. Возьмите меня с собой, бога ради!

Саша минуту смотрел на нее с удивлением; наконец, он понял и обрадовался, как ребенок. Он взмахнул руками и начал притопывать туфлями, как бы танцуя от радости.

— Великолепно! — говорил он, потирая руки.— Боже, как это хорошо!

А она глядела на него, не мигая, большими, влюбленными глазами, как очарованная, ожидая, что он тотчас же скажет ей что-нибудь значительное, безграничное по своей важности; он еще ничего не сказал ей, но уже ей казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на все, хотя бы на смерть.

— Завтра я уезжаю,— сказал он, подумав,— и вы поедете на вокзал провожать меня... Ваш багаж я заберу в свой чемодан и билет вам возьму; а во время третьего звонка вы войдете в вагон,— мы и поедем. Проводите меня до Москвы, а там вы одни поедете в Петербург. Паспорт у вас есть?

— Есть.

— Клянусь вам, вы не пожалеете и не раскаетесь,— сказал Саша с увлечением.— Поедете, будете учиться, а там пусть вас носит судьба. Когда перевернете вашу жизнь, то все изменится. Главное — перевернуть жизнь, а все остальное не нужно. Итак, значит, завтра поедем?

— О, да! Бога ради!

Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у нее тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придется страдать и мучительно думать; но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканным лицом, с улыбкой, до самого вечера.

V.

Послали за извозчиком. Надя, уже в шляпе и пальто, пошла наверх, чтобы еще раз взглянуть на мать, на все свое; она постояла в своей комнате около постели, еще теплой, осмотрелась, потом пошла тихо к матери. Нина Ивановна спала, в комнате было тихо. Надя поцеловала мать и поправила ей волосы, постояла минуты две... Потом не спеша вернулась вниз.

На дворе шел сильный дождь. Извозчик с крытым верхом, весь мокрый, стоял у подъезда.

— Не поместишься с ним, Надя,— сказала бабушка, когда прислуга стала укладывать чемоданы.— И охота в такую погоду провожать! Оставалась бы дома. Ишь ведь дождь какой!

Надя хотела сказать что-то и не могла. Вот Саша подсадил Надю, укрыл ей ноги пледом. Вот и сам он поместился рядом.

— В добрый час! Господь благословит! — кричала с крыльца бабушка.— Ты же, Саша, пиши нам из Москвы!

— Ладно. Прощайте, бабуля!

— Сохрани тебя царица небесная!

— Ну, погодка! — проговорил Саша.

Надя теперь только заплакала. Теперь уже для нее ясно было, что она уедет непременно, чему она все-таки не верила, когда прощалась с бабушкой, когда глядела на мать. Прощай, город! И все ей вдруг припомнилось:

и Андрей, и его отец, и новая квартира, и нагая дама с вазой; и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назад и назад. А когда сели в вагон и поезд тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось в комочек, и разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сих пор было так мало заметно. Дождь стучал в окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволоках, и радость вдруг перехватила ей дыхание: она вспомнила, что она едет на волю, едет учиться, а это все равно, что когда-то очень давно называлось уходить в казачество. Она и смеялась, и плакала, и молилась.

— Ничего-о! — говорил Саша, ухмыляясь.— Ничего-о!

VI.

Прошла осень, за ней прошла зима. Надя уже сильно тосковала и каждый день думала о матери и о бабушке, думала о Саше. Письма из дому приходили тихие, добрые, и, казалось, все уже было прощено и забыто. В мае после экзаменов она, здоровая, веселая, поехала домой и на пути остановилась в Москве, чтобы повидаться с Сашей. Он был все такой же, как и прошлым летом: бородатый, со всклокоченной головой, все в том же сюртуке и парусинковых брюках, все с теми же большими, прекрасными глазами; но вид у него был нездоровый, замученный, он и постарел, и похудел, и все покашливал. И почему-то показался он Наде серым, провинциальным.

— Боже мой, Надя приехала! — сказал он и весело рассмеялся.— Родная моя, голубушка!

Посидели в литографии, где было накурено и сильно, до духоты пахло тушью и красками; потом пошли в его комнату, где было накурено, наплевано; на столе возле остывшего самовара лежала разбитая тарелка с темной бумажкой, и на столе и на полу было множество мертвых мух. И тут было видно по всему, что личную жизнь свою Саша устроил неряшливо, жил как придется, с полным презрением к удобствам, и если бы кто-нибудь заговорил с ним об его личном счастье, об его личной жизни, о любви к нему, то он бы ничего не понял и только бы засмеялся.

— Ничего, все обошлось благополучно,— рассказывала Надя торопливо.— Мама приезжала ко мне осенью в Петербург, говорила, что бабушка не сердится, а только все ходит в мою комнату и крестит стены.

Саша глядел весело, но покашливал и говорил надтреснутым голосом, и Надя все вглядывалась в него и не понимала, болен ли он на самом деле серьезно, или ей это только так кажется.

— Саша, дорогой мой,— сказала она,— а ведь вы больны!

— Нет, ничего. Болен, но не очень...

— Ах, боже мой,— заволновалась Надя,— отчего вы не лечитесь, отчего не бережете своего здоровья? Дорогой мой, милый Саша,— проговорила она, и слезы брызнули у нее из глаз, и почему-то в воображении ее выросли и Андрей Андреич, и голая дама с вазой, и все ее прошлое, которое казалось теперь таким же далеким, как детство; и заплакала она оттого, что Саша уже не казался ей таким новым, интеллигентным, интересным, каким был в прошлом году.— Милый Саша, вы очень, очень больны. Я бы не знаю что сделала, чтобы вы не были так бледны и худы. Я вам так обязана! Вы не можете даже представить себе, как много вы сделали для меня, мой хороший Саша! В сущности для меня вы теперь самый близкий, самый родной человек.

Они посидели, поговорили; и теперь, после того, как Надя провела зиму в Петербурге, от Саши, от его слов, от улыбки и от всей его фигуры веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым и, быть может, уже ушедшим в могилу.

— Я послезавтра на Волгу поеду,— сказал Саша,— ну, а потом на кумыс. Хочу кумыса попить. А со мной едет один приятель с женой. Жена удивительный человек; все сбиваю ее, уговариваю, чтоб она учиться пошла. Хочу, чтобы жизнь свою перевернула.

Поговоривши, поехали на вокзал. Саша угощал чаем, яблоками; а когда поезд тронулся, и он, улыбаясь, помахивал платком, то даже по ногам его видно было, что он очень болен и едва ли проживет долго.

Приехала Надя в свой город в полдень. Когда она ехала с вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими, а дома маленькими, приплюснутыми; людей не было, и только встретился немец-настройщик в рыжем пальто. И все дома точно пылью покрыты. Бабушка, совсем уже старая, попрежнему полная и некрасивая, охватила Надю руками и долго плакала, прижавшись лицом к ее плечу, и не могла оторваться. Нина Ивановна тоже сильно постарела и подурнела, как-то осунулась вся, но все еще попрежнему была затянута, и брильянты блестели у нее на пальцах.

— Милая моя! — говорила она, дрожа всем телом.— Милая моя!

Потом сидели и молча плакали. Видно было, что и бабушка, и мать чувствовали, что прошлое потеряно навсегда и бесповоротно: нет

уже ни положения в обществе, ни прежней чести, ни права приглашать к себе в гости; так бывает, когда среди легкой, беззаботной жизни вдруг нагрянет ночью полиция, сделает обыск, и хозяин дома, окажется, растратил, подделал,— и прощай тогда навеки легкая, беззаботная жизнь!

Надя пошла наверх и увидела ту же постель, те же окна с белыми, наивными занавесками, а в окнах тот же сад залитый солнцем, веселый, шумный. Она потрогала свой стол, посидела, подумала. И обедала хорошо, и пила чай со вкусными, жирными сливками, но чего-то уже нехватало, чувствовалась пустота в комнатах, и потолки были низки. Вечером она легла спать, укрылась, и почему-то было смешно лежать в этой теплой, очень мягкой постели.

Пришла на минутку Нина Ивановна, села, как садятся виноватые, робко и с оглядкой.

— Ну, как, Надя? — спросила она, помолчав.— Ты довольна? Очень довольна?

— Довольна, мама.

Нина Ивановна встала и перекрестила Надю и окна.

— А я, как видишь, стала религиозной,— сказала она.— Знаешь, я теперь занимаюсь философией и все думаю, думаю... И для меня теперь многое стало ясно, как день. Прежде всего надо, мне кажется, чтобы вся жизнь проходила как сквозь призму.

— Скажи, мама, как здоровье бабушки?

— Как будто бы ничего. Когда ты уехала тогда с Сашей и пришла от тебя телеграмма, то бабушка, как прочла, так и упала; три дня лежала без движения. Потом все богу молилась и плакала. А теперь ничего.

Она встала и прошлась по комнате.

«Тик-ток...— стучал сторож.— Тик-ток, тик-ток...»

— Прежде всего надо, чтобы вся жизнь проходила как бы сквозь призму,— сказала она,— то есть, другими словами, надо, чтобы жизнь в сознании делилась на простейшие элементы, как бы на семь основных цветов, и каждый элемент надо изучать в отдельности.

Что еще сказала Нина Ивановна и когда она ушла, Надя не слышала, так как скоро уснула.

Прошел май, настал июнь. Надя уже привыкла к дому. Бабушка хлопотала за самоваром, глубоко вздыхала; Нина Ивановна рассказывала по вечерам про свою философию; она попрежнему проживала в доме, как приживалка, и должна была обращаться к бабушке за каждым двугривенным. Было много мух в доме, и потолки в комнатах, казалось, становились все ниже и ниже. Бабуля и Нина Ивановна не выходили на улицу из страха, чтобы им не встретились отец Андрей и Андрей Андреич. Надя ходила по саду, по улице, глядела на дома, на серые заборы, и ей казалось, что в городе все давно уже состарилось, отжило и все только ждет не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет! Ведь будет же время, когда от бабушкина дома, где все так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте,— будет же время, когда от этого дома не останется и следа, и о нем забудут, никто не будет помнить. И Надю развлекали только мальчишки из соседнего двора; когда она гуляла по саду, они стучали в забор и дразнили ее со смехом:

— Невеста! Невеста!

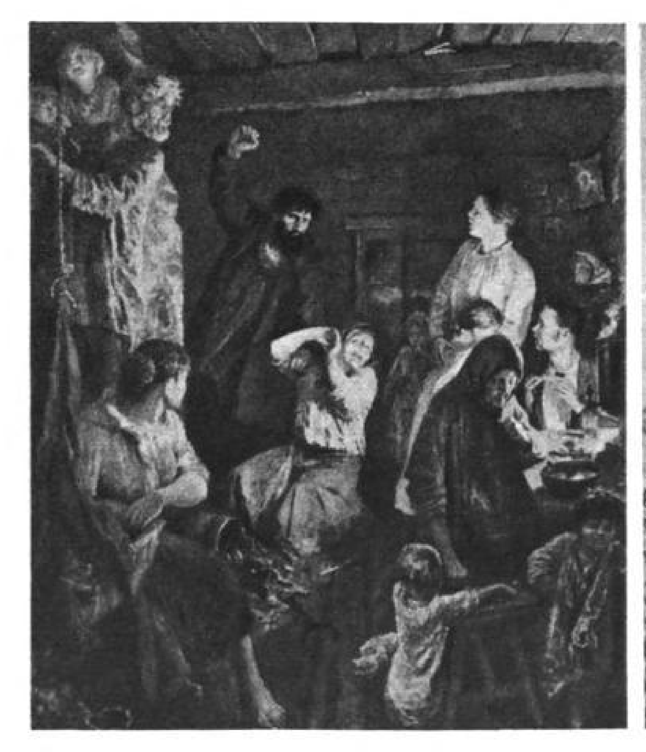
Пришло из Саратова письмо от Саши. Своим веселым, танцующим почерком он писал, что путешествие по Волге ему удалось вполне, но что в Саратове он прихворнул немного, потерял голос и уже две недели лежит в больнице. Она поняла, что это значит, и предчувствие, похожее на уверенность, овладело ею. И ей было неприятно, что это предчувствие и мысли о Саше не волновали ее так, как раньше. Ей страстно хотелось жить, хотелось в Петербург. И знакомство с Сашей представлялось уже милым, но далеким, далеким прошлым! Она не спала всю ночь и утром сидела у окна, прислушиваясь. И в самом деле, послышались голоса внизу; встревоженная бабушка стала о чем-то быстро спрашивать. Потом заплакал кто-то... Когда Надя сошла вниз, то бабушка стояла в углу и молилась, и лицо у нее было заплакано. На столе лежала телеграмма.

Надя долго ходила по комнате, слушая, как плачет бабушка, потом взяла телеграмму, прочла. Сообщалось, что вчера утром в Саратове от чахотки скончался Александр Тимофеич, или, попросту, Саша.

Бабушка и Нина Ивановна пошли в церковь заказывать панихиду, а Надя долго еще ходила по комнатам и думала. Она ясно сознавала, что жизнь ее перевернута, как хотел того Саша, что она здесь одинокая, чужая, ненужная, и что все ей тут ненужно, все прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут.

«Прощай, милый Саша!» — думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее.

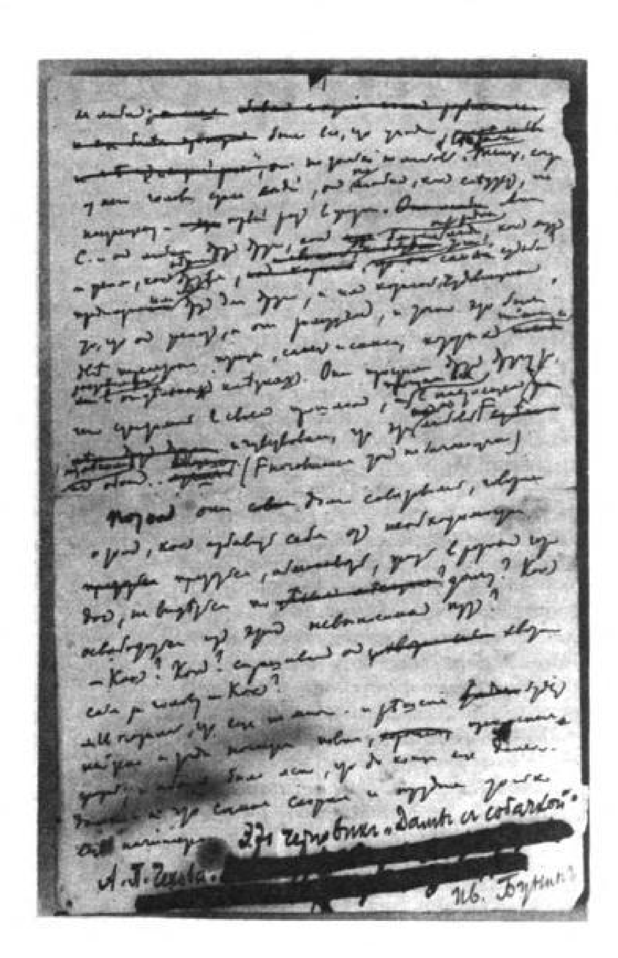
Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром простилась со своими и, живая, веселая, покинула город,— как полагала, навсегда.

Иллюстрации А. Самохвалова к рассказу А. П. Чехова «Мужики».

Одна страничка

Черновые рукописи Чехова, в особенности его последних произведений (кроме «Невесты»), как известно, не сохранились. Поэтому нам так дорога каждая новая найденная страничка чернового чеховского текста.

В Государственный литературный музей недавно поступил черновик последней, заключительной страницы рассказа «Дама с собачкой» (1899 год). Судя по имеющейся на этой страничке пометке, она ранее находилась в архиве писателя И. А. Бунина.

Мы впервые публикуем здесь эту страницу. Она говорит о том, что, работая над рассказом, Чехов стремился показать, как любовь к Анне Сергеевне обновила и облагородила Гурова, в отношениях которого с женщинами прежде «было все, что угодно, но только не любовь» (этой новой лаконичной вставкой Чехов заменяет в рукописи первоначальную, более обнаженную характеристику Гурова: «лишь сбивал с пути, потом развлекался и все более презирал»).

Внося новые поправки, писатель характеризует любовь Гурова и Анны Сергеевны как подлинное, большое чувство. Он вводит очень выразительные определения: «Анна Сергеевна и он любили друг друга как очень **родные**, близкие люди, как муж и жена, как **нежные** друзья».

Мы выделили дописанные Чеховым слова, придающие всему сказанному особое звучание.

Говоря о разлуке Анны Сергеевны и Гурова, принужденных жить порознь, Чехов заменяет первоначальный текст: «посадили в отдельных клетках» — более развернутым, образным и сильным: «поймали и заставили жить в отдельных клетках».

Огромным доверием к читателю, нежеланием насильно навязывать ему выводы продиктован сделанный Чеховым выбор из двух вариантов фразы: «эта любовь сделала их обоих лучше», «изменила их обоих» — последнего, предоставляющего читателю самому вывести заключение о характере этих изменений.

Сличение черновой рукописи с окончательным, печатным текстом рассказа позволяет установить одно весьма существенное дополнение, которое сделал Чехов уже в дальнейшем; вписан заново целый абзац:

«Прежде, в грустные минуты он успокаивал себя всякими рассуждениями, какие только приходили ему в голову, теперь же ему было не до рассуждений, он чувствовал глубокое сострадание, хотелось быть искренним, нежным...

— Перестань, моя хорошая,— говорил он,— поплакала — и будет... Теперь давай поговорим, что-нибудь придумаем».

Эта вставка, раскрывая в образе Гурова то новое, что пробудила большая любовь, перекликается с ранее сделанными поправками.

К. ВИНОГРАДОВА

НЕИСЧЕРПАЕМЫЕ БОГАТСТВА

Станиславский о Чехове

Не было ни одной пьесы Чехова на сцене Художественного театра, в которой не выступал бы в качестве актера Константин Сергеевич Станиславский. В «Чайке» он играл Тригорина. В «Дяде Ване», «Трех сестрах», «Вишневом саду», «Иванове» он создал незабываемые образы Астрова, Вершинина, Гаева, Шабельского. Вместе с Вл. И. Немировичем-Данченко он осуществил, кроме «Иванова», все чеховские постановки, найдя новый подход к особенностям его драматургии, ее поэтическому и духовному строю.

«Мне пришлось играть в пьесах Чехова одну и ту же роль,— рассказывает К. С. Станиславский,— по несколько сот раз, но я не помню спектакля, во время которого не вскрылись бы в моей душе новые ощущения, а в самом произведении — новые глубины или тонкости, которые не были мною раньше замечены».

Эту особенность Чехова, поясняет Станиславский, предопределяет то, что, «несмотря на обыденщину, которую он будто бы всегда изображает, он говорит всегда, в своем основном, духовном лейтмотиве, не о случайном, не о частном, а о Человеческом с большой буквы».

Чехов был весной Художественного театра. Станиславский посвящает Чехову в своей знаменитой книге «Моя жизнь в искусстве» страницы, проникнутые особенным, сердечным волнением. В главе «Вишневый сад», заканчивающейся скорбным рассказом о кончине Чехова («Смерть его была красива, спокойна и торжественна...»), Станиславский говорит: «Вместо некролога выскажу несколько своих мыслей о нем».

Что главное в характеристике, которую дал Чехову Станиславский? Это — глубокое убеждение в том, что Чехов никогда не был «поэтом будней, серых людей», а, наоборот, жил «светлыми мечтами, верой в будущее, заботливо накапливая культурные богатства для грядущих поколений».

«...он один из первых,— говорит Константин Сергеевич,— почувствовал неизбежность революции, когда она была лишь в зародыше и общество продолжало купаться в излишествах».

В ближайшее время начнет выходить в свет собрание сочинений К. С. Станиславского. В первом томе, где будет помещена «Моя жизнь в искусстве», читатели найдут ряд доселе не изданных высказываний Станиславского о Чехове.

Вот некоторые из этих строк:

«Все пьесы Чехова пропитаны ...стремлением к лучшей жизни и кончаются искренней верой в грядущее будущее. Удивляешься тому, что такая вера живет в душе смертельно больного, прожившего тяжелую жизнь гениального поэта.

Почему же брюнеты-пессимисты устремляют свое внимание только на мрачные стороны его души и творчества и так слабо отмечают светлые? Или они смешивают самого драматурга с ролями, им созданными? Но для того, чтобы написать «Иванова», не надо самому быть им. Точно так же, как для того, чтобы создать Городничего, Судью, Землянику в «Ревизоре», нет необходимости, чтобы Гоголь стал взяточником. Я думаю, совершенно наоборот: Чехов и Гоголь потому так ярко написали Иванова, Городничего и других, что они сами не были такими.

Или, может быть, Чехову следовало бы приклеить веселенькие концы к своим пьесам в духе тех, к которым приучил нас кинематограф: неожиданную или давно ожидаемую свадьбу, или общее примирение, или полное семейное благополучие, или другое бодрое окончание, рассчитанное на бесконечные вызовы? Тогда, может быть, он избежал бы созданной ему брюнетами-пессимистами репутации.

Достойно удивления, что в наше время живет еще прозаическое, упрощенное и прямолинейное отношение и подход к искусству, синтезирующему сложнейшую жизнь духа современных людей».

Развивая эту свою основную мысль, Станиславский утверждает:

«О Чехове надо судить не по отрицательным сторонам описываемой им жизни, которую он критикует, выставляет на общее суждение, а по его мечтам, которые он любовно объясняет нам устами своих героев.

Как темная краска нужна для усиления светлой, так точно темные стороны действительности и быта изображаемой Чеховым жизни нужны ему для выделения светлых надежд и чаяний.

Сам Чехов отражается не в черных, а в белых красках своих картин, т. е. не в действительности и быте, а в мечте. ...Весь секрет подхода к душе его произведений именно в таком понимании творчества Чехова. Пусть для зрителей его пьесы — печальная страница п р о ш л о г о, но для нас, артистов, передающих их на сцене, это страница б у д у щ е г о, олицетворение в е ч н о г о с т р е м л е н и я к л у ч ш е й ж и з н и. Других путей нет для постигновения тайников души Чехова. Ощущение правды реальной жизни в н а с т о я щ е м и искренняя вера в идеальную мечту в б у д у щ е м — вот ключи к потайным дверям творческого сверхсознания в его произведениях».

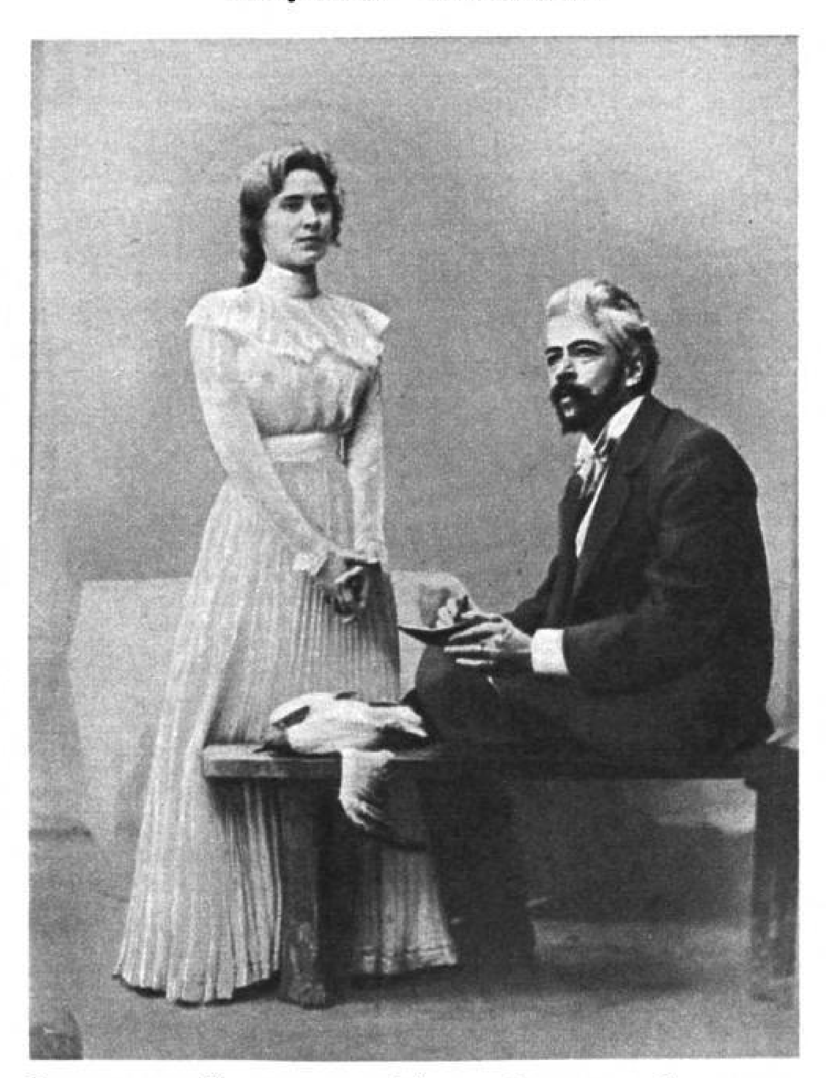
Называя в своих воспоминаниях Чехова «человеком, который задолго предчувствовал многое из того, что теперь совершилось», Станиславский утверждает, что, доживши до наших дней, Чехов «понял бы революцию и новую жизнь, ею создаваемую», ибо весь облик художника был проникнут вечным стремлением к лучшей жизни человечества.

Станиславский заключает свои мысли о Чехове следующими восторженными словами:

«Без Чехова — нельзя, как нельзя без Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Щепкина. Это — основные столпы, на которые всей тяжестью опирается здание нашего храма искусства».

Н. ВОЛКОВ

Первая «чайка»

Сцена из первой постановки «Чайки» в Московском Художественном театре. Тригорин — К. С. Станиславский. Нина Заречная — М. Л. Роксанова.

Среди высоких деревьев Измайловского парка в Московском Доме ветеранов сцены в небольшой уютной комнате живет Мария Людомировна Роксанова — первая Нина Заречная, первая «чайка» Художественного театра.

При распределении ролей Немирович-Данченко в письме к Чехову так характеризовал артистку: «...Окончила в прошлом году... Молодая, очень нервная актриса».

Недолго, всего несколько лет, пробыла артистка на сцене Художественного театра, сыграв десять ролей. Она дебютировала в первой постановке театра «Царь Федор Иоаннович» — в роли княжны Мстиславской, играла Татьяну в «Мещанах» — первой пьесе А. М. Горького, поставленной Художественным театром. Ныне седая, гладко причесанная, Мария Людомировна показывает фотографию девушки с пышными волосами, вдохновенным лицом. Такой была «трепетная» Роксанова в пору постановки «Чайки».

Тепло говорит артистка о любимом ею писателе. Драматургия Чехова всегда была близка Роксановой. Выступая в театрах Киева, Одессы, Тифлиса, Риги и других крупных городов нашей страны, она играла во многих чеховских пьесах. Она была Соней в «Дяде Ване», Машей в «Трех сестрах», Анной Петровной (Саррой) в драме «Иванов»...

Т. КУЛАКОВСКАЯ

Добрая память

Иван ГОРЕЛОВ

Фото С. Фридлянда.

Знойное летнее утро. Над полями и перелесками невиданной голубизны небесный шатер. На суглинистом косогоре нарядные белоствольные березки. Горделивые, задумчивые стоят у дороги дубы-сторожа.

Машина мчится по шоссе. У всех в памяти адрес, названный Антоном Павловичем Чеховым в его многочисленных письмах к друзьям и знакомым: «Станция Лопасня Московско-Курской ж. д., Мелихово».

Миновали станцию Лопасня. Дорога свернула влево и побежала среди редколесья.

Новоселки. По обеим сторонам шоссе уютные палисадники, полные сирени. Здание под железной крышей, и на нем мемориальная мраморная доска:

«Эта школа построена А. П. Чеховым в 1897 году».

— Добрую память оставил о себе человек! — говорит колхозница Мария Ивановна Андреева.

Помнит она, как миром выбирали место для школы, возили со станции лес, издалека на крестьянских возках доставляли кирпич для фундамента. В их избе квартировали плотники, а через двор жили на постое каменщики из Хотуни. Помнят новоселковские старожилы, как приезжал к ним на простеньком одноконном тарантасе Антон Павлович, курил вместе с плотниками махорку, беседовал с крестьянами...

Проезжаем овраг, зеленую, присмиревшую от зноя речушку Люторку, и вот гостеприимное Мелихово.

Здесь необычайное оживление: меж кустами жасмина, кряхтя, разворачивается автобус, на пятитонном грузовике приехали серпуховские рабочие, стайкой пронеслись велосипедисты. У пруда, возле березок, походным лагерем расположились школьники...

Антон Павлович прожил здесь около семи лет. За нехитрой решетчатой оградой, в маленьком островерхом флигельке созданы им произведения: «Три года», «Чайка», «Моя жизнь», «Мужики».

Чехов не мог жить без постоянного, живого общения с народом, без активной общественной деятельности. «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек»,— резюмировал он свои мысли в одном из писем.

Лето 1891 года он провел в Богимове, Калужской губернии. Затем, вернувшись в Москву, всю зиму усердно хлопотал о покупке небольшого хутора на Украине.

И вот случайно подвернулось Мелихово...

Село в ту пору лежало на торговом каширском тракте: железной дороги до Каширы еще не было. На бойком месте вдоль тракта — трактиры. Центр Мелихова, его сухую, возвышенную часть, занимали мелкие поместья озорного барина Кувшинникова, дерзкого, сумасбродного помещика Вареникова и художника Сорохтина.

А осиновые крестьянские избы — из горького дерева сбиты и судьбою забыты — островками ютились в окраинных слободах — «Наумихе», «Киселихе», «Воробьевке» и «Чуфарихе».

Художник Сорохтин увяз в долгах, как таракан в тесте, и спешно продавал запущенное имение.

Его-то и купил в феврале 1892 года Антон Павлович Чехов.

«Не было хлопот, так купила баба порося! — писал он А. С. Киселеву.— Купили и мы порося — большое, громоздкое имение, владельцу которого в Германии непременно дали бы титул герцога. 213 десятин на двух участках. Чересполосица. Больше ста десятин лесу, который через 20 лет будет походить на лес, теперь же изображает собой кустарник. Называют его оглобельным, по-моему же, к нему более подходит название розговой,— так как из него пока можно изготовлять только розги. Это к сведению гг. педагогов и земских начальников».

Усадьба размещалась на четырех десятинах. Огромный крытый железом дом с террасой и с итальянскими окнами стоял у пруда, рядом красовался парк, большой яблоневый сад. У изгороди — всевозможные хозяйственные постройки.

Семья Чехова переехала сюда в начале марта 1892 года по глубокому снегу, в морозный день... Имение было сильно разрушено, и хлопот с ним в первые месяцы было много.

Мелиховский старожил Михаил Прокофьевич Симанов так вспоминает о приезде А. П. Чехова в Мелихово:

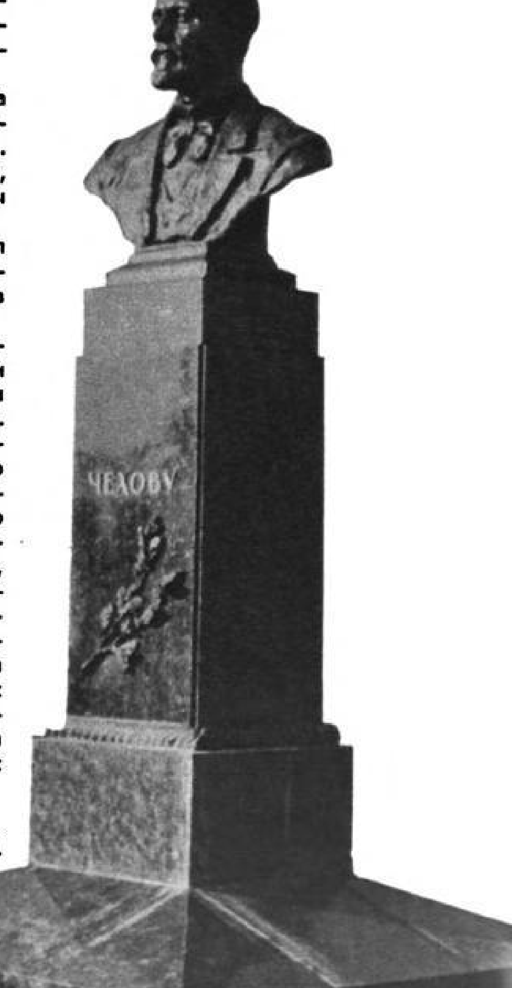
— Земля, как говорится, слухом полнится. И вот прослышали мы, продал беспутный барин свое имение. Художник то есть. Вечно в отлучке сердяга находился. С нами не шибко дружил, а по нужде только... Все больше у помещиков околачивался. Хозяйство его без присмотра на корню захирело. Скотина от ветра падает, ребра одни. Ну, продал... И вот — смотрим на большак — сани. Одни, другие. Новые господа приехали! Возниц отправили, ворота закрыли, а мы смотрим. Изо всех окошек следим, из щелочки каждой. Интересовались узнать, куда перво-наперво хозяин пойдет: к Кувшинникову или к Вареникову? Ждем-пождем — никого. А наша изба рядом. Сапожничаем, да на ворота поглядываем. И вот выходит человек роста небольшого, щупленький. Осмотрел ворота, ограду рукой потрогал, на окрестности взглянул и зашагал в село — к нам. Остановился возле трактира: «Здравствуйте,— говорит,— добрыми соседями будем». Про житье-бытье расспрашивать стал. И мы обрадовались его приезду. А когда узнали, что лечить может, вдвойне обрадовались...

Больные приходили пешком, приезжали издалека на телегах. Иногда их собиралось очень много, и каждого Антон Павлович осматривал, выслушивал, каждому выдавал лекарства, купленные на свои скромные средства.

Летом 1892 года Серпуховскому уезду, куда входило село Мелихово, угрожала серьезная опасность: в соседних губерниях свирепствовала эпидемия азиатской холеры. Антон Павлович спешно организует земский санитарный участок и руководит им до глубокой осени. Ради этого были оставлены все дела, в том числе и литературные — единственный источник существования его семьи.

Он строит народные школы: сперва в большом селении Талеже, затем — в Новоселках и в Мелихове. Перед самым отъездом из Мелихова начинает сбор средств на постройку четвертой школы — в селе Степыгине.

В весенние и летние месяцы к Антону Павловичу приезжали из Москвы многочисленные знакомые и друзья. Заезжали и местные землевладельцы, врачи, земцы, охотники и просто почитатели литературного таланта. Дом был переполнен. «Боже, как хочется писать! Уже три недели прошло, как я не знаю одиночества»,— жаловался Чехов сестре Марии Павловне в апреле 1894 года.

Бронзовый бюст А. П. Чехова, установленный в селе Мелихове.

И он находит выход: посредине сада решено построить небольшой флигель на две комнаты с высоким чердаком и балконом. Строительство было закончено уже в конце июня, то есть менее чем через два месяца.

«Флигель у меня вышел мал, но изумителен. Плотники взяли за работу 125 рублей, а устроили игрушку, за которую на выставке мне дали бы 500 руб.»,— писал Антон Павлович.

Сейчас здесь мемориальный музей.

Научная сотрудница Любовь Яковлевна Лазаренко увлекательно рассказывает о том, как, уединившись от гостей в дощатом миниатюрном кабинете, писал Антон Павлович свою знаменитую «Чайку». Писал при свечах, ночами, не щадя сил и здоровья, засиживался до утра. Неподалеку от флигеля, за изгородью, стояла изба потомственных сапожников Симановых. Тачали сапоги артельно, всей фамилией, перед базарными днями или праздниками тоже подолгу засиживались. Утром както Антон Павлович и говорит Прокофию Андриановичу Симанову:

— Ну, сдаюсь... Вчера вы меня пересидели. Я во втором часу свечи погасил, а ваши окошки долго еще светились.

Вся мелиховская жизнь — медицинская практика, постройка школ и дорог, постоянное общение с крестьянами и интеллигенцией Серпуховского уезда — не прошла даром для Чехова-писателя.

Современники указывают, например, что отдельные эпизоды из «Мужиков» доподлинно отображают прошлое горемычное бытие мелиховцев. Называют прообраз лакея Николая Чикильдеева, захворавшего в Москве и вернувшегося умирать в родные места. Даже фамилия эта, оказывается, мелиховская...

И сцена пожара в «Мужиках», безусловно, написана по мелиховским впечатлениям.

Пожары в селе случались часто. Антон Павлович возмущался беспечностью крестьян, советовал рыть пруды, а затем построил в Мелихове пожарный сарай.

Село Уклеево, с его топкой грязью, со старыми вербами у заборов, с трубами небольших фабрик, описанное в повести «В овраге», во многом напоминало село Угрюмово, находящееся по соседству с Мелиховым.

«Я назначен попечителем школы в селе, носящем такое название: Тáлеж. Учитель получает 23 р. в месяц, имеет жену, четырех детей и уже сед, несмотря на свои 30 лет. До такой степени забит нуждой, что о чем бы вы ни заговорили с ним, он все сводит к вопросу о жалованьи. По его мнению, поэты и прозаики должны писать только о прибавке жалованья», — писал Антон Павлович Суворину 27 ноября 1894 года.

Учитель Семен Семенович Медведенко в комедии «Чайка», написанной в 1896 году, так говорит Маше: «Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего 23 рубля в месяц»... И когда Маша простодушно отвечает ему, что счастье не в деньгах, Медведенко упорно повторяет: «Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись».

Есть мелиховские крупинки и в других произведениях Антона Павловича.

Выходим из музея. Среди радужной россыпи цветов возвышается бронзовый бюст писателя.

И, куда ни глянь, все здесь напоминает о его добром имени: и виднеющееся за оградой здание правления колхоза, носящего это имя, и зеркально голубеющий на солнце пруд, и огромные возмужавшие березы, посаженные им вдоль живописного низкого берега.

Сторож музея А. П. Чехова в Мелихове М. П. Симанов.

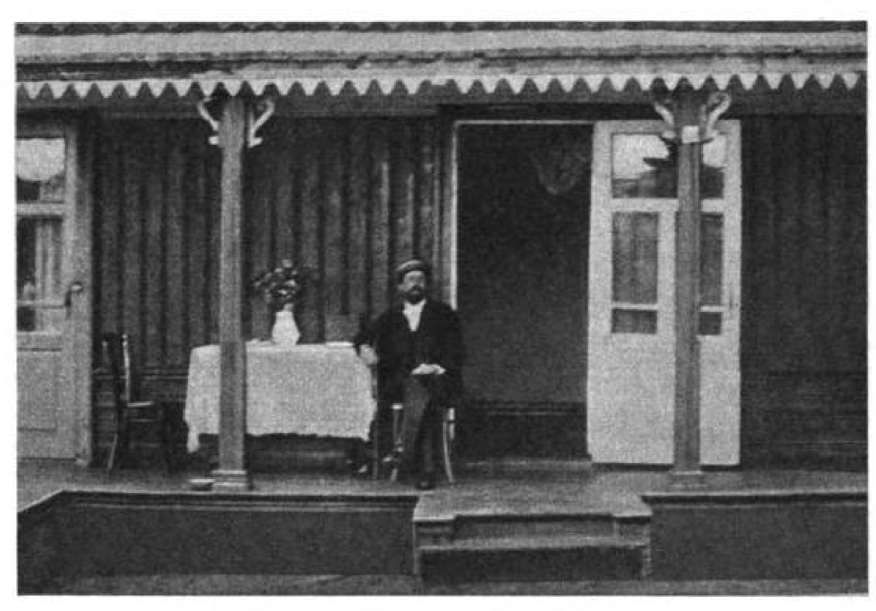
МЕСЯЦ В АКСЕНОВЕ

25 мая 1901 года Антон Павлович Чехов венчался с артисткой Художественного театра Ольгой Леонардовной Книппер. В тот же день они уехали на кумыс в Уфимскую губернию (ныне Башкирская АССР).

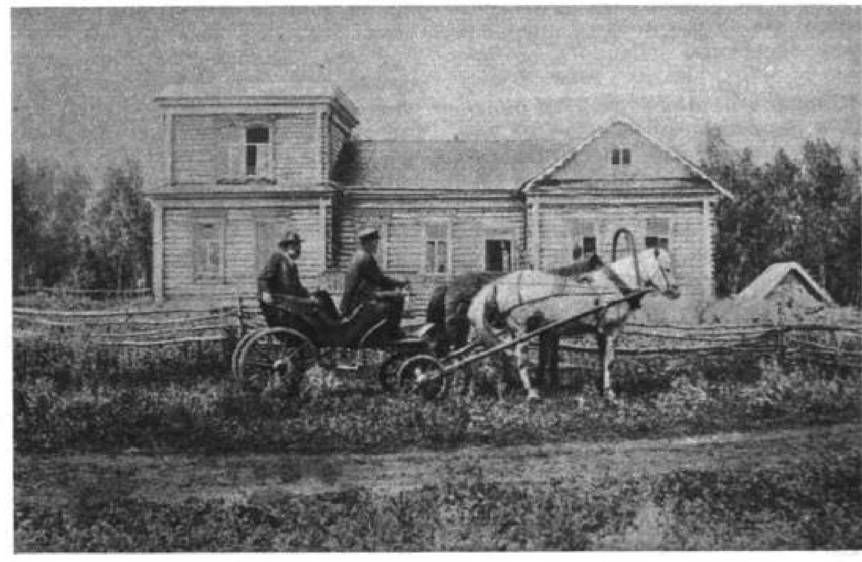
В 10 километрах от станции Аксеново расположен Андреевский санаторий (в настоящее время санаторий имени А. П. Чехова). В обширной дубовой роще в виде огромной буквы «П» раскинулись 40 двухкомнатных домиков. В одном из таких домиков — № 79—80 (теперь № 40),— выходившем в широкую степь, жили Антон Павлович и Ольга Леонардовна.

По воспоминанию Ольги Леонардовны, Чехову очень нравилась окружающая природа. Но санаторный режим тяготил его: «...Живу точно в дисциплинарном батальоне, скучища, хочется удрать». 1 июля 1901 года он покинул Аксеново.

З. ЛЕЕНСОН

А. П. Чехов в Аксенове. Публикуется впервые.

А. П. Чехов в селе Воздвиженском, находящемся поблизости от санатория. Публикуется впервые.

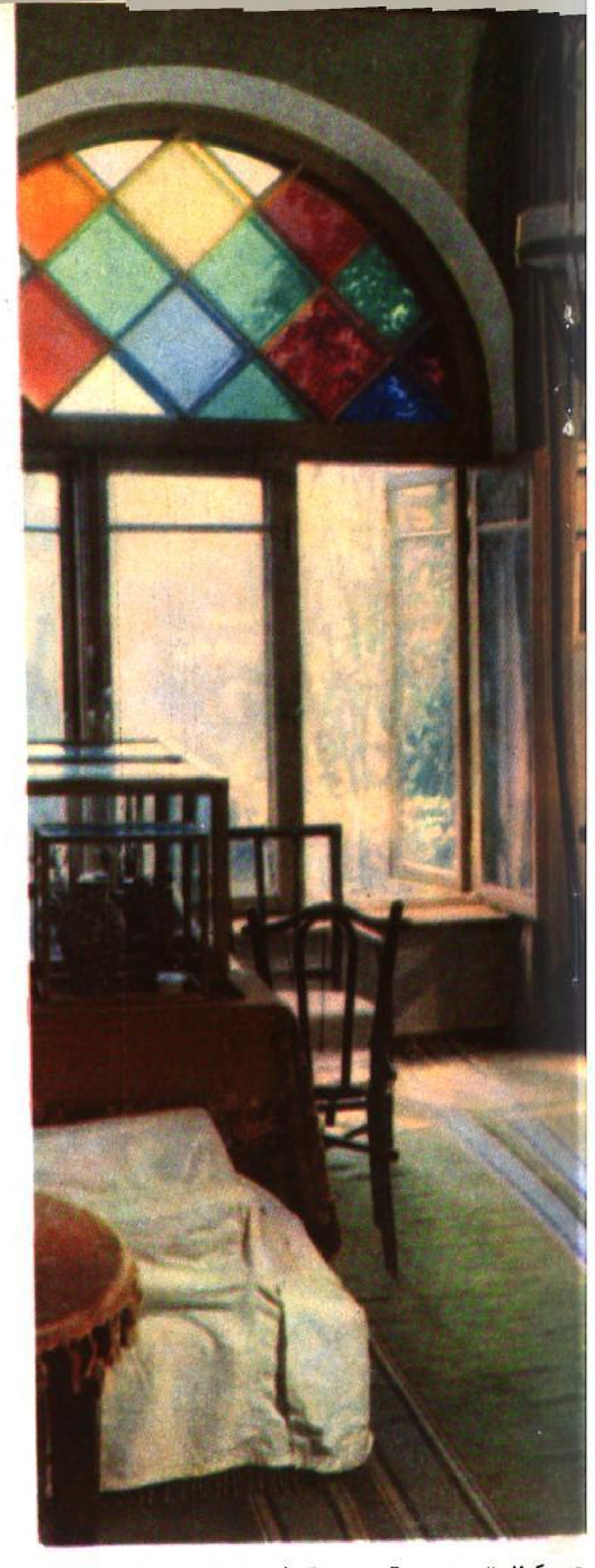
Нынешний вид домика, где жил А. П. Чехов.

Фото А. Червинского.

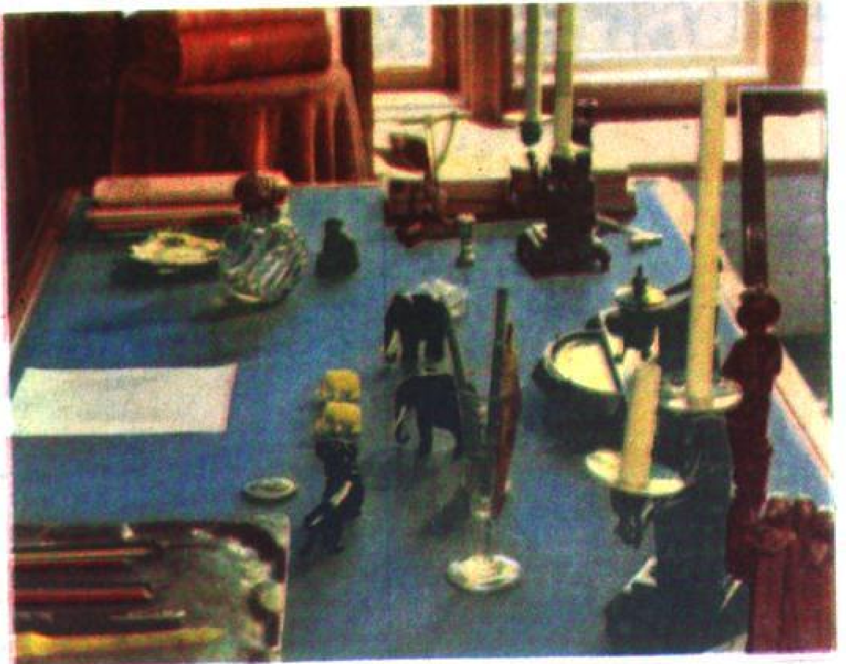
Мелихово. Домик Антона Павловича Чехова.

Фото С. Фридлянда.

Мелихово. Место прогулок Антона Павловича Чехова.

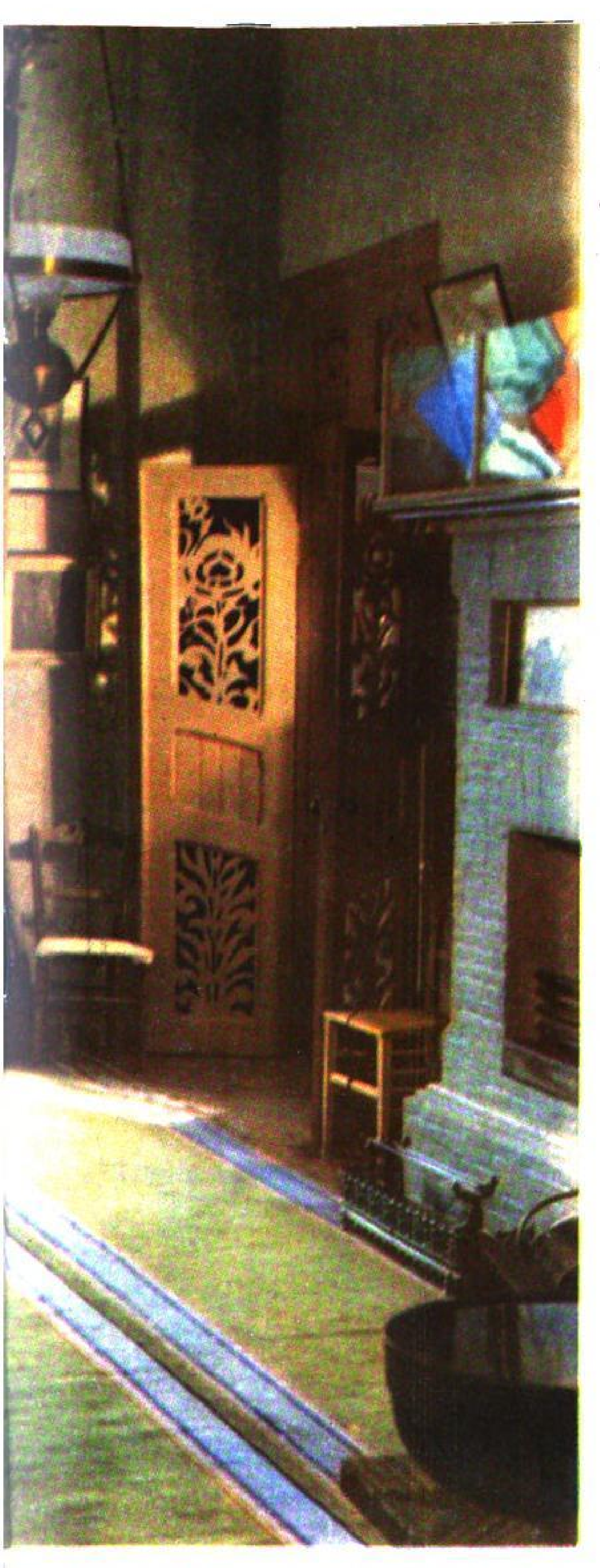

Вверху (слева направо): Вход в Дом-музей. Кабинет

ДОМ-МУЗЕЙ А. П

Письменный стол Антона Павловича.

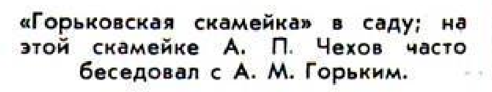

писателя. Уголок сада, посаженного А. П. Чеховым.

П. ЧЕХОВА В ЯЛТЕ

Фото И. Тункеля.

«Горьковская скамейка» в саду; на этой скамейке А. П. Чехов часто беседовал с А. М. Горьким.

А. В. Ванециан. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ».

ПОДВИГ

Корней ЧУКОВСКИЙ

Был в России строгий и придирчивый критик, который с упрямой враждебностью относился к гениальному творчеству Чехова и в течение многих лет третировал его как плохого писаку.

Даже теперь, через полвека, обидно читать эти злые и резкие отзывы о произведениях великого мастера. «Рухлядь», «дребедень», «ерундишка», «жеваная мочалка», «канифоль с уксусом», «увесистая белиберда» — таковы были обычные его приговоры.

Пьеса «Иванов» еще не появилась в печати, а уж он назвал ее «Болвановым», «выкидышем», «поганой пьесенкой». Даже изумительная «Степь», этот — после Гоголя — единственный в мировой литературе лирический гимн бескрайним просторам России, названа у него «пустячком», а о ранних шедеврах Чехова, таких, как «Злоумышленник», «Ночь перед судом», «Скорая помощь», «Произведение искусства», которые нынче вошли в литературный обиход всего мира, объявлено тем же презрительным тоном, что это рассказы «плохие и пошлые»...

Замечательнее всего то, что этим жестоким и придирчивым критиком, так сердито браковавшим чуть ли не каждое творение Чехова, был он сам, Антон Павлович. Это он называл чеховские пьесы пьесенками, а чеховские рассказы — дребеденью и рухлядью.

До нас дошло более четырех тысяч его писем к родственникам, друзьям и знакомым, и характерно, что ни в одном из них он не называет своего творчества творчеством. Ему как будто совестно применять к собственной литературной работе такое пышное и величавое слово. Когда одна писательница назвала Чехова гордым мастером, он поспешил отшутиться от этого высокого звания:

«Почему вы назвали меня гордым мастером? Горды только индюки».

Во всех своих письмах, особенно в первое десятилетие литературной работы, он говорит о ней в таком нарочито-пренебрежительном тоне:

«Постараюсь нацарапать какую-нибудь кислятинку»... «Накатал я повесть»... «...кое-как смерекал 2 рассказа»...—иначе он и не говорил о могучих и сложных процессах своего литературного творчества, шло ли дело о «Скучной истории», или о «Дуэли», или о «Ваньке», входящем ныне во все хрестоматии, или об «Именинах», написанных с истинно толстовскою силою.

Впоследствии он отошел от такого жаргона, но попрежнему сурово отзывался о лучших своих сочинениях:

«Пьесу я кончил. Называется она так: «Чайка». Вышло не ахти. Вообще говоря я драматург неважный».

И хотя к концу восьмидесятых годов Чехов из всех писателей своего поколения выдвинулся на первое место, он продолжал утверждать в письмах, что в тогдашней русской беллетристике он, если применять к нему табель о рангах, на тридцать седьмом месте, а вообще в русском искусстве — на девяносто восьмом.

Было похоже, что он с юности дал себе строгий зарок никогда ни перед кем не похваляться величием своего литературного подвига и никогда ни перед кем не обнаруживать, как торжественно, сурово и требовательно относится он к своему дарованию. Один из самых глубоких писателей, Чехов то и дело твердит о своем легкомыслии. «Из всех ныне благополучно пишущих россиян я самый легкомысленный и несерьезный», — говорит он в 1887 году в письме к Владимиру Короленко уже после того, как были написаны такие проникновенные произведения, как «Счастье», «Дома», «Верочка», «Недоброе дело» и многозначительный рассказ «На пути», в котором тот же Короленко нашел удивительно верное понимание самой сущности скитавшихся по свету «русских искателей лучшего».

Когда в 1888 году Чехов получил от Академии наук за свою книгу премию имени Пушкина, он заметил в одном письме:

«Это, должно быть, за то, что я раков ловил».

Конечно, многое объясняется здесь нежеланием Чехова вводить посторонних в свою духовную жизнь. «Около меня нет людей, которым нужна моя искренность и которые имеют право на нее»,— признавался он. У него издавна вошло в привычку таить от большинства окружающих все, что относится к его творческой личности, к его писательским исканиям и замыслам, и он предпочитал отшутиться, лишь бы не вводить посторонних в свой внутренний мир.

Но чаще всего здесь проявлялось «святое недовольство» собою.

Это недовольство выразилось у Чехова с наибольшею силою в 1887—1889 годах, когда он впервые ощутил свою славу.

Слава была для него неожиданностью. Еще недавно он терялся в вульгарной толпе третьеразрядных литераторов малой прессы. Но в Петербурге к тому времени уже появились сначала одиночки, а потом целые фаланги знатоков и ценителей, которые стали все громче восхищаться дарованием Чехова, и когда он приехал наконец в Петербург, они, к удивлению Антона Павловича, встретили его такими восторгами, что даже у него, по собственному признанию, «месяца два кружилась голова от хвалебного чада».

«На-днях я вернулся из Питера. Купался там в славе и нюхал фимиамы», — сообщал он в письме.

Эти фимиамы сулили ему прочное будущее и раньше всего полное освобождение от изнурительной бедности, которая с детства угнетала его. Еще со студенческих лет ему пришлось содержать и сестру, и брата, и мать, и отца, и теперь он мог впервые свободно вздохнуть после целого десятилетия подневольной поденщины.

Кроме того, эта внезапная слава ввела его в избранный круг самых выдающихся русских людей, о котором не могли и мечтать его соратники по «Сверчкам» и «Будильникам».

Все это были такие удачи, что друзья и завистники стали называть его Потемкиным. «Счастья баловень безродный»,— повторял он сам о себе.

В 1889 году в столице с большой помпой открылась выставка картин Семирадского, среди них особенно шумный успех имела одна, изображавшая обнаженную красавицу Фрину, на которую с восторгом взирает толпа.

«В Питере теперь два героя дня,— писал Чехов,— нагая Фрина Семирадского и одетый я».

Но чем пламеннее превозносили его почитатели (один даже назвал Чехова слоном среди всех беллетристов), тем беспощаднее был он к себе. Подводя в конце 1889 года итоги своим литературным успехам за этот счастливейший период своей писательской жизни, он говорил в откровенном письме, что у него за спиною «многое множество ошибок и несообразностей, пуды исписанной бумаги, академическая премия, житие Потемкина — и при всем том ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение... Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять себя кропотливым серьезным трудом. Мне надо учиться, учить все с самого начала, ибо я, как литератор, круглый невежда».

И в другом письме еще более сурово:

«Сам я от своей работы, благодаря ее мизерности, удовлетворения не чувствую... никогда не рано спросить себя: делом я занимаюсь или пустяками?.. чувство мое мне говорит, что я занимаюсь вздором».

А вот выдержки из других его писем, где говорится о том же:

«Бывают минуты, когда я положительно падаю духом. Для кого и для чего я пишу? Для публики?.. Нужен я этой публике или не нужен, понять я не могу...»

«Мне не нравится, что я имею успех... обидно, что чепуха уже сделана, а хорошее валяется в складе, как книжный хлам».

Таким образом, во время самых своих блестящих литературных удач этот «баловень счастья» высказывает мучительное недовольство не тем или другим своим произведением, а всей своей литературной работой. Только что завоевав первую славу, он хочет спрятаться от нее, уйти в тишину, в неизвестность, чтобы там, поработав лет пять, свершить наконец что-нибудь насущно необходимое людям, потому что, как выразился он в тот же период, «современная беллетристика совсем не нужна».

Беллетристика — единственное дело, которому до того времени отдавал он всю свою душу,— оказывалась в его глазах делом «несерьезным», «ненужным» и «вздорным».

И он решил с этим «вздором» покончить.

«Потягивает меня к работе, но только не к литературной, которая приелась мне».

Этот отказ от служения искусству, это отречение художника от своего мастерства свойственны, кажется, одним только русским — и притом великим — талантам. Нигде в других странах, кажется, никогда не случалось, чтобы люди таких титанических сил, как Гоголь и Лев Толстой, в самом апогее славы вдруг начинали презирать то великое, что создано ими, и, считая, что их искусство — никому не нужное дело, принуждали себя к отходу от искусства во имя более плодотворного служения людям.

То же самое, но, к счастью, не надолго случилось и с Чеховым. Только у Гоголя и у Толстого их отказ от творчества был демонстративным и громким, прозвучал на всю Россию, на весь мир, а Чехов, привыкший по своей, чеховской, скрытности не показывать никому своих чувств, отошел от беллетристики молча, без деклараций и проповедей.

Чувства эти были глубокие, длительные. Иначе они не толкнули бы Чехова на один, как тогда говорили, «безумный поступок», или, как мы скажем теперь, самоотверженный подвиг. Я говорю о его тогдашней поездке на остров Сахалин для изучения быта сосланных туда каторжан.

Мемуаристы не раз повторяли один за другим, что им не совсем понятно, почему ни с того, ни с сего Чехов в 1890 году пустился в этот опасный и утомительный путь.

«Я до сих пор,— утверждает Ежов,— не понимаю поездки Чехова на Сахалин. Зачем он туда ездил? За сюжетами, может быть. Не знаю».

«Причины, вызвавшие Чехова на осуществление исключительно трудной поездки,— пишет Балуха-

Из книги «Мастерство Чехова».

тый,— остаются до настоящего времени недостаточно выясненными».

А между тем стоит только вспомнить то страстное недовольство собой, которое в ту пору с особенной силой охватило писателя, — недовольство своим искусством, своими успехами,— и его поступок станет вполне объясним. Именно потому, что все это дело было так трудно, утомительно, опасно, именно потому, что оно уводило прочь от благополучной карьеры преуспевающего и модного автора, Чехов взвалил его на свои плечи.

Человек, никогда не щадивший себя, он и нынче не дал себе ни малейшей поблажки. Другие писатели, чуть только они добивались известности и выкарабкивались из тяжелой нужды, уезжали туристами куда-нибудь в Париж или в Рим; а Чехов вместо этого сослал себя на каторжный остров.

Мог бы отдохнуть у Средиземного моря, а принудил себя, больного, отправиться в самое гиблое место, какое только было в России. И при этом пояснял:

«Поездка — это непрерывный полугодовой труд физический и умственный, а для меня это необходимо... надо же себя дрессировать».

К своей сахалинской поездке он начал готовиться задолго, проштудировал целую библиотеку ученых томов, а также всевозможных газет и журналов, имеющих хотя бы отдаленное отношение к тому Чортову острову, который он собрался посетить. Чехов изучил геологию Сахалина, его флору и фауну, его историю, его этнографию и вместе с тем досконально изучил тюрьмоведение, так как хотел вступить в борьбу с русской каторгой не как легковесный публицист, а как серьезный, хорошо вооруженный ученый. И едва только довел до конца этот огромный подготовительный труд, тотчас же помчался туда, куда обычно людей гнали силой,— через всю Сибирь, за тысячи и тысячи верст. Поехал не по железной дороге, которой тогда еще не было, а на лошадях, в таратайке, в распутицу, по «единственным в мире» кочкам, колеям и ухабам, выворачивающим из человека всю душу, нередко ломавшим колеса и оси. Его так жестоко трясло всю дорогу, особенно начиная от Томска, что у него разболелись суставы, ключицы, плечи, ребра, позвонки; чемоданы то и дело взлетали на ухабах, руки-ноги у него коченели от холода, и есть ему было нечего, так как он по неопытности не захватил с собою нужной еды,— и несколько раз только чудо спасало его от смерти: однажды ночью его опрокинуло, и на него налетели две тройки, а в другой раз пароход наскочил на подводные камни. Но дело, конечно, не в этих опасностях, а в тех бесчисленных лишениях и муках, которые претерпел он в пути.

Больно читать в письмах Чехова, как, пробираясь по весеннему разливу в тележке, он промочил валенки и должен был в мокрых валенках поминутно спрыгивать в холодную воду, чтобы придерживать лошадей. «Плыву через реку, а дождь хлещет, ветер дует, багаж мокнет, валенки опять обращаются в студень»,— и ко всему этому злая бессонница от невозможности вытянуться в неудобном возке.

И все же он пробирается вперед, и, конечно, он не был бы Чеховым, если бы после всех этих мук не написал с какой-то станции одному из своих знакомых:

«Путешествие было вполне благополучное... Дай бог всякому так ездить».

Здесь сказалась обычная его неохота говорить посторонним о своих испытаниях и подвигах. Между тем то был воистину подвиг. Каторгу русские писатели изучали и прежде, но изучали почти всегда поневоле: и Достоевский, и Короленко, и Мельшин, оставившие нам замечательные книги о каторжной жизни, сами были в свое время ссыльными и каторжанами. А чтобы молодой беллетрист в счастливейший период своей биографии сам, добровольно отправился по убийственному бездорожью за одиннадцать тысяч верст с единственной целью принести хоть какое-нибудь облегчение бесправным, отверженным людям, хоть немного защитить их от произвола бездушно-полицейской системы,— это был такой героизм, примеров которого немного найдется даже в истории русской литературы.

И как застенчив русский героизм! Этот подвиг был совершен Чеховым втихомолку, тайком, и Чехов только о том и заботился, чтобы посторонние не сочли его подвига подвигом.

Он отправился на Сахалин не от какой-нибудь организации, не по командировке широко распространенной и богатой газеты, а на свой собственный счет, без всяких рекомендательных писем, в качестве обыкновенного смертного, не имея никаких привилегий. И когда он промок под дождем и, прошагав несколько верст по ужасной дороге по колено в воде, попал вместе с каким-то генералом в избу, то генералу предоставили постель, генерал переоделся в сухое белье, а он, Чехов, должен был лечь прямо на пол в промокшей насквозь одежде!

И там, на Сахалине, он взвалил на себя столько работ, что, пожалуй, среди тамошних каторжников таким же каторжным работником был в эти месяцы сам Антон Павлович.

Собирая материал для своей будущей книги, Чехов предпринял чудовищно трудное дело: перепись всего населения этого огромного острова, который вдвое больше Греции. Перепись была бы по силам большому коллективу работников, а он сделал ее один, без помощников, переходя из избы в избу, из одной тюремной камеры в другую.

Мудрено ли, что эта поездка вконец расшатала и без того некрепкое здоровье писателя. К тому же он простудился на обратном пути и стал кашлять гораздо сильнее, чем прежде. Слишком ранняя смерть Чехова, несомненно, объясняется тем, что в ту самую пору, когда он еще мог вылечиться от начинавшегося у него туберкулеза, он несколько месяцев кряду провел в таких невыносимо тяжелых условиях, которые и для здорового человека могли бы оказаться губительными. Кроме того, эта поездка буквально разорила его, так как он истратил на нее все свои деньги (одним ямщикам пришлось платить вдвое и втрое, да и случайные дорожные спутники обобрали его, как могли), и снова ввергла его в долгую нужду. Даже через четыре года после поездки он пишет:

«Я истратил на поездку и на работу столько денег и времени, сколько не получу назад и в 10 лет».

Еще позднее, когда он случайно очутился в глуши, в убийственно изнурительных условиях жизни, у него в письме к Горькому вырвалась запоздалая жалоба:

«О, это ужасно, это похоже на мое путешествие по Сибири!»

Но в то время, когда он вернулся из далекого путешествия, кашляющий, с перебоями сердца, он ни разу не встал в позу героя. И о своем путешествии стал говорить в обычном ироническом тоне. «Да, Сашечка,— писал он старшему брату, — объездил я весь свет, и, если хочешь знать, что я видел, то прочти басню Крылова «Любопытный». Какие бабочки, букашки, мушки, таракашки!»

Критики упрямо не хотели заметить, что Чехов и здесь, как и в других своих книгах,— борец за народное счастье. Еще собираясь на Сахалин, он писал: «Не дальше, как 25—30 лет назад, наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека». Нужно ли доказывать, что к числу таких подвижников принадлежал и он сам!

Но сразу же после возвращения из мучительно-трудной сахалинской поездки он прекратил всякие разговоры о ней. Выставлять свои заслуги напоказ и публично говорить о себе было для него нестерпимо.

Когда в девяностых годах редакция газеты «Неделя» попросила его сообщить некоторые автобиографические сведения, он так и заявил в письме к редактору:

«Для меня это нож острый. Не могу писать о себе самом».

И сильно рассердился, когда в газетной рекламе одно издательство, перечисляя сотрудников, напечатало его имя во главе всего списка.

То же случилось, когда какой-то журнал назвал его в одном из своих объявлений «высоко-талантливым». Чехов в письме к редактору запротестовал против такого эпитета, причем высказал свое убеждение, что лучшая реклама для писателя — скромность.

Лишь после его смерти мы, его читатели, могли мало-помалу узнать, что на свои скудные заработки он построил три школы для крестьянских ребят, что в год неурожая он (наряду с Толстым и Короленко) самоотверженно работал на голоде, что в качестве врача он во время эпидемии холеры защитил от нее обширнейший округ, и т. д., и т. д., и т. д.

Все эти факты его биографии были долгое время никому не известны, ибо он упорно и неутомимо заботился, чтобы они не просочились в печать.

Здесь был глубоко продуманный нравственный принцип, которого он неуклонно придерживался: не афишировать себя, быть «подальше от выставки», не извлекать из своего дарования никаких привилегий, чтобы они не стояли преградой между ним и другими людьми, никогда, ни при каких обстоятельствах не разрешать себе ни зазнайства, ни чванства. И нельзя не желать, чтобы пристальное изучение жизни и творчества Чехова помогало нашим молодым писателям вырабатывать те высокие моральные принципы, которые делают его светлое имя синонимом благородства и писательской скромности.

Ответ читательнице

Письмо Ан. П. Чехова к М. Ф. Побединской. 1903 год.

30 января 1903 года Марианна Федоровна Побединская, жена врача в селе Голте, бывшей Херсонской губернии, обратилась к Чехову с письмом.

Она просила писателя разъяснить образ Елены Андреевны, роль которой Побединская должна была исполнить в спектакле кружка любителей на сцене Народной аудитории в Голте. Между нею и режиссером возникло разногласие. Побединская понимала Елену Андреевну как «тип средней интеллигентной женщины, мыслящей и порядочной», как «человека разумного, мыслящего и даже несчастного от неудовлетворения своей настоящей жизнью». Режиссер же видел в ней «женщину апатичную, ленивую, неспособную ни мыслить, ни даже любить».

Чехов ответил:

«5 февр. 1903

Милостивая Государыня
Марианна Федоровна!

Ваше мнение насчет Елены Андреевны совершенно справедливо. Только мне кажется, что это письмо Вы получите после 9-го февраля. Ваше письмо, посланное 30 января, я получил только сегодня. Быть может, Елена Андреевна и кажется не способной ни мыслить, ни даже любить, но когда я писал «Дядю Ваню», я имел в виду совершенно другое.

Желаю Вам всего хорошего.
Уважающий Вас
А. Чехов».

Это короткое письмо очень интересно и для литературоведов и для театральных деятелей, так как Чехов редко высказывался с такой прямотой о персонажах своих произведений.

Фраза Антона Павловича о том, что его письмо придет «после 9-го февраля», вызвана указанием Побединской, что спектакль назначен на это число.

Оба письма хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Письмо Побединской поступило туда вместе со всеми материалами эпистолярного архива А. П. Чехова в двадцатых годах. Письмо же Чехова было приобретено только в 1951 году и оставалось неопубликованным до настоящего времени. Оно будет издано в 16-м выпуске «Записок Отдела рукописей», где печатаются и другие неопубликованные письма Чехова, хранящиеся в Отделе.

Е. КОНШИНА

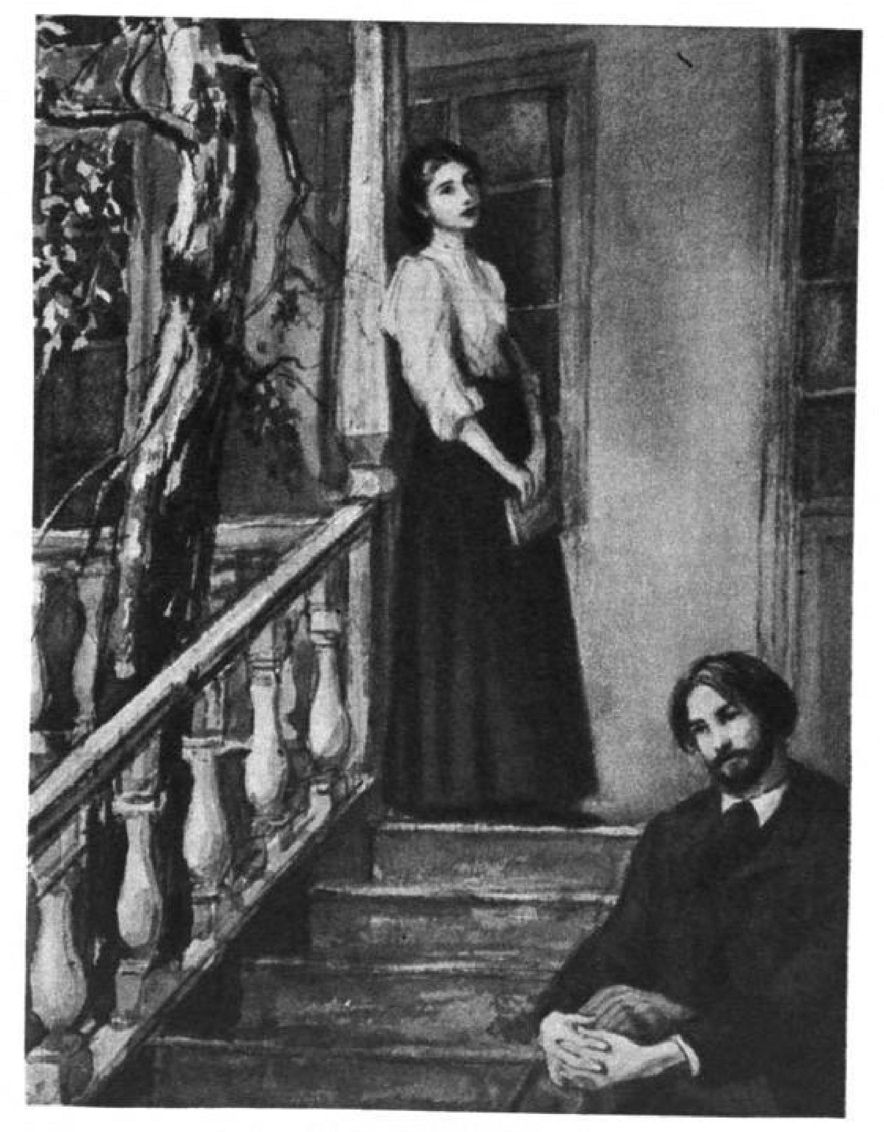
НОВЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКОВ КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВА, П. КРЫЛОВА и Н. СОКОЛОВА) К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. П. ЧЕХОВА.

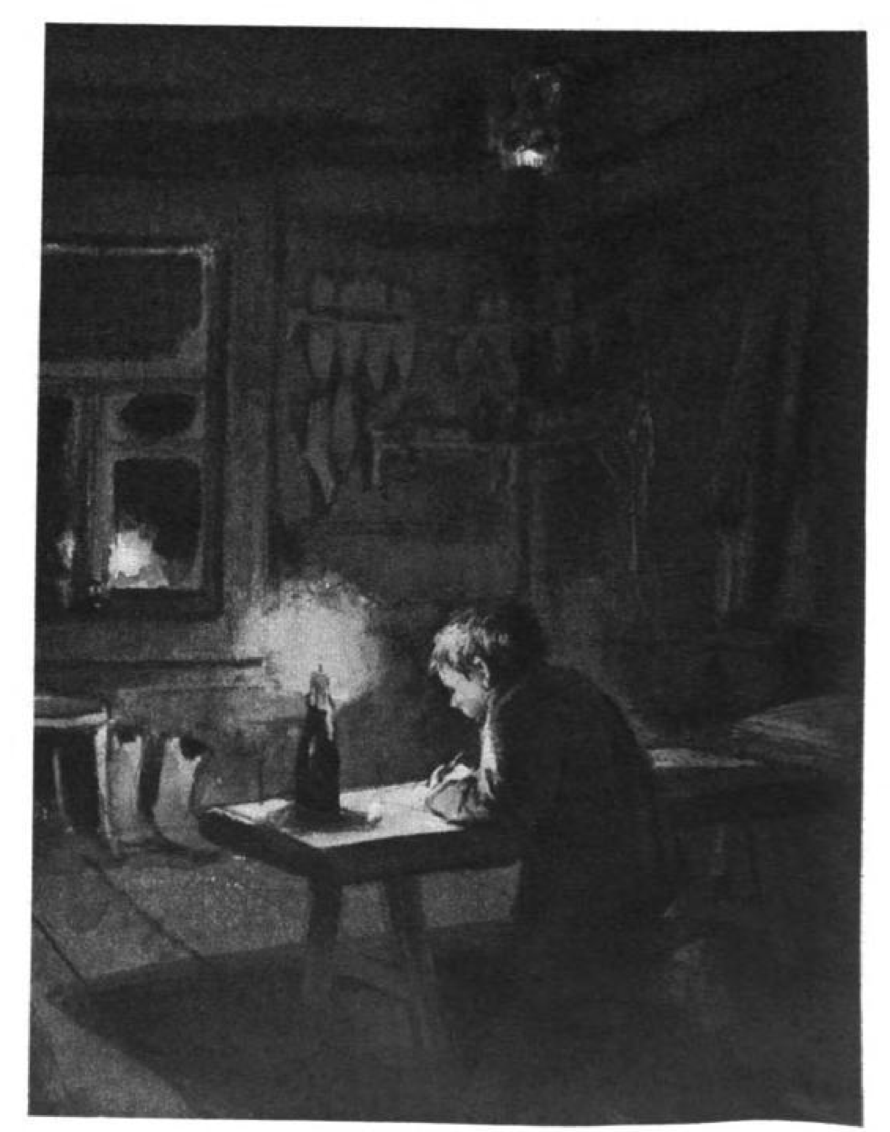
МЕЧТЫ.

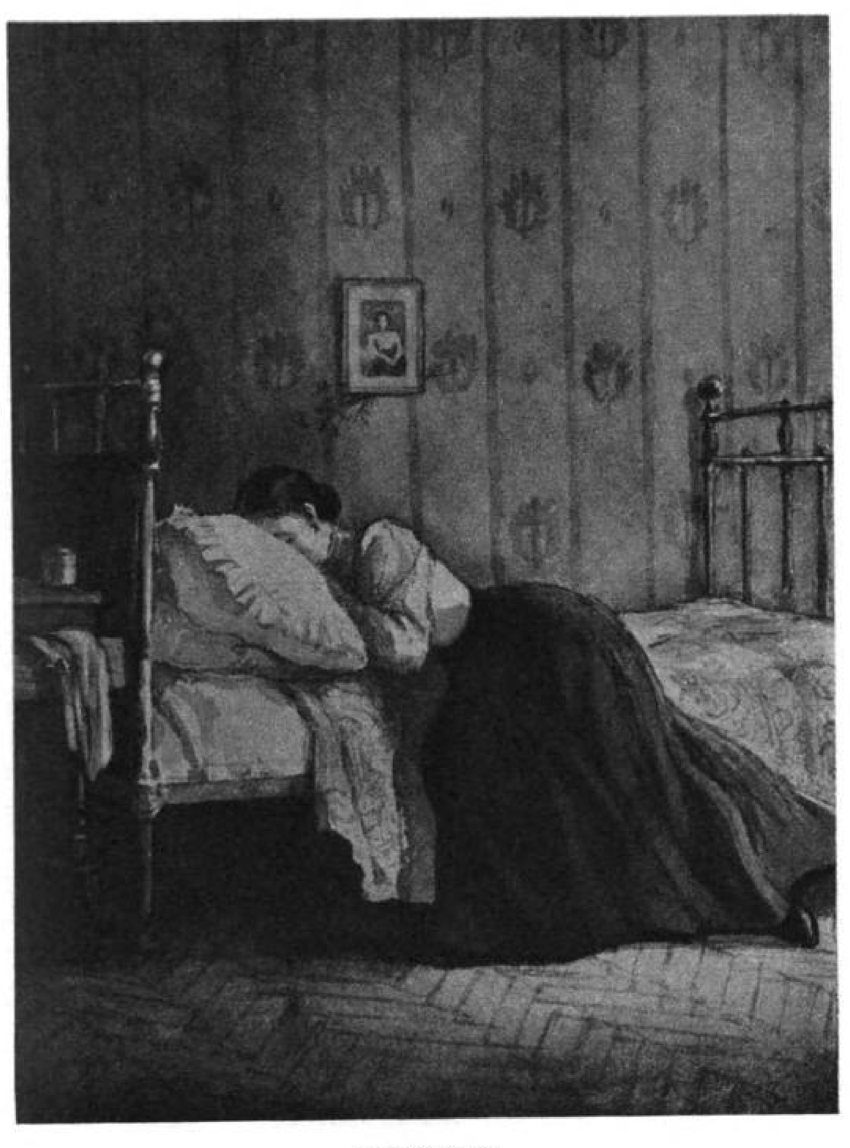
ГОРЕ.

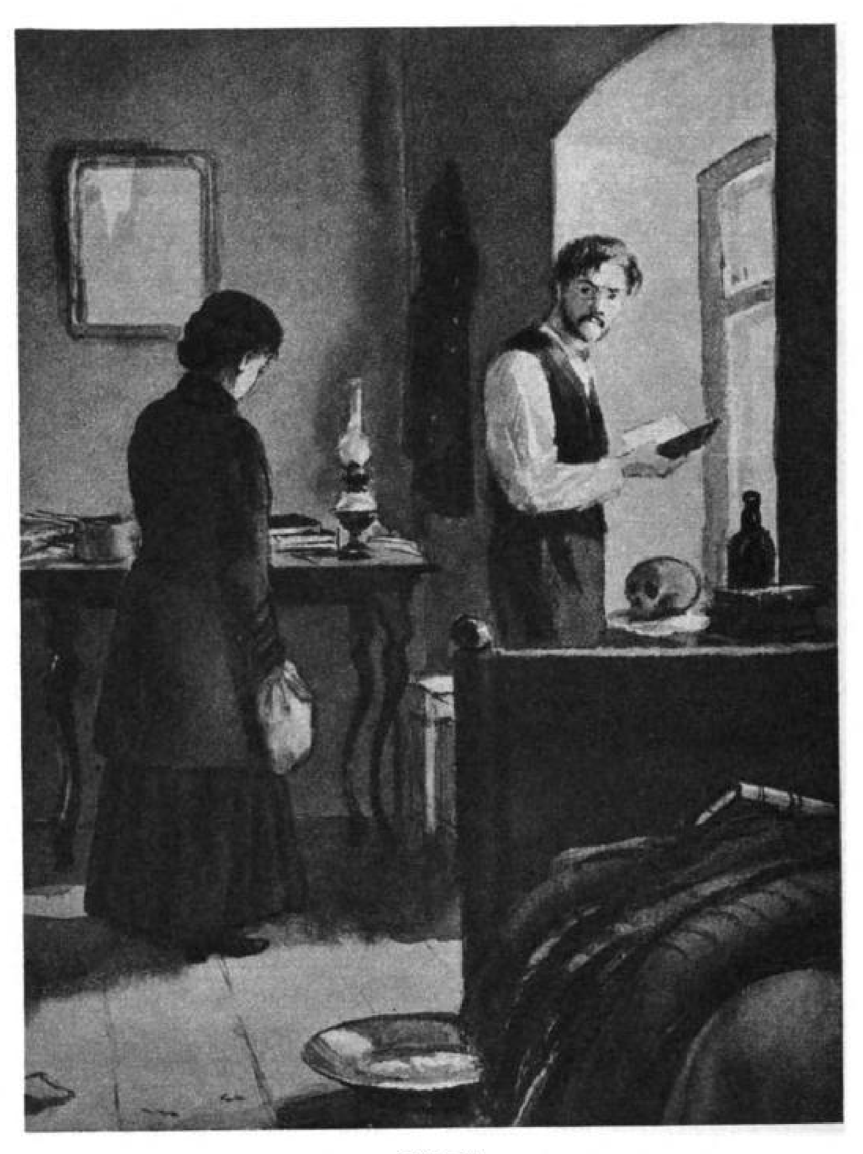
ДОМ С МЕЗОНИНОМ.

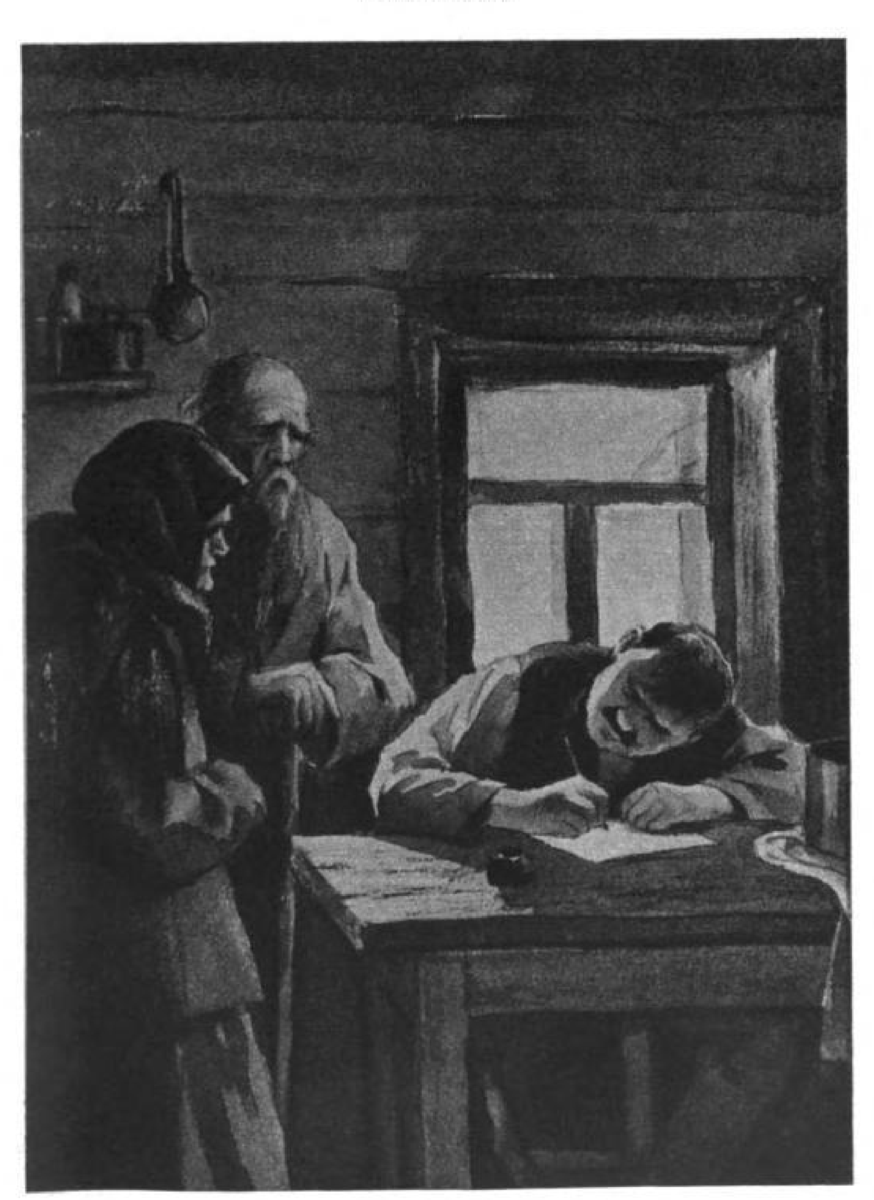
ВАНЬКА ЖУКОВ.

ПЕРЕПОЛОХ.

АНЮТА.

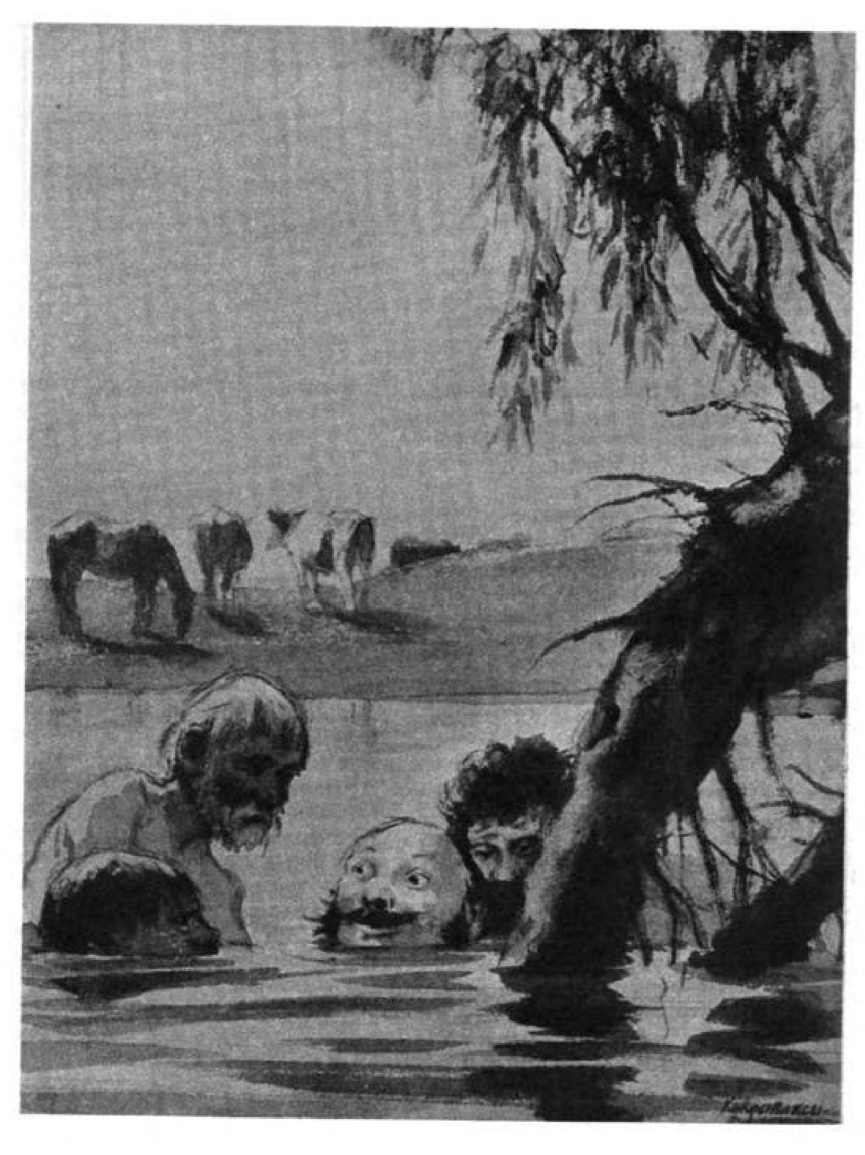
НА СВЯТКАХ.

ИОНЫЧ.

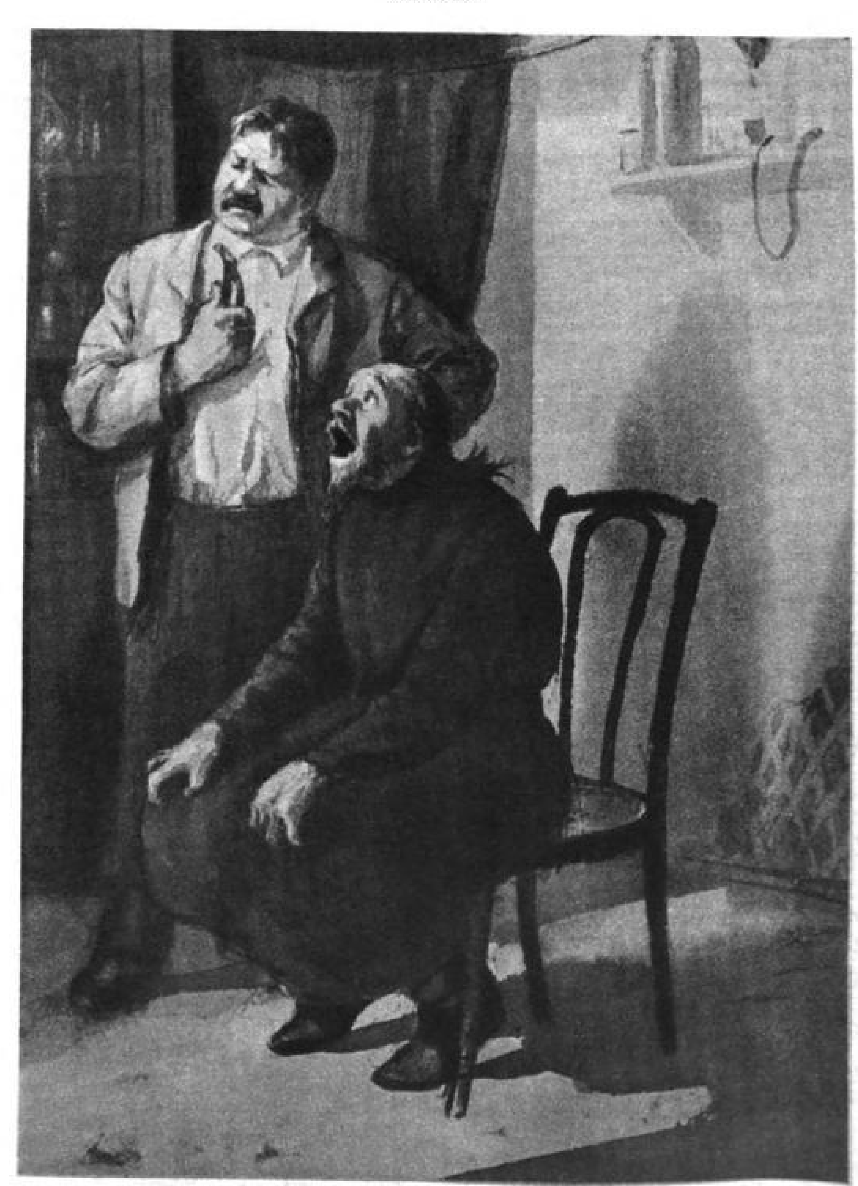
ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ.

НАЛИМ.

ДУШЕЧКА.

ХИРУРГИЯ.

ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Евгений **ПОПОВКИН**

В любимой своей позе, положив ногу на ногу, сидит, устремив к морю задумчивый взор, Антон Павлович Чехов. В левой руке его записная книжка. Вот кажется, он раскроет ее, улыбнется своей мягкой умной улыбкой и запишет пришедшую в голову мысль.

Молчаливо глядят на бронзовый памятник в одном из красивейших уголков Приморского парка в Ялте москвичи, ленинградцы, киевляне, сибиряки, дальневосточники.

Сюда, в дом, который сохранила для потомства сестра писателя Мария Павловна Чехова, приходят все, кто только приезжает в Ялту. Посетители осматривают кабинет Антона Павловича, письменный стол, за которым были написаны «В овраге», «Дама с собачкой», «Невеста», «Три сестры», «Вишневый сад», подолгу разглядывают хранящиеся в доме-музее вещи, фотографии, картины. Выйдя из чеховской «белой дачи», экскурсанты любуются пышно разросшимся вокруг садом. Вспоминаются слова Антона Павловича:

«Послушайте, при мне же здесь посажено каждое дерево, и, конечно, мне это дорого...».

Когда-то устами одного из своих героев Чехов говорил: «Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят... Интересно было бы взглянуть».

Теперь он не узнал бы кривых и грязных улочек старой Аутки. Он оказался бы на одной из улиц растущего год от года поселка Чехово, где строятся сейчас десятки благоустроенных колхозных домов.

Отсюда Антон Павлович отправился бы посмотреть в той же Аутке на свое детище — пансион для малоимущих больных «Яузлар» — и увидел бы прекрасно оборудованный гортанно-легочный туберкулезный санаторий имени А. П. Чехова с числом коек, впятеро большим, чем при жизни писателя.

Поговорив с врачами этого санатория, он узнал бы, что во всех санаториях и домах отдыха Большой Ялты насчитывается шестнадцать тысяч коек. А в его времена единственный созданный им санаторий для простых тружеников мог вместить лишь двадцать человек.

Когда-то, в первый свой приезд в Ялту, в 1888 году, Чехов писал: «Ялта — это помесь чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мещански-ярмарочным. Коробообразные гостиницы, в которых чахнут несчастные чахоточные... рожи бездельников-богачей с жаждой грошовых приключений, парфюмерный запах вместо запаха кедров и моря, жалкая, грязная пристань, грустные огни вдали на море, болтовня барышень и кавалеров, понаехавших сюда наслаждаться природой, в которой они ничего не понимают,— все это в общем дает такое унылое впечатление...»

Восхитительна нынче залитая солнцем, вся в цветах и в зелени, нарядная, звенящая веселым смехом красавица-набережная города-курорта. Сюда, к ялтинскому молу, подходят дизельэлектроходы «Победа», «Россия», «Украина».

По вечерам, когда вдоль набережной загорается гирлянда огней, когда сотни огоньков вспыхивают и слева, и справа, и где-то высоко-высоко в горах, видишь, как раскинулась во всю ширь гигантского амфитеатра обновленная Ялта. Сегодня в ней десятки великолепных дворцов-санаториев, водолечебниц, поликлиник, научных институтов, новые парки, сады, оранжереи, розарии.

Только за последнее время гостеприимно распахнули свои двери санаторий «Белоруссия» в Алупке и два новых санатория в Ливадии. Еще и еще строятся здравницы, одна лучше другой: в Мисхоре, у самого синего моря,— замечательный дворец-санаторий для тружеников лесной и бумажной промышленности; в Нижней Ореанде — санаторий для строителей; в самой Ялте во многих местах видны башенные краны и строительные леса. Завершается строительство огромного корпуса здравницы металлургов. Сооружается здравница для рабочих, инженеров и техников «Минтяжстроя». У входа в Приморский парк закладывается водолечебница с десятками кабинетов и ванн для процедур, бассейном для плавания площадью около ста пятидесяти квадратных метров, с грязелечебницей.

В долине реки Быстрой началась застройка живописнейшего района Ялты. Тут строятся шестнадцать многоквартирных жилых домов, школа-десятилетка, рыбокомбинат, автобаза, пивоваренный завод. В ближайшие годы ялтинцы получат здесь шестьдесят тысяч квадратных метров жилой площади.

О том, какой будет Ялта завтра, с увлечением рассказал нам влюбленный в свой город главный его архитектор Петр Андреевич Стариков. Мы поднялись с ним на крутой склон горы Дарсан, откуда можно было окинуть взглядом всю Ялту, прилегшую к голубому заливу.

— Смотрите,— указал архитектор,— с востока Ялту будут замыкать четыре новых санатория, которые мы начнем строить в ближайшие годы, а с запада — три здравницы, которые уже строятся. Еще выше того места, на котором мы стоим, на самой вершине горы Дарсан, неподалеку от новой шоссейной дороги, будет создана большая туристская база. От нее вниз пройдет фуникулер. От памятника Ленину откроется широкий выход к морю. Здесь будет сооружен новый морской вокзал. На площади у памятника вырастет здание почтамта. В центре построим гостиницу на пятьсот мест, а справа — театр на тысячу мест... Да и сама гора Дарсан преобразится. Этой весной горожане вышли на воскресник и высадили тут более семи тысяч саженцев кедра и сосны. Видите, как хорошо прижились!

«Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что он может, как прекрасна была бы земля наша!» — говорил Чехов.

Жители Ялты хотят, чтобы их город был прекрасным, и делают на своей земле все, что могут для этого сделать.

Санаторий имени А. П. Чехова.

Памятник А. П. Чехову в Приморском парке.
Фото И. Тункеля.

МАШИНЫ НА ПОДМОСКОВНЫХ ЛУГАХ

На подмосковных лугах широко развернулись сеноуборочные работы. Вступила в действие могучая техника, которую получили МТС в этом году.

Машины косят и сгребают в валки сено, собирают его в копны, мечут в стога. Комплексное использование техники дает возможность быстро и хорошо вести работы по уборке сена.

На снимке: механизированное стогование сена в колхозе «Красная Звезда», Каширского района, Московской области.

Фото М. Бачурина.

Школьники—кандидаты на выставку

Слева направо: Альбина Болотова, Валя Щеглова и Саша Шитов.

В этот день вся школа была взволнована. В тульской газете «Молодой коммунар» сообщалось, что трое учеников Чернской школы — Альбина Болотова, Валя Щеглова и Саша Шитов — утверждены кандидатами на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

...От областной станций юных натуралистов школа получила несколько граммов семян масличной культуры сибирского рыжика. В средней полосе рыжик, как правило, не высевается, но Альбина, тщательно ухаживая за растением, сумела получить урожай в 11,6 центнера (в пересчете на гектар). Скоро семена, собранные с ее делянки, перекочуют на колхозное поле.

Больших успехов добилась и Валя Щеглова. Она посадила картофель квадратно-гнездовым способом. Девочка добавляла в почву удобрения, посыпала ботву порошком «ДДТ», оберегая ее от вредных насекомых. Собрала она со своего участка, также в пересчете на гектар, 960 центнеров клубней.

Все свое свободное время Саша Шитов отдавал дичкам яблонь и груш. У него их посажено 168. Саша мечтал о том, как он трехлетними пересадит их в колхозный сад. Школьник и не подозревал, что вырастил дичков больше, чем полагается кандидату на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Всего три года назад на пустыре было выстроено красивое двухэтажное здание Чернской школы. С первых же дней занятий здесь создали кружок юных натуралистов. Работали они с увлечением. Теперь двор школы неузнаваем. Тут высажено более 1 300 декоративных деревьев и кустов. Есть свои ульи, плодовый сад. В свое время горно-алтайская плодоягодная станция по просьбе учеников прислала саженцы степной вишни. Теперь работники станции интересуются, как же прижились их вишня и черноплодная рябина. «Чувствуют себя, как дома,— пишут юннаты.— Каждую весну деревца вишен покрываются белой пеной цветения, а осенью на рябине крупные черные гроздья».

Школьники смастерили станок для изготовления торфоперегнойных горшочков. Пользуясь своей небольшой метеостанцией, также сделанной руками учеников, они следят за погодой.

Второй год комсомольцы и пионеры школы шефствуют над колхозным садом. Сад большой — 16 гектаров. Ребята покрасили стволы всех деревьев и к каждому подвезли удобрения.

У юннатов большая переписка с друзьями. Только в этом году они отправили в школы Тульской и Орловской областей 1 860 пакетов и 8 посылок с различными семенами.

Р. ЛИХАЧ

Солнечное затмение

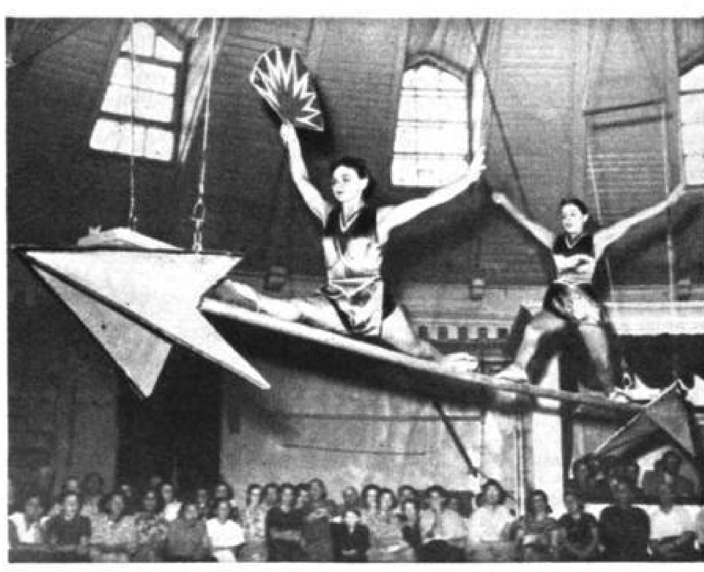
Тысячи киевлян наблюдали солнечное затмение.

Фото Н. Козловского.

Тридцатого июня произошло полное солнечное затмение, захватившее значительную территорию европейской части страны, причем частное затмение наблюдалось почти повсеместно, за исключением Камчатки, Чукотки и Дальнего Востока.

Советские ученые организовали широкие научные наблюдения этого редкого явления. Наблюдения вели многочисленные экспедиции институтов, университетов, обсерваторий, а также астрономы ряда зарубежных стран.

Молодые артисты цирка

Эквилибристы И. Орлова и Л. Мурашко на качающейся стреле.

Фото Я. Рюмкина.

Летающие гимнасты, акробаты, жонглеры. Так называются десятки номеров в наших цирках. И все же как непохожи подчас одни акробаты на других! Сколько труда требует своя, особая отработка акробатических приемов! Какое искусство нужно, чтобы внести в жанры, иногда восходящие к глубокой древности, нечто свое, новое!

Это прекрасное стремление — по-своему, творчески построить цирковые номера — одна из замечательных особенностей молодых артистов, нынешних выпускников Государственного училища циркового искусства в Москве.

Второго июля они показали свои достижения. Легко, четко и точно работали с подкидной доской В. Горлов, М. Карпов и Ю. Шаров. Красивый, жизнерадостный спортивно-акробатический номер с обручем создали Пардо Бидондо, Л. Зиновьев и Ю. Карнеев. Кажется, что Г. Петринская, В. Сурнова и М. Фалеева невесомы: полеты их так легки и непринужденны, что совершенно не чувствуешь, каких упорных упражнений требовала слаженность и ритмичность движений акробатов. Хорош и номер четырех гимнасток на трапециях — Л. Захаровой, Р. Костылевой, Н. Травиной и А. Хазовой.

Отметим, что для выпускников создана специальная аппаратура. Так, у эквилибристов «качающаяся стрела» заменила проволоку. Это позволило внести в исполнение новые приемы.

В наших цирках работают сотни воспитанников училища циркового искусства, главным образом жонглеров и акробатов. Но, к сожалению, училище до сих пор не создало отделения конного цирка и разговорного жанра, клоунады и музыкальной эксцентрики.

И. УРАЗОВ

Колхозный умелец

Колхозному пчеловоду деревни Зевино, Вилейского района, Молодечненской области, Иосифу Васильевичу Бохану семьдесят один год. С малых лет он увлекался музыкой, научился играть на многих инструментах. Иосифу очень хотелось иметь скрипку, но купить было не на что. Тогда он решил сделать ее сам. С той поры вот уже более пятидесяти лет пасечник отдает свой досуг изготовлению скрипок, цимбал, балалаек и гитар. Материалом для поделок Бохану служат клен, груша, ель, вишня.

Инструменты колхозного умельца увидишь не только у односельчан: его скрипки в Молодечненской музыкальной школе и даже в Белорусской государственной консерватории. Лучшие работы Бохана показывались на областных, республиканских и московской выставках.

В. ПОНОМАРЕВ

Ребята окружили скрипичного мастера...

МАГНИТОФОН В КАБИНЕТЕ РЕНТГЕНОЛОГА

Темный кабинет. Рентгенолог, просвечивая пациента, медленно, четко диктует свое заключение. Осмотр окончен. Сейчас, очевидно, зажжется свет и врач будет заполнять листок. Но нет, он не выключает аппарата. Медсестра вызывает следующего, и через несколько секунд мы снова слышим голос рентгенолога. Один за другим входят пациенты.

— Сегодня прошло 62 человека, — сообщает медсестра.— Раньше за это время рентгенолог успевал осмотреть не более 30 человек.

Но как же врач делает в темноте записи? Ведь он все может перепутать!

Нет, конечно. Записи уже сделаны на ленте магнитофона.

Первыми использовали магнитофон в рентгеновском кабинете врачи Ныммеской районной больницы Таллина. Здесь рентгенолог не тратит больше времени на заполнение листка — за него работает магнитофон. Наушники отведены и в комнату медсестры. В случае необходимости она также может записывать.

Записи стали более точными: ведь они ведутся во время медицинского осмотра.

Н. ХРАБРОВА

На Олимпийском стадионе в Риме

ВЫДАЮЩАЯСЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ ГИМНАСТОВ

Советские гимнасты — участники соревнований на первенство мира в Риме. Слева направо — А. Азарян, М. Гороховская, В. Муратов, В. Чукарин и Т. Манина.
Фото Б. Светланова.

На Олимпийском стадионе в Риме разыгрывался XIII чемпионат мира по гимнастике. Состязания привлекли сильнейших спортсменов 24 стран.

Впервые за всю историю спортивной гимнастики мировое первенство проводилось на открытых площадках. В Риме нещадно палило солнце. К полудню температура воздуха достигала

Галина Рудько.
Фото М. Боташева.

50 градусов. С часу до четырех закрывались учреждения и магазины, жизнь итальянской столицы замирала, только гимнасты продолжали выступать по заранее утвержденному расписанию. Правда, состязания начинались в семь часов утра, когда еще сохранялась относительная прохлада, но они продолжались и в самую жару.

Перед открытием чемпионата все судьи торжественно давали такое обязательство: «Заверяю моей честью, что, действуя в качестве судьи, я буду руководствоваться только духом честности и спортивной справедливости. Буду оценивать выступления гимнастов добросовестно, независимо от того, кто является участником и какую страну он представляет».

Нужно отдать должное судьям: они в основном четко и добросовестно выполнили свои сложные обязанности; ведь в гимнастике результаты измеряются не метрами и секундами, не счетом забитых мячей, а точностью и красотой движений.

Итоги замечательных выступлений советских гимнастов и гимнасток известны теперь всему миру. Они выиграли командное первенство, звания абсолютного чемпиона и чемпионки мира, звания чемпионов мира по семи снарядам и вольным упражнениям из десяти, получив в общей сложности 30 золотых, 4 серебряных и 5 бронзовых медалей.

Эта победа далась нашим спортсменам нелегко. Уже после первых упражнений обязательной программы стало ясно, что к борьбе отлично подготовлена А. Келети (Венгрия), Е. Босакова (Чехословакия), чемпионка мира 1950 года Е. Ракочи (Польша). А тут еще советскую команду постигла серьезная неудача: одна из сильнейших гимнасток, С. Муратова, на разминке повредила руку и выбыла из соревнований.

Борьба за звание абсолютной чемпионки развернулась между Г. Рудько и А. Келети. Чтобы получить золотую медаль, венгерской гимнастке нужно было выполнить прыжок с оценкой не ниже чем в 9,23 балла, но Келети не справилась с этой задачей. Абсолютной чемпионкой мира стала 23-летняя студентка Московского педагогического института имени Ленина Галина Рудько. Она оказалась сильнейшей в многоборье.

Золотые медали за исполнение вольных упражнений и прыжка получила 20-летняя студентка Ленинградского института точной механики и оптики Тамара Манина. Чемпионкой мира по брусьям стала А. Келети, а по равновесию на бревне японка Танака.

Еще более внушительную победу одержали мужчины. Из шести видов гимнастического многоборья только в прыжках первым был Саторник (Чехословакия), а в вольных упражнениях одинаковое количество баллов с Муратовым набрал Такимото (Япония).

В разгоревшейся борьбе за звание абсолютного чемпиона мира между Валентином Муратовым и Виктором Чукариным ни тому, ни другому не удалось достичь перевеса. Произошел весьма редкий случай в практике гимнастических состязаний: Муратов и Чукарин набрали одинаковое количество баллов — 115,45. Тому и другому были вручены золотые медали абсолютных чемпионов мира. Кроме того, Чукарин завоевал золотую медаль чемпиона мира по брусьям, Муратов — по вольным упражнениям и перекладине, Альберт Азарян — по кольцам и Грант Шагинян — по коню.

Убедительная победа!

Неиссякаемую волю, пример мужественного поведения продемонстрировал Виктор Чукарин. На первом же снаряде — перекладине — он вывихнул палец. Несмотря на это, превозмогая боль, он продолжал бороться за победу. Никто даже не подозревал о случившемся. Советский спортсмен до конца выдержал испытание...

По установившейся традиции, каждый раз, когда объявляется победитель, на мачте взвивается флаг и исполняется гимн той страны, честь которой спортсмен защищал. В эти дни над римским стадионом особенно часто звучал Государственный гимн Советского Союза. И зрители так привыкли к этому, что, не дожидаясь оркестра, вставали со своих мест и пели Гимн СССР во славу советских спортсменов.

Леон Кручковский — борец за мир

5 июля в Кремле, в Свердловском зале, состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся польскому писателю, активному борцу за мир, председателю Союза польских писателей Леону Кручковскому.

На снимке: Леон Кручковский, И. Г. Эренбург и Ю. А. Завадский.

Фото Д. Бальтерманца.

Победители велогонки — армейцы

На финише одного из заключительных этапов гонки после награждения призеров к судейскому столу был вызван армеец молодой гонщик Николай Сиротин. От имени жителей Смоленска спортсмену был вручен ценный подарок. Это могло бы вызвать недоумение. Ведь Сиротин на этот раз закончил дистанцию не в числе первых и, казалось бы, не мог претендовать на награду.

— За активную, самоотверженную помощь команде...— заявил представитель города, и эти слова потонули в одобрительном гуле аплодисментов.

Этот эпизод вспомнился снова, когда участники многодневной гонки финишировали на московском стадионе «Динамо». Как и в большинстве других городов, стоящих на трассе гонки, первыми показались велосипедисты в красных рубашках. Это были представители армейской команды. Снова, как и в прошлом году, звание чемпиона Советского Союза по многодневной гонке завоевал Родислав Чижиков. Его время по сумме 15 этапов — 74 часа 8 минут 28 секунд. За ним следуют его одноклубники — Евгений Немытов, Евгений Клевцов, Виктор Вершинин.

Победитель велогонки Р. Чижиков.
Фото О. Кнорринга.

Блистательный финиш армейской команды — результат не только высокого умения ее ведущих гонщиков, но и сплоченности всей команды, непреклонного стремления в самых трудных условиях отстоять свою честь.

Армейцам пришлось выдержать борьбу с рядом молодых велосипедистов. Торпедовцы В. Плотицын и А. Ючков, колхозник И. Болдижар, динамовец А. Евсеев, зенитовец Н. Лукшин и многие другие проявили отличные спортивные качества. В велотуре участвовали также известные гонщики — мастера спорта Р. Тамм, Н. Матвеев, В. Чернов и другие. Но все они большей частью выступали как одиночки, не объединенные волей своей команды. Отсутствие инициативы и тактического замысла в подавляющем большинстве команд — большая вина их тренеров.

Итак, в воскресенье 4 июля участники многодневной велогонки Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва замкнули огромный круг в 2 606 километров и финишировали на московском стадионе «Динамо».

Под торжественные звуки марша на беговой дорожке появляется первый гонщик. Это армеец Виктор Вершинин. За ним финишируют его товарищи — Евгений Клевцов и Николай Сиротин. Они показали лучшие результаты на последнем этапе, но особенно горячими аплодисментами был встречен лидер гонки Родислав Чижиков.

Армейцы совершили круг почета. Они получили серебряный кубок Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР за командную победу. Р. Чижикову был вручен приз журнала «Огонек» за личное первенство.

А. ГАЛИЦКИЙ

С. С. Бойм. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова УНТЕР ПРИШИБЕЕВ.

. С. Бойм. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ.

ПОЕЗДКА В ШОТЛАНДИЮ

Анатолий СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

I. ЛОНДОН — ЭДИНБУРГ

В Лондоне мне сказали: «Есть возможность поехать в Шотландию автомашиной». Я обрадовался. Это значило — по пути из Лондона в Эдинбург, Абердин, Глазго пересечь с юга на север почти весь остров. Мы развернули карту. Дорога «AI» как бы делит страну на две части: меньшую — восточную и бóльшую — западную. И хотя дорога эта проходит через сравнительно малоразвитые в промышленном отношении районы (кроме Ньюкастла), она обещает показать, словно в разрезе, всю страну.

Поездка в Шотландию совпадала с предстоявшими в Эдинбурге и в старинном городе Абердине собраниями, организованными обществом дружбы «Шотландия — СССР». На собраниях предполагалось выступление настоятеля Кентерберийского собора, неутомимого борца за мир Хьюлетта Джонсона.

Поездка также давала возможность побывать на родине знаменитого шотландского поэта, широко известного и у нас в Советском Союзе,— Роберта Бернса. Кроме того, мне хотелось побывать в рыбачьих районах Шотландии и, в частности, в городе Фрезербурге, расположенном на побережье Северного моря. Место это славится знаменитой шотландской сельдью. Еще в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона об этой селедке было сказано, что она «пользуется самым широким распространением на мировом рынке. Название объясняется местом приготовления сельди — по берегам Северной Шотландии, в Абердине, Уике, Питерхеде и других местечках. Самый лов сельди производится против шотландских берегов, в расстоянии, которое парусное судно проходит в несколько часов. Сельдь доставляется на берег в совершенно свежем виде; на берегу имеются приспособления для правильного посола и выдержки бочек с посоленной сельдью в прохладном помещении».

Член английского парламента консерватор Роберт Бутби, избранный в парламент от рыбачьих районов Восточной Шотландии, по нашей просьбе написал в Абердин письмо, в котором просил оказать нам гостеприимство.

И последнее, что привлекало в Шотландии,— возможность увидеть вблизи ее природу, о которой так много сказано хороших слов в поэзии и в прозе. В конце сентября 1952 года нам довелось, возвращаясь из поездки в Исландию, коротко полюбоваться с воздуха быстро сменяющимися пейзажами Шотландии, ее лесами, землями, четко, почти графически разделанными полями, побережьем Ирландского моря. Запомнились крутые, освещенные осенним солнцем красноватые срезы прибрежных скал, золотистый песок и белая кайма прибоя... Тогда, приземлившись, мы, кроме очень большого аэродрома Прествик, ничего не видели. На аэродроме нас быстренько спровадили в закрытое помещение аэропорта, где мы и пробыли три четверти часа — срок заправки самолета. Потом самолет взял курс на Копенгаген, и Шотландия осталась позади.

Теперь представилась возможность посмотреть ее всю, землю, которая была источником творчества великого Бернса, жизнью и историей которой насыщены мужественные и романтичные книги Вальтера Скотта...

* * *

Наш отъезд пришелся на второй день троицы. Лондон был тих и пуст, каким он всегда бывает в праздничные и воскресные дни. Редкие прохожие не спеша брели по тротуарам. Запомнился на одной из улиц безногий флейтист, игравший какую-то печальную мелодию. Возле него на тротуаре лежала шапка, прохожие изредка бросали в нее мелкие монеты.

День был солнечный, с небольшими облачками. Машина легко выбралась на нужную нам дорогу и помчалась мимо красивых пригородов, мимо особняков и дач лондонских дельцов.

Если в самом Лондоне машин в этот день было немного, то за городом их оказалось значительно больше. Англичане любят быструю езду; машины мчатся, обгоняя друг друга. Непривычное для нас движение левой стороной усиливало ощущение этой скорости. Не раз казалось, что встречные машины мчатся прямо на нас. Это чувство еще обострялось и от того, что дорога «AI», или, как ее зовут в Англии, «Великий северный путь», очень узка. Если вспомнить наше Можайское шоссе или дорогу Москва — Симферополь, то они едва ли не вдвое шире. Машины проносятся мимо, что называется, «впритирку». Населенные пункты, местечки следуют друг за другом. Кажется, что едешь каким-то одним большим селением. Лишь сменяющиеся вывески дорожных гостиниц разнообразят пейзаж. А какие только названия не встречаются! «Павлин», «Дракон», «Корона и роза», «Магнитное пиво»...

Обгоняя нас, мчатся мотоциклы. Их очень много. Обычно за рулем муж, за спиной у него жена. Оба в резиновых плащах: на устойчивость погоды надеяться трудно... Вот и мелькают они по шоссе, словно желтые, зеленые, черные и голубые торпеды, круто поворачивающие на изгибах дороги. Чем дальше мы уходим от Лондона, тем более резко меняется пейзаж. Исчезли роскошные особняки.

Вот справа от нас массив деревьев за разрушенной оградой. Это старинный торговый город Фэтфилд. Говорят, что в нем раскинут большой и, как написано в дорожном справочнике, «классический парк».

Несколько раз нам встречались легковые автомашины, тянущие за собой вагончики, окрашенные в светлые тона. Это особый вид отдыха. Человек, имеющий автомобиль и, конечно, деньги, покупает себе такой вагончик, цепляет его на буксир и со всей семьей отправляется путешествовать в этой своеобразной передвижной даче. Встречая такие вагончики уже отцепленными на стоянках, мы удивлялись: почему они, как правило, стоят у обочин дороги, не сворачивают в рощи и леса, не подъезжают к поблескивающим серебром озерам?

Ответ был простой. И леса, и рощи, и парки, и все поля, даже невозделанные — а таких по дороге встречалось немало,— принадлежат, как правило, частным лицам. Магическое слово «прайвит» (частное) останавливает машины, семьи, взрослых и детей, выбравшихся из города подышать свежим воздухом, отдохнуть. Зажатые между «прайвит» и грохочущей, как огромная бетонная труба, дорогой, они вынуждены останавливаться в отнюдь не живописных местах. А самые вагончики хороши и удобны...

И снова дорога. Мелькают леса и зеленые поля, пестрые щиты рекламы, заправочные станции... Небольшой, внешне ничем не примечательный город Хантингдон. Но, взглянув в справочник, мы узнаем, что здесь родился человек, сыгравший в истории Англии немалую роль,— Оливер Кромвель.

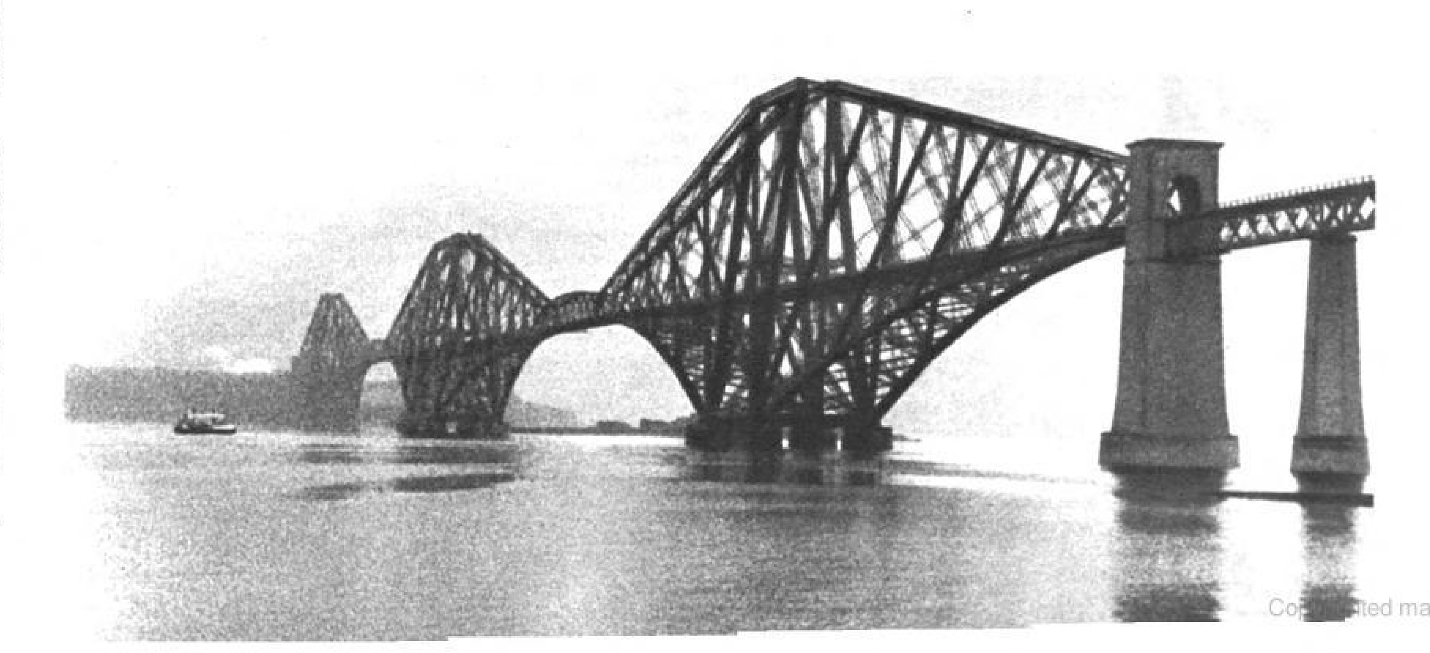
История чередуется с легендой. Мы проезжаем местечко, в котором будто бы уже в герцогском звании, пожалованном ему властьимущими, заканчивал свою жизнь Робин Гуд, гроза средневековых угнетателей народа.

Поворот. Небольшой мост. Тихий городок Стилтон, прославившийся своими сырами.

Спидометр машины отсчитал уже более 60 миль...

Приметы истории все время сопутствуют нам. Вот над самой дорогой невысокая колонна с ор-

Мост через залив Фёрт-оф-Форт.

лом, расправившим крылья: некогда, в начале XIX столетия, здесь был лагерь для французских военнопленных.

Дорога «А1» вьется в полном соответствии с имеющейся в машине картой и приводит нас в город Стемфорд. Это древний конкурент Оксфорда. Здесь когда-то, в средние века, находился университет, один из центров английской научной мысли. В городе храм святой Марии, серые, стершиеся ступени, темные, остроугольные плиты.

Останавливаем машину на маленькой площади, куда выходят узенькие улочки. На вывеске закусочной читаем слово... «Катенька». Только, конечно, без мягкого знака. Из закусочной доносятся звуки радиолы. В небольшом, не очень чистом помещении за столиками сидят путники, главным образом мотоциклисты, в своих непромокаемых разноцветных плащах. Они поглощают кофе с молоком и сандвичи с яйцом и кружочками помидоров.

И снова машина мчится по узкой дороге. Снова мы словно листаем страницы истории страны. Вот город Грэнтем. Тихий, спокойный в этот праздничный день. В центре на площади небольшой памятник великому сыну Англии — Исааку Ньютону. Предместья города славятся богатой охотой. Об этом напоминают вывески дорожных отелей: «Черная собака», «Лиса»...

Смотря на карту, вдруг с удивлением читаем: «Река Дон». Город Донкастер. С начала XVII века он знаменит скачками. Слева от нас остается большой ипподром... Переезжаем по мосту через черный от копоти и мазута неширокий Дон. Здесь расположены заводы. В небо поднимаются высокие потемневшие трубы. Воздух дымный, едкий, сырой...

Скрылось за тучами солнце, начал накрапывать дождь... За Донкастером потянулись болота, небольшие озерца... Дело шло к вечеру. Все реже попадались навстречу автомашины и мотоциклы. Тихо стало на дороге. Включив радио, мы услышали английского диктора: «...Рахманинов. Второй концерт». И поплыла властная, могучая музыка русского композитора, наполнившая душу каждого из нас и щемящей тоской по родной земле и гордостью за мужественный и талантливый наш народ, за наши широкие просторы и белые березы, за раздольную Волгу и тихий Дон — за все, что дорого сердцу советских людей.

В городе Ньюкастле.

Так, вместе с этой бессмертной музыкой и въехали мы в старинный английский город Йорк. Здесь предстояла ночевка.

...Утренние йоркские газеты принесли всяческие новости. Разбился американский реактивный самолет. Летчик-американец выпрыгнул на парашюте. Самолет врезался в мирный английский дом. Есть убитые...

Сколько уже таких американских самолетов грохнулось с английского неба на английскую землю! Сколько пострадало англичан от этих незваных гостей! Вот еще одно сообщение газеты: от самолета, находившегося на большой высоте, во время обледенения оторвался кусок льда, пробил крышу какого-то коттеджа и влетел в комнату... Можно себе представить самочувствие людей, сидящих за столом...

Быть в Йорке и не посетить знаменитый Йоркский собор нельзя. Собор оставляет большое впечатление своей монументальностью и аскетической строгостью. Внутри собора было немало экскурсантов. Возле одной из усыпальниц стоял служитель в черной одежде и что-то весело рассказывал окружившим его школьникам. Это, очевидно, был педагогический прием: подавленные средневековым величием, школьники, видимо, не стали бы слушать, если длинную и сложную историю не пересыпать шутками...

Узкие улицы старинного города. Часто встречаются монахини. Одна из них, молодая, шла по тротуару. Хорошие голубые глаза — и черная монашеская одежда. Что оторвало девушку от жизни, пусть трудной, противоречивой, но все-таки жизни?

На улице Йорка.

...Мы осмотрели древние йоркские ворота и каменную стену, начало строительства которой относится к 180 году нашей эры... Напомним читателю, что волею своего воображения писатель Даниэль Дефо сделал Робинзона Крузо выходцем из города Йорка...

В этот день нам предстояло еще добраться до столицы Шотландии — Эдинбурга. И снова мы мчимся по дороге «А1». Мимо проносятся затянутые сеткой мелкого дождя лесочки, поля, коровы и овцы, стоящие в поле под дождем, массивные лошади, положившие друг другу головы на спины.

Промелькнул город Дарлингтон, знаменитый тем, что сюда прибыл первым рейсом локомотив Стефенсона... Еще местечки, еще города... И как всегда бывает в таком путешествии, многие из них казались знакомыми, будто вчера мы их уже видели.

Так, возможно, и прошла бы незаметно дорога от Йорка до Эдинбурга, если бы не одно обстоятельство. Как-то на остановке мы обратили внимание на то, что шедшая позади нас черная легковая машина проскочила мимо и остановилась впереди метрах в двухстах. Побродив на дороге минут десять, мы снова уселись на свои места. Проезжая мимо черной машины, увидели на ней табличку: «Полиция». Машина пропустила нас и снова поехала, держась метрах в двухстах за нами. Сомнений не было: мы ехали в сопровождении полиции. В одном месте, на разветвлении дорог, отсутствовал указатель. Мы остановились. Карта также не давала точного ответа, а мы обязаны были ехать по совершенно точному маршруту... Тогда возникла мысль обратиться к людям, сопровождающим нас. Шофер отправился к полицейской машине. Сидевшие в ней, разумеется, знали дорогу. Мы отправились дальше.

Теперь мы ехали по одному из самых населенных промышленных районов страны. По обеим сторонам дороги тянулись шахты и заводы. Шахтерские и фабричные поселки однообразного серого цвета, один дом похож на другой. Гладкие, прокопченные стены. Мы — в одном из крупных промышленных центров Англии, Ньюкастле. У подножия памятника погибшим в двух мировых войнах стояла небольшая группа школьников, о чем-то щебетавших с детской непринужденностью. Кто знает, может быть, у кого-нибудь из них отец или старший брат сложил голову в войне против гитлеризма? Какими же вырастут эти ребятишки? Сумеют ли их воспитать в духе уважения и дружбы ко всем народам земного шара? Не замутят ли их юные, восприимчивые головы ядом недоверия и ненависти к людям, для которых дружба и мир между народами стали основой жизни?..

Ньюкастл был последним большим городом, который встретился нам по пути к Эдинбургу. По мере того, как мы подъезжали к границе Шотландии, все безлюднее становилась дорога.

В районе одной из шахт за Ньюкастлом мы увидели пожилого рабочего, который вел по мокрой дороге велосипед, тяжело груженный четырьмя мешками с углем. В угольной промышленности Англии тяжелое положение, и, помня прошедшую холодную зиму, люди заранее запасаются топливом.

Дорога пошла вверх. Показались вершины гор; на них, словно зацепившись, лежали облака. По бокам дороги плескались искусственные озера. Молчаливые, повитые прозрачным туманом сосны и ели. Все круче и круче становится дорога. И вот, наконец, не очень высокий горный перевал. На нем лицом к нам дорожный знак с надписью «Шотландия», а лицом к Шотландии надпись «Англия». Мы вышли на дорогу. В это время со стороны Шотландии подъехала старинная машина. Из нее вышел пожилой веселый человек. Он открыл капот, о чем-то сам с собой разговаривая, и, увидев у нас в руках фотоаппараты, попросил его сфотографировать. Мы выполнили его просьбу. Он снова забрался на шоферское сиденье и, подмигнув нам, что-то

сказал женщине, сидевшей рядом с ним, махнул нам приветливо рукой и покатил вниз с перевала.

Погода заметно улучшилась. Казалось, дождь и туман остались за перевалом,— в Шотландии было солнечно.

Так мы и въехали в Эдинбург, красиво распланированный город, со многими старинными домами и памятниками, симметрично поставленными по улицам и среди парков города.

Мы зашли в один из ресторанов на центральной улице. Официантка, худенькая женщина, подавая карту меню, с любопытством рассматривала нас и вслушивалась в незнакомый язык. Мы заказали обед. Официантка вскоре вернулась, неся закуску и немного хлеба; каждый кусок был намазан маргарином. Мы попросили хлеба без маргарина.

Официантка сказала:

— Ресторан скоро закрывается... Это последний хлеб в ресторане...

Мы приступили к обеду. Официантка не отходила от нас.

— Кто вы такие? Из какой страны?

— Угадайте.

— Датчане? Норвежцы? Немцы?

— Русские.

Официантка вспыхнула:

— Неправда, не верю вам!

Мы попытались было ее убедить, что действительно русские, но она, недоверчиво покачав головой, ушла. На другой стороне ресторана она о чем-то начала быстро говорить с подругами. Те обернулись к нам. Вскоре официантка появилась с тарелкой хлеба, нарезанного небольшими кусками, но уже без маргарина.

— Вы извините,—сказала она,— но у нас никогда не было русских. Просто не верится...

Почти рядом с гостиницей в естественном углублении раскинулся парк. Оттуда доносятся звуки небольшого оркестра. Мы спустились к эстраде. На дощатом помосте танцевали четыре пары: мужчины — в пестрых клетчатых юбках, женщины — в светлых платьях. На скамьях сидело сотни полторы людей, они с интересом смотрели на танцующих. У микрофона седая женщина объявляла присутствующим фигуры танца. Мелодия была проста, народна по складу и чем-то отдаленно напоминала нашу песню «Светит месяц».

Вокруг, за оградой, стояли люди, не пожелавшие внести шиллинг за вход на танцевальную площадку. Восьмерка перестала танцевать. Теперь седая женщина призвала сидящих перед эстрадой принять участие в танце. Желающие нашлись, и снова полилась несложная мелодия, и снова так же весело, путая очередность фигур, смеясь, танцевали эдинбуржцы. Приятно было видеть народный танец, полный лукавства и жизнерадостности...

На старинной башне часы пробили половину десятого. Танец закончился. Седая женщина объявила:

— Отныне каждый вторник мы будем собираться для разучивания шотландских народных танцев. Приглашаем всех принять участие.

Где-то наверху послышались резкие свистки. Сторож напоминал, что пора покинуть парк.

Эдинбург окутывался тяжелым ночным туманом, сквозь который тускло прорисовывались горы, нависшие над улицами города.

II. В СТАРОМ ГОРОДЕ АБЕРДИНЕ

Утром в номере гостиницы мы укладывали вещи, готовясь направиться в Абердин. В это время раздался телефонный звонок. Нам сообщили о том, что нас хочет видеть полицейский. Признаюсь, нам стало неприятно: приехать вечером в красивый, уютный город, сразу же проникнуться симпатией к нему, уснуть с чувством, что вот еще что-то хорошее узнал о мире, и вдруг утром услышать: «Вас хочет видеть полиция!» К чему бы это? Маршрут наш соответствующим английским государственным организациям известен, ехали мы строго по маршруту, анкеты в гостинице заполнены, документы в порядке...

В дверь постучали.

— Войдите.

В комнату вошел высокий черноволосый человек в гражданской одежде, без шляпы, с короткими усиками. На нем был нечистый, заношенный плащ.

— Извините, пожалуйста, но долг службы обязывает.— Вошедший достал из кармана маленькое темномалинового цвета удостоверение.— Прошу показать ваши документы.

Мы предъявили маршрутные удостоверения. Он быстро пробежал их глазами и вернул.

— Все в порядке.

Наступило, как говорят в таких случаях, неловкое молчание...

Нам предстояло перебраться на пароме через залив, близ устья реки Форт. Паром находился в 3—4 милях от Эдинбурга. Небо было затянуто тучами, накрапывал дождь. Здесь же, рядом с паромом, виднелся красавец мост, по которому, оставляя за собой клубы дыма, мчались казавшиеся с берега игрушечными товарные и пассажирские поезда. Наш спутник-шотландец сказал, что это самый длинный мост в Европе и что он слывет «восьмым чудом света». Мы не очень твердо знали остальные семь чудес света, но искренне любовались этим прекрасным произведением человеческого гения. Огромные фермы моста оставляли впечатление свободного, широкого полета.

У въезда на паром стояла наглухо прикрепленная к опоре, выкрашенная в красно-белый цвет морская мина. В ней была узкая прорезь для монет. Надпись гласила: «Это военно-морская мина того типа, который использовался во второй мировой войне для защиты наших берегов. Поставлена здесь адмиралтейством и с разрешения железнодорожной администрации для использования в качестве копилки».

В самом низу была еще одна строка: «Это печаль моря». В скупой строчке сказано многое, но сказано не все. В городах Англии и Шотландии мы встречали памятники, на которых были написаны имена людей, отдавших жизнь за свое отечество. Мы разговаривали с людьми, у которых кто-нибудь из близких либо погиб, либо был тяжело ранен в последней войне. Надпись на мине, при всей своей поэтичности, неполна. Защищая берега Англии и Шотландии, эта мина, как и сотни других, не смогла уберечь тысячи человеческих жизней. Вдовы и сироты лучше других знают об этом. Как память и напоминание о прошедшей войне обезвреженная мина, может быть, и уместна, но как копилка она по меньшей мере глубоко недостаточна. Не мелкими монетами в пользу вдов и сирот, в пользу искалеченных на суше и на море можно исправить последствия войны и тем более предотвратить новую. Народы узнали сейчас более действенное средство. Во всех странах все громче, все настойчивей и внушительней называют его: прочный мир и дружба между народами!

...Мы ехали в Абердин мимо небольших шахтерских городов с одноэтажными, словно приросшими друг к другу, невысокими серыми домами. Мелькали высокие копры шахт. Некоторые из них поблескивали свежей породой, а другие, видимо, были заброшены и зеленели густо поросшей на них травой.

Вскоре шахты и заводы исчезли. Дорога шла красивой, живописной сельской местностью. Потянулись ровно возделанные поля. В одном месте мы остановились. Не очень далеко от дороги с тяпками стояло семь — восемь человек, видимо, отдыхая. Это были сельскохозяйственные рабочие, или, по хорошо понятному нам слову, батраки, работающие у фермеров. Своей земли они не имеют, нанимаются на летнее время, а зимой, как правило, бедствуют, бродят по стране в поисках заработка.

...А кругом было очень красиво. Вдали виднелись горы с древними сторожевыми башнями той поры, когда шотландцы сражались за свою независимость. Время от времени попадались богатые фермы с хорошими двухэтажными домами, прочными хозяйственными службами и легкими домиками батраков. В среднем каждый фермер владеет 80—100 акрами земли (гектар — 2,5 акра). Пользуются фермеры землей по договору с лэндлордами. Большие участки отведены под охотничьи угодья и под площадки для игры в гольф — эта распространенная в Шотландии игра считается национальной. Тысячи же крестьян в течение десятилетий не имеют возможности получить хотя бы небольшой клочок земли.

Из-за поворота показалась серовато-синяя полоска воды. Мы выехали к берегу Северного моря. Дождя уже не было, солнце светило ослепительно. С моря дул сильный ветер. Запахло рыбой и тем самым запахом моря, который всегда тревожит и радует сердце. Показался Абердин, один из старейших шотландских городов, важный центр рыболовной промышленности Шотландии.

Город этот располагает к себе какой-то особой трудовой статью. На улицах, как нам показалось, почти нет праздношатающихся.

Батраки на поле. Фото В. Назарова.

Расположенный на берегу моря, с вечно шумным портом, с тысячами беспокойных чаек, с рыбачьими, облепленными рыбьей чешуей траулерами, с гулким рыбным базаром и вечно свежим ветром, город гостеприимно открывается вам навстречу. В Абердине существует старейший шотландский университет, ведущий свое начало с XV века. В музее немалое число картин талантливых художников Шотландии. За последние годы Абердин, как нам сказали, значительно вырос. На окраинах мы видели много новых одноэтажных домов.

Наш спутник, местный шотландец, предложил осмотреть Абердин. Здесь, как и в других городах Шотландии, ходят двухэтажные трамваи. Мы поднялись на второй этаж. Надо сказать, что езда в пустом трамвае на втором этаже оставляет впечатление, словно едешь в не очень осадистой лодке по неспокойному морю. Тебя то поднимает вверх, то бросает вниз, а на поворотах кидает из стороны в сторону. Мы прошли в переднюю часть вагона. Перед нами лежала одна из центральных улиц Абердина. Сновали автомобили. По тротуарам спешили люди.

Мы ехали мимо красивых двухэтажных коттеджей. У многих домов стояли новенькие автомобили. За коттеджами вдруг показались несколько подъемных кранов. Наша спутница сказала:

— Это каменоломня. Там добывают камень для строительства новых домов. Сейчас многие строят дома... Зарабатывают хорошо на рыбе...

По окнам трамвая забарабанил крупный дождь. Мы решили проехать до тупика и вернуться на старое место. Как только мы снова очутились на улице, где стояли новые коттеджи, в трамвай повалили пассажиры. Был конец рабочего дня. На остановках стояли рабочие. Они жались под деревьями, стараясь укрыться от хлеставшего ливня. Скоро и наш второй этаж заполнился до отказа. Мы заговорили с одним из соседей.

— Работаю на каменоломне,— сказал он.— Добываем камень для этих домов.— Он показал на коттеджи.

— А разве вы не здесь живете?

Рабочий посмотрел на нас так, словно мы свалились с луны, потом сдержанно сказал:

— Нам ехать домой далеко...

Мы забежали в табачную лавочку купить сигарет. Продавщица спросила:

— Откуда вы?

Мы ответили и, в свою очередь, спросили, как она относится к нашему народу.

Женщина приветливо улыбнулась:

— Все мы от одной матери. Все мы на земле равны.

Продавец в магазине рыболовных снастей, куда мы не могли не зайти, находясь в Абердине, узнал, что мы из Москвы, и сказал, заворачивая нам крючки:

— О, Москва! Я так хочу побывать в этом городе. К сожалению, у меня нет денег на поездку...

...Вечером в одном из музыкальных залов города состоялось собрание, организованное обществом дружбы «Шотландия — СССР».

Сцена была украшена голубыми гортензиями.

В зале сидело не меньше тысячи человек. Много было пожилых мужчин и женщин, людей с тяжелыми, рабочими руками. Сизоватый дым от сигарет вздымался в разных концах зала. Чувствовалось в этих людях напряженное ожидание, нескрываемый интерес.

Когда на сцену вышли настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон, секретарь общества «Шотландия — СССР» Джордж Макалистер и советник советского посольства в Великобритании С. Л. Тихвинский, зал бурно зааплодировал. Хьюлетт Джонсон улыбался людям, выкрикивавшим из зала его имя. После короткой вступительной речи Джордж Макалистер предоставил слово советнику нашего посольства.

...Я всматривался в зал. Как примут спокойную, полную дружелюбия к шотландскому народу речь советского представителя?

Советник передал привет и пожелания успеха в работе общества и одновременно выразил сожаление, что посол СССР не может лично присутствовать на данном собрании, так как принимает участие в качестве представителя Советского Союза в работе подкомитета комиссии ООН по разоружению, где отстаивает позицию СССР, стремящегося к избавлению человечества от угрозы применения атомного и водородного оружия...

При этих словах зал одобрительно загудел... И потом речь советника много раз встречала теплый отклик у участников собрания: и когда он говорил о 12-летии договора СССР и Великобритании, о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сателлитов в Европе, о сотрудничестве и взаимной помощи; и когда речь шла о предотвращении возможности возрождения германской агрессии в Европе; и когда он упомянул о развитии торговых отношений между обеими странами и, в частности, о закупках шотландской сельди; наконец, бурными аплодисментами были встречены слова советского представителя о той популярности, которую имеет в Советском Союзе шотландский поэт Роберт Бернс...

Да, есть общие желания и мысли, которые объединяют людей, живущих в разных странах. Когда речь идет о будущем человечества, каждый понимает, что и он волен и обязан решать свою собственную судьбу и судьбу своего народа.

Хьюлетт Джонсон подошел к самому краю сцены, как бы показывая, что нет границы между ним и этой тысячью граждан Абердина, сидящих в зале, и многими тысячами шотландцев, чутко прислушивающихся к слову о мире и дружбе между народами.

— Мир жаждет мира! — сказал Джонсон.— Я хочу поздравить вас с большими достижениями в борьбе за мир за последние восемнадцать месяцев. Это — большое время. После Венского конгресса сторонников мира состоялась встреча министров иностранных дел четырех держав в Берлине. Она принесла свои плоды. Теперь Китай, великая и могучая держава, закономерно вышел на международную арену и принимает участие в Женевском совещании. Людям угрожает призрак водородной бомбы. Есть водородная бомба, но есть и требования, чтобы она была запрещена. Последние испытания показали, что водородная бомба может выйти из подчинения. Она должна быть запрещена!

Джонсона прервали шумные и долгие аплодисменты. Люди, сидящие в зале, самозабвенно хлопали в ладоши, пожилые женщины вытирали слезы...

Хьюлетт Джонсон рассказывал о мирном строительстве в Советском Союзе, где он бывал не раз. В успехах промышленности, сельского хозяйства, науки Советской страны он видел огромный источник вдохновения для сил мира. Хьюлетт Джонсон особенно подчеркнул усилия Советского Союза, направленные на поднятие жизненного уровня народа, на создание изобилия продуктов. Он сказал, обращаясь к аудитории:

— Разве может такая страна желать войны, готовиться к войне!

Поражала необыкновенная память и страстность этого человека, справившего совсем недавно свое восьмидесятилетие. Я сидел и думал: вот он стоит перед нами, весь проникнутый человеколюбием, необыкновенно простой. На него, как из подворотни, бросаются всяческие газетные шавки, но даже они лают с опаской, поджав хвосты. Называя Джонсона «красным настоятелем», они хотят уязвить его этим, а он гордо шагает по земле, восьмидесятилетний старец, прямой, по-молодому открытый и веселый.

Долгой была речь Хьюлетта Джонсона, обращенная к гражданам шотландского города Абердина. И волнующим был ее конец, покрытый громом аплодисментов. Абердинцы горячо приняли слова настоятеля Кентерберийского собора:

— Если народ захочет, он всегда добьется своего!

Это собрание всегда приходит мне на память, когда я думаю о славном шотландском городе Абердине, через прямые улицы которого дуют свежие, студеные ветры Северного моря.

В Абердине.

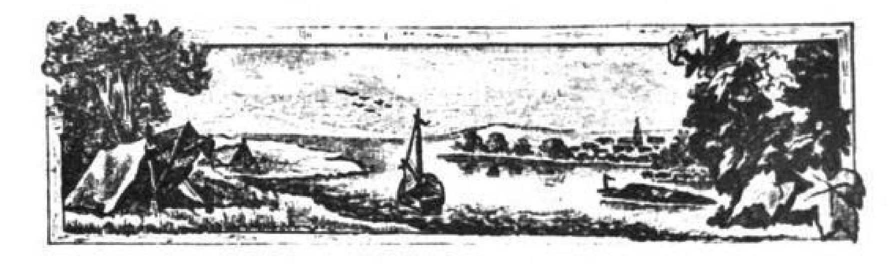
(Продолжение следует)

Недавно в пионерский лагерь «Лесные поляны», расположенный под Звенигородом, приехал в гости бразильский кинорежиссер Альберто Кавальканти. Пионеры преподнесли гостю портрет А. П. Чехова, выжженный ими по дереву, и альбом снимков лагеря.

Фото В. Хандина.

Чехов в Болгарии и Чехословакии

СТАЯ № 6.

Заставка к болгарскому изданию «Палаты № 6».

Свободолюбивая русская литература всегда была дорога и близка славянским народам. При ее могучей поддержке развивалась их самобытная национальная реалистическая литература.

Начиная с 90-х годов, книги А. П. Чехова все более широким потоком входят в культурную жизнь славян. Огромная заслуга этого великого писателя состоит в том, что он вместе с Горьким помог своим творчеством передовым деятелям литературы славянских стран в их борьбе против мутной волны западноевропейского декаданса.

Характерно, что только в 1906 году в болгарских журналах было напечатано около 50 чеховских рассказов. В 1904—1908 годах в Тутракане было издано собрание сочинений А. П. Чехова в шести томах под редакцией известной писательницы Анны Карима. Хотя переводы этого издания нельзя признать удачными, все же оно имело значительный успех и ознакомило массового читателя с творчеством Чехова.

Трудно сказать, что́ из Чехова еще не переведено на болгарский язык; многие его произведения ныне переведены по 5—10 раз.

Надо отметить собрание сочинений в 14 томах, предпринятое в 1947—1950 годах, под редакцией Н. О. Массалитинова и Рачо Стоянова в издательстве «Наука и искусство». В переводах приняли участие болгарские писатели Х. Радевский, А. Каралийчев, Н. Тодоров, С. Минков, Н. Константинов, Н. Фурнаджиев. Ряд чеховских рассказов вошел в школьные хрестоматии.

На чешском языке первой была опубликована «Дуэль» — в 1897 году. А в 1902—1903 годах в Праге вышел уже двухтомник избранных произведений Чехова.

В последнее время в Чехословакии появилось несколько статей о Чехове, примечательных стремлением дать правильную оценку наследству русского классика, которое извращалось буржуазными литературоведами. Так, Отто Хаас в статье «А. П. Чехов и МХАТ» («Творба», № 6, 1950) отмечает оптимизм, отличающий пьесы великого гуманиста.

Говоря о постановке «Вишневого сада» в пражском Национальном театре, Иржи Гайек в статье «А. П. Чехов сражается», опубликованной в «Руде право», писал: «Спектакль «Вишневый сад» в Национальном театре еще больше повышает идейность и мастерство на нашей сцене, служит образцом того, как великое произведение русского классика помогает нам активно воевать против пережитков старого в нашем новом обществе, и прежде всего против гнусной лжи империалистического мира, который является прямым детищем мира Раневских и Лопахиных, как его изобразил А. П. Чехов».

Представление о Чехове, стоящем в стороне от жизни, долго насаждавшееся буржуазной наукой в славянских странах, сменилось ныне представлением о Чехове — борце за счастье людей, «Чехове, зовущем к деятельности».

С. ЛЕОНИДОВ

Знакомые образы

Л. БЕЛОКУРОВ

— Для начала мы прочитаем с вами одну небольшую вещичку,— сказал молодой учитель при своем первом появлении в классе и стал читать вслух:

— «Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать...»

Горестное, трогательное содержание знаменитого рассказа постепенно приковало внимание ребят. Чем дальше читал учитель, тем больше волновался. Бережно переворачивая страницу книги, он встал. За ним, как один человек, совершенно бесшумно поднялись все ученики и продолжали слушать стоя, не шелохнувшись, затаив дыхание. Вместе с Ванькой Жуковым, глотая слезы, плакала добрая половина класса...

Этот маленький эпизод из широко известного советского фильма «Учитель» ярко, правдиво отражает искреннюю любовь народа к прекрасному чеховскому наследию.

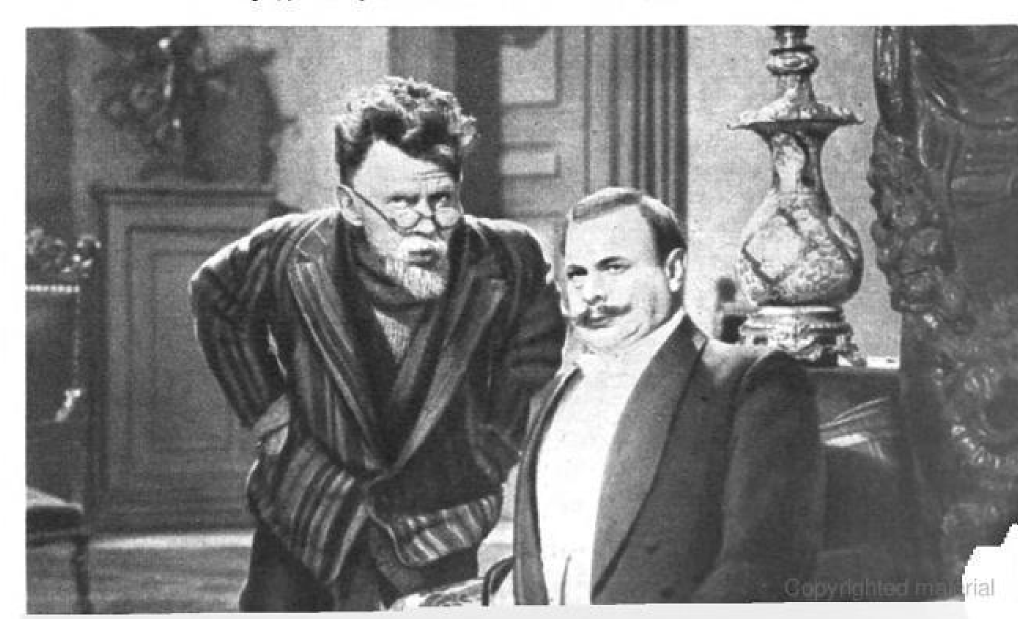
Творчество А. П. Чехова на протяжении нескольких десятилетий привлекает внимание мастеров кинематографии. Еще до Октябрьской революции, в пору зарождения кино как искусства, делались попытки перенести чеховские рассказы на экран.

Сперва деятели кино обращались главным образом к ранним

«Медведь». Помещик Смирнов — народный артист СССР М. И. Жаров, Вдовушка Попова — народная артистка СССР О. Н. Андровская.

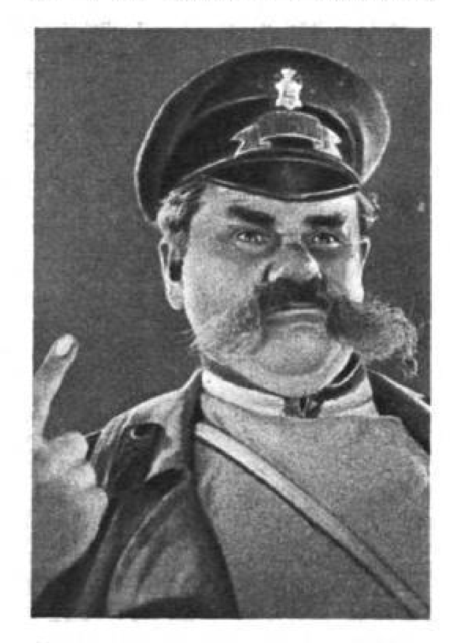
«Юбилей». Хирин — народный артист СССР В. О. Топорков, Шипучин — народный артист СССР В. Я. Станицын.

произведениям писателя, таким, как «Шведская спичка», «Драма на охоте», «Ненужная победа». Немой экран без чеховского меткого и точного слова, невысокий уровень режиссерского мастерства, а порой и неверное понимание авторского замысла сделали эти кинопроизведения лишь тусклыми копиями, в которых трудно было узнать яркость и силу, присущие оригиналу.

Советская кинематография впервые обратилась к Чехову в 1926 году («Каштанка»). Следующая за этим фильмом кинолента «Чины и люди», состоявшая из трех новелл — «Анна на шее», «Смерть чиновника» и «Хамелеон» — долгое время пользовалась общим признанием. Это и понятно: постановщик фильма, большой художник и опытный кинематографист Я. Протазанов привлек для работы в кино лучших мастеров Московского Художественного театра.

И. Москвин в «Смерти чиновника» и М. Тарханов в «Анне на

«Хамелеон». Народный артист СССР И. М. Москвин в роли полицейского надзирателя Очумелова.

шее» создали незабываемые образы огромной разоблачительной силы. Особый успех выпал на долю И. Москвина в роли полицейского надзирателя Очумелова («Хамелеон»). Блистательный артист с его скупой и вместе с тем необычайно выразительной мимикой сумел поистине «крупным планом» передать разнообразнейшую гамму «переживаний» подловатого и ничтожного блюстителя порядка. В этой роли, сыгранной в полном соответствии с чеховским рассказом, И. Москвин достигает высот сатирического обобщения.

«Перед судебным следователем стоит маленький, чрезвычайно тощий мужичонко в пестрядинной рубахе и латанных портах. Его обросшее волосами и изъеденное рябинами лицо и глаза, едва видные из-за густых, нависших бровей, имеют выражение угрюмой суровости», — именно таким, темным, забитым, злоумышленником поневоле рисует И. Москвин чеховского героя, снимаясь позднее в звуковом фильме «Злоумышленник». Глаза его наивно устремлены на следователя, и даже самый внимательный зритель не догадывался, что И. Москвин смотрит в этот момент... на самого себя, так как он же ведет в фильме и роль следователя. Мастер поразительного перевоплощения, Москвин создал два глубоко индивидуализированных образа далеких, чуждых друг другу людей.

С появлением звука в кино неизмеримо расширились возможности воплощения на экране произведений великого художника слова. Один за другим выходят фильмы «Маска», «Налим», «Хирургия». Разные по содержанию и жанровым признакам, эти киноновеллы имели одну общую особенность — слабое, поверхностное проникновение в сущность экранизируемых рассказов.

«Мужчина поднялся, вытянулся во весь рост и сорвал с себя маску... В буяне все узнали местного миллионера, фабриканта, потомственного почетного гражданина Пятигорова, известного своими скандалами, благотворительностью и, как не раз говорилось в местном вестнике, — любовью к просвещению...» Всего лишь несколько строк посвящает Чехов этому эффектному моменту в своем рассказе, но сколько здесь возможностей для глубоких обобщений на экране, для широкого показа представителей «интеллигентного» общества, с которых писатель с горечью и иронией срывает маски! А в фильме, к сожалению, главное место совершенно неоправданно занял купеческий дебош, хотя в рассказе он лишь одно из средств раскрытия мерзостей старого быта.

Мягкий юмор, точность жизненных наблюдений, столь присущие автору, не нашли своего отражения в киноварианте «Налима». Фильм «Хирургия» грешил избытком натурализма в изображении страданий дьячка Вонмигласова.

Выгодно отличался от этих киноновелл фильм «Медведь», поставленный в 1940 году режиссером И. Анненским. Водевиль, блестяще сыгранный М. Жаровым, О. Андровской и И. Пельтцером, великолепно передал искрящийся юмор, остроумие, тонкость психологических характеристик, стремительность чеховского произведения.

«Переполох». Машенька — Н. Меньшикова, Николай Сергеевич — Е. Тетерин.

«Анна на шее». Выпуск 1954 года. Анна — А. Ларионова, Петр Леонтьевич — народный артист РСФСР А. И. Сашин-Никольский.

Опыт дальнейших кинопостановок — «Свадьба», «Человек в футляре» и, наконец, выпущенного совсем недавно фильма «Анна на шее» — показывает, что некоторых наших киномастеров все еще соблазняет чисто внешнее копирование, которому уже отдана была изрядная дань ранее. Этому во многом способствует отсутствие чувства меры, так высоко ценимого А. Чеховым. Например, фильм «Свадьба», поставленный режиссером И. Анненским к 40-летию со дня смерти писателя, при несомненных актерских удачах Э. Гарина в роли жениха, О. Абдулова в роли Дымбы, отличался поверхностным, вульгарным комикованием, столь чуждым природе чеховского творчества.

Спорной в свое время показалась зрителям и экранизация тем же режиссером И. Анненским «Человека в футляре». Наряду с верными, близкими к рассказу образами Вареньки и ее брата, центральный персонаж — учитель Беликов оказался весьма далеким от замысла писателя. Желание во что бы то ни стало усилить, «углубить» этот образ привело к такому сгущению красок, что вместо трусливого, мелкого и жалкого, по определению Чехова, «человечка», державшего в страхе целый город (именно в этой парадоксальности и заключается вся сила рассказа), в фильме получился сильный, решительный, фанатичный человек злой воли, которого окружают пародии на людей.

К сожалению, и в новом цветном фильме «Анна на шее» стремление «приукрасить» Чехова — катанье на тройках, цыгане и суматоха бала — заглушает идею рассказа. Чеховская простота, чеховский подтекст остались за рамками пышных кадров. А на экране появились ненужные шаржированные детали, вроде ботиков, которые Модест Алексеевич снимает с «его сиятельства», или нарочитая символика в виде белки в колесе.

Но многое в этом фильме и радует. Чеховские интонации талантливо переданы А. Сашиным-Никольским в образе отца Анны, они звучат и в некоторых сценах с Артыновым, в пейзажах, снятых оператором С. Рейсгофом. И особенно волнует финал, решенный в строгом соответствии с концовкой рассказа: «Петр Леонтьич запивал сильнее прежнего, денег не было, и фисгармонию давно уже продали за долг. Мальчики теперь не отпускали его одного на улицу и все следили за ним, чтобы он не упал; и когда во время катанья на Старо-Киевской им встречалась Аня на паре с пристяжной на отлете и с Артыновым на козлах вместо кучера, Петр Леонтьич снимал цилиндр и собирался что-то крикнуть, а Петя и Андрюша брали его под руки и говорили умоляюще: — Не надо, папочка... Будет, папочка...»

Безусловной удачей киноэкранизации произведений Чехова являются старый фильм «Юбилей», поставленный режиссером В. Петровым и разыгранный превосходным актерским ансамблем — В. Станицыным, О. Андровской, В. Топорковым, А. Зуевой, В. Грибковым, — и недавно вышедшая короткометражная кинокомедия «Беззаконие» (режиссер К. Юдин, в главной роли Мигуева — М. Яншин) и только что законченный фильм «Переполох» — дипломная работа выпускников Всесоюзного государственного института кинематографии В. Ордынского и Я. Сегель.

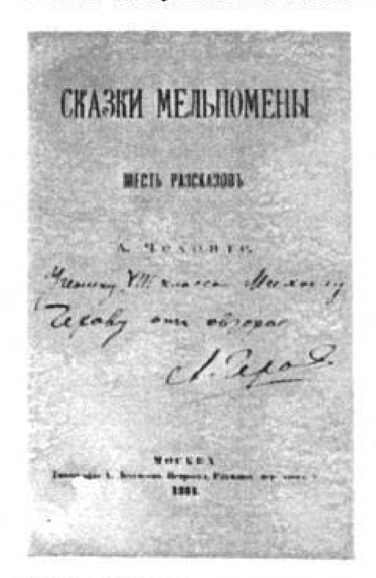
Молодые режиссеры сумели средствами киноискусства передать скрытый, внутренний драматизм этого рассказа, написанного в защиту тех, кто живет «в людях», гневный протест против современного писателю душного, лживого, мещанского мира «хозяев».

Чехов близок и дорог советским людям, и потому творчество этого тонкого и чуткого художника, создавшего целую галерею бессмертных образов, должно занять большее место в работах мастеров советской кинематографии. Маленькие, изящные новеллы и глубокие психологические полотна, едкая сатира и мягкий лирический юмор — все это ждет яркого, полноценного воплощения на экране.

СПЕКТАКЛИ ЧЕХОВА ЗА РУБЕЖОМ

Два неизвестных автографа

Одним из близких друзей А. П. Чехова был талантливый русский строитель, автор многих известных сооружений, в том числе здания МХАТа и Ярославского вок-

СКАЗКИ МЕЛЬПОМЕНЫ

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

А. ЧЕХОНТЕ

МОСКВА

1884

зала в Москве, академик архитектуры Ф. О. Шехтель.

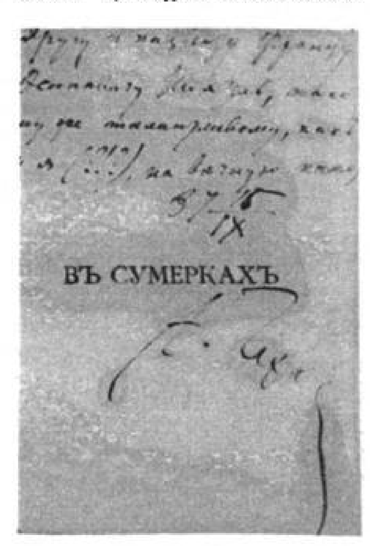
Антон Павлович познакомился с ним еще в молодости, когда тот учился вместе с Н. П. Чеховым и И. И. Левитаном в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

Молодой Шехтель часто рисовал обложки, иллюстрации, виньетки к первым изданиям произведений Чехова. Он же автор ставшего эмблемой МХАТа рисунка «Чайка».

Чехов часто встречался с Шехтелем, переписывался с ним. В 1882 году он посвятил ему опубликованный в журнале «Мирской толк» отрывок «Два скандала».

Сохранилось более сорока писем Чехова к Шехтелю.

У дочери академика В. Ф. Шехтель-Танковой находятся две книги с автографами писателя: сборник его рассказов «Сказки Мельпомены» (1884 год), торжественно преподнесенный «Уче-

ВЪ СУМЕРКАХЪ

нику VIII класса Михаилу Чехову от автора», и сборник «В сумерках» (1887 год) с шутливой надписью: «Другу и пациенту Францу Осиповичу Шехтель, такому же талантливому, как и я (?!?), на вечную память.

87 $\frac{15}{IX}$».

В. МАКСИМОВ

Среди спектаклей Национального театра — лучшего театра Чехословакии — большой популярностью пользуется «Вишневый сад». На снимке: сцена из спектакля.

В марте 1954 года Народный театр Софии поставил «Три сестры». В постановке занято два состава исполнителей. Большая удача спектакля — Ирина в исполнении Т. Масалитиновой.

Камерный театр Берлина. Сцена из спектакля «Чайка».

В 1951 году театр «Олдвидж» в Лондоне поставил «Три сестры» Чехова (режиссер П. Ашмор). В спектакле были заняты лучшие актеры труппы. Особый успех выпал на долю Маргарет Лайтен — исполнительницы роли Маши, Селии Джонсон — Ольги, Рене Ашерсон — Ирины. Критика, высоко оценивая постановку, отмечала, что пьеса Чехова теперь стала такой же близкой и понятной английскому зрителю, как драматургия Шекспира и Шоу. На снимке: сцена из первого действия. Слева направо: Ирина — Р. Ашерсон, Чебутыкин — Х. Вильямс, Ольга — С. Джонсон, Маша — М. Лайтен и Тузенбах — Р. Бомонт.

Случай с рассказом

1 января 1889 года в газете «Новое время» был опубликован рассказ А. П. Чехова под заголовком «Сказка», который затем в переработанном виде в 1901 году вошел в собрание сочинений марксовского издания под заглавием «Пари».

Уже после смерти Чехова, в 1911 году, в 26-м номере журнала «Весь мир» появился переведенный с французского языка рассказ Жозефа Рено «Le roi de l'Etain», озаглавленный в русском переводе «Странное пари». Даже при самом беглом ознакомлении с этим рассказом видно, что автор не постеснялся «позаимствовать» сюжет чеховского рассказа «Пари».

Рассказ Жозефа Рено начинается торжественным обедом в огромном здании, принадлежащем миллиардеру Галифаксу. За обедом миллиардер заявляет:

— Я предлагаю пятьсот тысяч франков тому, кто согласится провести в одиночном заключении один год... Я убежден, что тот, кто согласится на этот опыт, или покончит с собой, или попросит, чтобы его выпустили на свободу до срока, или через год превратится в идиота...

В числе гостей присутствует (так же, как у Чехова) молодой юрист по имени Жак Моно, служащий секретарем у одного сенатора.

— Я согласен! — кричит он.

Пари заключено. Молодого человека тут же уводят вниз, в изолированную комнату без дневного света. По условию, если он не выдержит годового одиночного заключения, ему достаточно только нажать кнопку электрического звонка, и его немедленно освободят. Пари будет проиграно.

У Чехова разорившийся банкир в последние часы, оставшиеся до истечения срока договора, идет к заключенному с намерением убить его. У Рено разорившийся фабрикант приходит к заключенному за 40 минут до истечения срока и умоляет спасти его, а потом хочет сам нажать кнопку звонка. Между ними завязывается борьба, во время которой банкиру подвертывается под руку нож, он убивает заключенного, нажимает кнопку звонка и исчезает.

В конце рассказа Галифакса уличают в убийстве, и он кончает с собой.

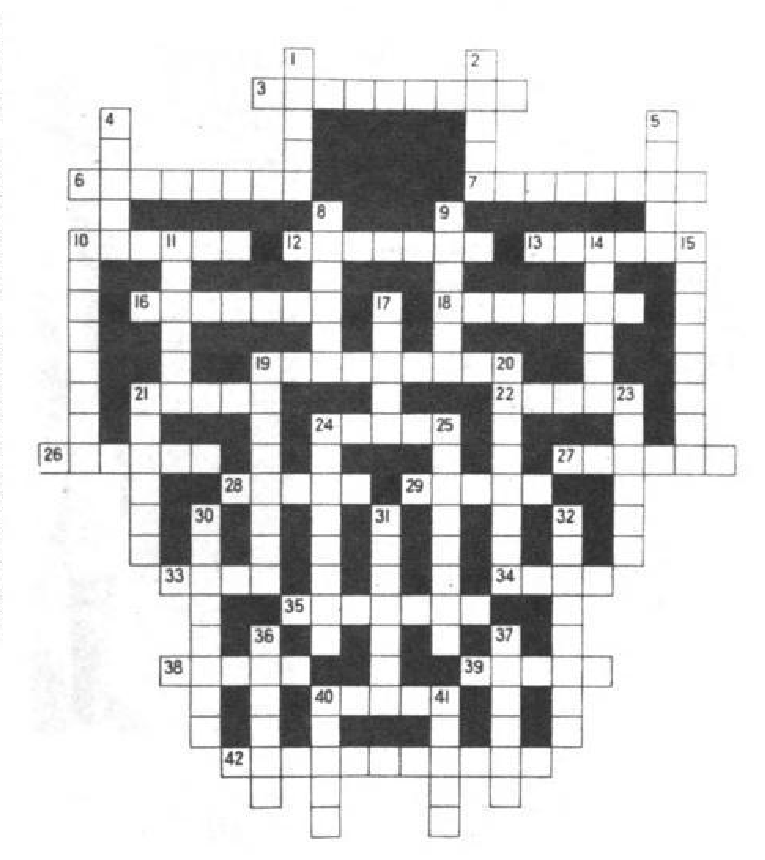
В 1912 году русская кинематографическая фирма «Тиман, Рейнгардт, Осипов и К°» выпустила фильм «Лишенный солнца», сюжет которого был взят из рассказа Жозефа Рено.

Спустя два года фильм был продан для проката известной в то время заграничной фирме «Бр. Пате» и попал во Францию. Там его увидел Жозеф Рено, почел себя уязвленным и возбудил против фирмы судебное дело.

Кинофирма «Тиман, Рейнгардт, Осипов и К°» попала в затруднительное положение, так как формально налицо был факт использования «оригинального» сюжета без ведома автора. Очевидно, фирме пришлось бы понести убытки. Однако кто-то из литературно грамотных юрисконсультов фирмы вспомнил о чеховском рассказе и указал, что, если уж на то пошло, фирма действительно виновна в использовании произведения Жозефа Рено, но он, в свою очередь, повинен в чистейшем плагиате.

Н. СЫСОЕВ,
научный сотрудник
Дома-музея А. П. Чехова
в Ялте.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Известный сатирический образ. 6. Журнал, в котором был напечатан первый рассказ А. П. Чехова. 7. Короткая веселая пьеса. 10. Член окружного суда в «Лишних людях». 12. Название сцены в одном действии. 13. Имя соседа из «Письма к ученому соседу». 16. Фамилия бухгалтера «Из дневника помощника бухгалтера». 18. Великий русский писатель. 19. Фамилия Вареньки из «Человека в футляре». 21. Рассказ о неизвестном Федюкове, который расписывался на листе визитеров. 22. Эмблема МХАТа. 24. Персонаж рассказа «Розовый чулок». 26. Рассказ из жизни актеров. 27. Токарь в рассказе «Горе». 28. Доктор в «Палате № 6». 29. Рассказ об одолженных наградах. 33. Город в Крыму. 34. Действующее лицо в «Вишневом саду». 35. Антрепренер в рассказе «Критик». 38. Имя одной из сестер в пьесе Чехова. 39. Произведение, в котором извозчик рассказывает лошади о своем горе. 40. Врач в драме «Иванов». 42. Дьячок в рассказе «Хирургия».

По вертикали:

1. Литературный жанр. 2. Автор портрета писателя. 4. Река, в долине которой часто отдыхал А. П. Чехов. 5. Героиня рассказа «Зеркало». 8. Драма А. П. Чехова. 9. Персонаж рассказа «Враги». 10. Профессия героя рассказа «Пересолил». 11. Имя одного из сыновей Ширяева в «Тяжелых людях». 14. Рассказ, в котором актер беседует с приятелем-газетчиком. 15. Усадьба писателя. 17. Рассказ А. П. Чехова. 19. Кличка собаки в одноименном рассказе. 20. Персонаж рассказа «Хамелеон». 21. Собеседник Унылова в сценке «После бенефиса». 23. Действующее лицо пьесы «Дядя Ваня». 24. Один из чиновников в рассказе «Женское счастье». 25. Подполковник в «Трех сестрах». 30. Герой в рассказе «Радость». 31. Репетитор в одноименном рассказе. 32. Действующее лицо в шутке «Трагик по неволе». 36. Одна из «лошадиных фамилий». 37. Профессия Старцева в рассказе «Ионыч». 40. Сосед Чубукова в шутке «Предложение». 41. Рассказ А. П. Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

6. Постановление. 8. Камея. 9. Абрис. 12. Оргон. 13. Ненец. 14. Котангенс. 16. Рисунок. 17. Аквилон. 18. Конго. 20. Мороженое. 21. Вольтметр. 24. Анапа. 26. Сенокос. 28. Копейка. 29. «Репетитор». 30. Чирок. 32. Сатин. 33. Кожух. 34. Углич. 35. Предположение.

По вертикали:

1. Кожан. 2. Оттенок. 3. Континент. 4. Вербена. 5. Минин. 7. Происхождение. 8. Конус. 10. Сепия. 11. Реконструкция. 14. Коллектор. 15. Скульптор. 18. Крона. 19. Охота. 22. Растрелли. 23. Поток. 25. Секач. 27. Секунда. 28. Колгуев. 31. Кобра. 32. Сирия.

Письмо Шаляпину

Благодаря А. М. Горькому Федор Иванович Шаляпин сблизился с писательской средой.

Посещая литературные «среды», он страстно желал познакомиться с Антоном Павловичем, но это никак не удавалось. Рассказывая о своих молодых годах, Федор Иванович вспоминал, как не решался поехать к Чехову один, боясь показаться назойливым, и упросил И. Бунина поехать с ним вместе. Увидев Чехова, Федор Иванович страшно смутился и, растерявшись, стал что-то бормотать, но под ласковым взглядом Антона Павловича неловкость быстро исчезла, и он возвратился домой в полном восторге от обаятельной личности великого писателя.

Федор Иванович очень любил слушать рассказы Чехова в исполнении своего друга И. М. Москвина. Особенно нравились «Злоумышленник», «Хирургия», «Налим».

Я с детства привыкла видеть на письменном столе у отца чеховский портрет рядом с фотографией Льва Толстого. Вот сохранившееся у меня и до сих пор не публиковавшееся письмо, вместе с которым Чехов прислал свою фотографию:

«Дорогой Федор Иванович, все ждал Горького, чтобы вместе отправиться к Вам, и не дождался. Недуги гонят меня вон из Москвы. Первого марта приеду опять и тогда явлюсь к Вам, а пока — да хранят Вас ангелы небесные!

Фотографию пришлите в Ялту.

Крепко жму руку и целую Вас. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

26 ноября (на своей карточке я написал 27 — ну, да это все равно) 1901 [?]».

И. ШАЛЯПИНА

Шутливая надпись

— В молодости я много занималась живописью,— рассказывает Мария Павловна Чехова.— Как-то однажды, когда мы жили в Мелихове, я сделала зарисовки карандашом бывавших в нашем доме писателей Игнатия Николаевича Потапенко, Петра Алексеевича Сергеенко и редактора журнала «Русская мысль» Виктора Александровича Гольцева и назвала этот рисунок «Мои новые друзья».

Под наброском я сделала шутливую подпись: «Ах, Потапенко», — намекая на его популярность и успех у женщин.

Каким-то образом этот рисунок однажды попал в руки Антона Павловича, и он сделал на нем свою шутливую запись: «Полуавтор «Жизни», т. е. автор, деленный на два $= \frac{\text{автор}}{2}$; а так как автор есть умный человек, то $\frac{\text{автор}}{2}$ = полуумный!» Для того, чтобы понять смысл этой шутки, нужно помнить, что Потапенко и Сергеенко были соавторами пьесы «Жизнь».

В этом номере на вкладках: портрет А. П. Чехова работы Н. П. Чехова, четыре страницы иллюстраций к рассказам А. П. Чехова: Д. А. Дубинского, С. С. Бойма и А. В. Ванециана и три страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05076. Подп. к печ. 6/VII 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 586. Заказ 1921. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Из почты «Огонька»

ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ.

Фото инженера А. Мухина. Иваново.

Цена номера